

С. СОМ

КАТАКОМБНЫЙ МЭЙНСТРИМ,
КНИГА ВТОРАЯ:

КАТАКОМБНЫЙ
МЭЙНСТРИМ
И ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Слово о Слове

Свидетельство

Володарское представление

Действие первое: Шкварин

Настенная пауза

Второе начало Никит

Действие второе: почти зелёное

Журнальная пауза

Топология осени

Действие третье: социально-коричневое

Ватер-газетная пауза

Девятка

Эпистолярная пауза

Действие четвертое: во всех отношениях чёрное

Новогодняя пауза

Действие пятое: почти фатальное

Финальная турбулентность

СОДЕРЖАНИЕ:

Действие третье: социально-коричневое	4
Ватер-газетная пауза	35
Девятка	50
Эпистолярная пауза	77
Действие четвертое: во всех отношениях чёрное	112
Новогодняя пауза	138
Действие пятое: почти фатальное	173
Финальная турбулентность	201

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ: СОЦИАЛЬНО-КОРИЧНЕВОЕ

“Мы не дрались ПРОТИВ – мы сражались ЗА.”

: С. Лещина

Той же осенью 1981 года Гном, с подачи Саши Морозова, вошёл в Московскую спелеокомиссию – и у него с Сашей возникла одна идея.

– Дело в том, что немногие умные люди, оказавшиеся в Московской спелеокомиссии после “переворота от 1979 года”, не могли не видеть: вся система так называемой официальной спортивной спелеологии с культивируемой ненавистью к каменоломням и “любовью” к пещере на уровне спортивного снаряда катится в ничто. С каждым годом “официальная система” теряла тех, кто открывал новые спелеорайоны, конструировал новое ‘верёвочное железо’, осваивал новые технологии работы с верёвкой. Появившаяся на западе “техника SRT” по милости Московской спелеокомиссии была в нашей стране под полным и безоговорочным запретом – естественно, что прогрессоры её были вынуждены не пересекать свои подземные маршруты с официальной спелеологией. Но точно так же не пересекались с “регламентированной официальной спелеологией” подземные пути исследователей подолийских гипсовых лабиринтов и сказочно красивых пещер Кап-Кутана, уральских и алтайских горизонтально-вертикальных пещер, нарождающихся вертикальных гигантов Средней Азии и новых спелеологических районов Кавказа,–

: Кто открывал новые пещеры и шёл в них не ради бирюлечных справочек — *ради Мира Подземли* – в “официальных спелеологических рекомендациях” нуждался не более, чем акула в дыхательном аппарате. Вообще об интеллектуально-нравственном соотношении регламентированного разрядами/справочками “официально-массового спорта” и “дикого” – что является спортом души и определяется лишь внутренней прикольной потребностью – прекрасно говорит небольшой диалог из фильма «Экстремалы» (сцена в баре альпийской гостиницы, где пара “диких” горнолыжников общается с олимпийской чемпионкой в слаломе-гиганте):

– Значит, весь смысл своей жизни ты видишь в том, чтоб прокатиться на лыжах по маршруту, по которому перед тобой съехали с горы тысячи человек – ради одного: на тысячную долю секунды съехать быстрее, чем кто-то? Прости — это не занятие для уважающего себя и Гору человека.

Отношение же прочих спелеологов страны к Московской спелеокомиссии было такое, что иной раз на выездах москвичам приходилось маскироваться под ленинградцев – только б местная КСС не завернула с маршрута (как случилось на Алтае) или не начистила едальники (как в Подолии).

То есть: переворот свершился, да ни к чему не привёл. Или почти ни к чему – ибо Дракон из вьетнамской сказки остался на троне. Да и трон был скорее

бутафорский, на уровне детской игры – ибо сама система официальной спелеологии осталась без изменений.

: Ясное дело, она нуждалась в переливании крови. В прививке того самого дичка, что спасает элитную породу от вырождения. И какую бы пургу в адрес неофициальной и теневой спелеологии ни гнали из Центральной (тогда ещё илюхинской) ‘спелеооказии’, – как бы ни хулили и ни обливали помоями ‘катакомбных алкоголиков’ (что с успехом рассекали не только по любимым каменоломням, но и по отдалённым вертикальным и горизонтальным спелеозакромам родины), – было очевидно: без нашей помощи результаты “московского спелеопереворота” будут пшиком.

— ДВА ВАЖНЫХ МОМЕНТА:

Момент первый – это было нужно ИМ, а не НАМ. Потому что как бы ни “тормозила” нас крымская ГСС, работающая в тесном взаимодействии с московскими спелеовластями (пожалуй, только она одна из прочих) – мы всё равно прорывались в горный Крым. Например, зимой. Когда орлы¹ из местной “Г≡СС” грели клювики по тёплым семейным гнёздышкам. И на плато под метели и морозы “клювов не казали”. Пусть зимний выезд в горы в сто раз сложнее летне-пижонского, – что с того? НАМ эти трудности были по барабану. Нас это только закаляло. [Между прочим: именно наработанный опыт зимних выездов на Чатыр-Даг позволил неофициальной московской спелеологии позднее освоить “рекордоносные” кавказские вертикалки, ибо только в зимний межень их и можно было проходить в более-менее безопасном режиме.] А уж в пещеры Средней Азии, на Урал и в не отличающуюся от нас по спелеоуху Подолию или в Одесские, Самарские и Саблинские пещеры ездили, когда хотели. И всегда были желанными гостями. Так что надобности в спелеоофициозе никто из нас не испытывал. Мало того: в Никитской Системе мы были сами себе хозяева (как бываешь хозяином у себя дома); только полный и законченный даун захочет добровольно согласовывать своё домашнее бытиё с некой официальной структурой.

Момент второй – далеко не все в Московской спелеокомиссии были готовы “пойти на попятный” в отношении ‘каменоломенной спелеологии’. То есть – спелестологии. [О признании SRT и речи не шло.] Ибо даже из книги Мальцева следует: *теневым спелеологам дали порулить казённой спелеомашиной – как монгольскому космонавту полетать по космическим просторам. («ВОВРЕМЯ КОРМИТЬ СОБАК И НИЧЕГО НЕ ТРОГАТЬ НА КОРАБЛЕ!!!»)*

Да и сам Мальцев, что выступил в этом проекте на стороне Морозова, был связан определёнными обязательствами с созданным властью “спасотрядом”, – что доказал менее, чем через год. Просто ради осуществления своих среднеазиатских проектов был вынужден слушать Морозова. И потакать ему. А за

¹ Справедливости ради следует заметить, что этот весьма смягчённый эвфемизм пользовали немногие. Основная масса любителей зимних посещений ‘Чердака’ и ‘Карабей’, а также наши друзья из “диких”, то есть неофициальных крымских спелеологов, выражались: «дятлы», «мозгоклюи», «долбоёбы», – и так далее.

спиной творил то, что было указано.

Гном и Саша – другое дело. Но они были в меньшинстве. Тем не менее, Гному дали “для эксперимента” прозябающий в заливаемом канализацией подвале районный турклуб “Сокольники”, – то есть его существующую на бумаге спелеосекцию. Пригрозив-напутствовав: «Ну, дерзай – экспериментатор... Только смотри нам!..»

Гном позвонил мне и предложил приехать в этот клуб «для очень важного разговора». Вместе с остальными никитскими. И по возможности, с ребятами из других Систем.

... На первую встречу приехали только я, Мамонт, Рашпиль, Лещина, Хенк и Золушка. Остальные решили “не светиться перед официозом” и посмотреть, что выйдет из нашей затеи.

Гном представил нам своих товарищей: таких же, как он, “официальных спелеоинструкторов” Женю Романюк и Лёшу Ветра². И директора клуба Марину.

Вполне достойных и интересных ребят, – что бы до сих пор ни ворчали отдельные представители Никитского Круга. < Что всегда отличало никитян — безусловная свобода и право на собственное мнение. Здесь же замечу: если кому-то *кажется*, что я в своих художественных вещах “перегибал палку” в интеллектуально-моральной оценке “официальной спелеологии и некоторых её представителей лично” — *жаль, не слышал считающий так мнений остальных никитян*. Особенно после появления статьи “Лабиринт”. И после того, как стало известно, что никитские сталактиты были уничтожены Мальцевым. После “товарищеского суда” над нами в горклубе. После того, как Зелёного Змея и Моку вытащили на поверхность с четырёхмесячного подземного пребывания, –

И ПОСЛЕ ВЗРЫВА НИКИТ —

: только моё влияние позволило в паре ситуаций уйти Андрюше Вятчину и Лёше Крицкому из Никит живыми и невредимыми. А В. Мальцев так, наверно, и пребывает в счастливом неведении, что однажды его чуть не изувечили под землёй. Ибо для никитян сделать это было не трудно.

Гораздо труднее было мне объяснить, что какими бы помоями нас ни поливали, как бы ни провоцировали и ни толкали на гадости, ни в коем случае нельзя опускаться до уровня этих скотов.

² Просьба не путать с современным Лёшой Ветром, модератором www.caves.ru. Дублирующие ники в нашем кругу, порождённые массовой любовью к литературно-кинематографическим персонажам, создали много весёлых и грустных ситуаций. Особенно, если некий Министр или Крот славился успехами в области вскрытия новых Систем — а его тёзка разного рода подлостями. Иной раз “и в морду можно было получить ни за что”. < Замечательный анекдот: *встречаются на Арбате Бегемот 485-й и Хоббит 548-й, и идут в гости к Маклауту 286-ому... Где встречают Крота 1024-ого и Мастера 513-ого... >*

– А что: подставлять жопу — коль щёки кончились??? – восклицал Мамонт. И с ним в унисон Зелёный Змей и многие другие никитяне. Называющие меня за эти “примиренческо-всепрощальные взгляды” **ДЕРЬМОКРАТОМ ФИГОВЫМ**.

: Чуть не получил ещё один ник...

— Но грянула **Чёрная война**, и даже я перестал сдерживаться. >

– Возвращаюсь к более светлым временам и событиям.

Гном, Женя, Марина и Лёша предложили Никитскому Кругу в полном составе записаться в спелеосекцию этого клуба. И привести, по возможности, как можно больше наших коллег из иных Систем.

– Для чего? – возник естественный вопрос. (Мамонт сформулировал его: – *НА ХЕР???*)

: Лично мне никакого “официального спелеологического образования” получать было не нужно. Ибо не за чем. Я в том году уже перешёл работать из I ММИ в МОГИФК и начал разрабатывать программу подземных спелеонавтических пребываний, – *какое отношение занятия спелеонаукой могли иметь к “официальной спортивной спелеологии”?*..

– Сможете открыто ездить в большие пещеры...

– Больше Никит?.. – ехидно поинтересовался Мамонт.

– Так мы и так ездим: кто хочет, – ответили остальные.

Лично мне ездить куда-либо кроме Никит более не хотелось. Если вести речь о “вертикалках”. Ибо уже наездился “по самое ни хочу” – и понял: *моё – это Никиты. Пребывания в них.*

– Ну, не все же из вас обладают таким спелеоопытом, как Командор, – сказал Гном. – И вообще: системные знания ещё никому не мешали. Это во-первых. Во-вторых, получите официальные отмазки для проведения спелеоэкспедиций в любые места и районы, куда захотите поехать. Не нужно будет шхериться ни от пограничников, ни от ментов, ни от спасателей...³

: В принципе, аргумент достаточно убедительный. Ибо уже имели столкновения в своих поездках с ментами — при раскопках того же подземного монастырского хода в Фаустово менты нам просто проходу не давали: – а кто вы? по какому праву копаете?? Кто разрешил???

Главное – чтоб нам не навязывали места проведения этих экспедиций. Равно их цели и состав участников.

Так что резон в предложении Гнома был. Не столь, конечно, определяющий — чтоб продаться официальной спелеологии и деяниями своими автоматически множить её славу. Ведь ясно: каждая такая поездка, как и случившиеся в ней открытия, будут приписаны себе чиновниками из спелеокомиссии. А мы превратимся в обязанных им своими свершениями.

– И что мы будем за эту благотворительность должны? – поинтересовался

³ Скажите: в какой ещё стране спелеолог, чтобы выжить, должен шхериться от спасателей?..

Малый Хенк.

– Ну...

: Выяснилось – почти пустяк. Поделиться своими картами Никит с официальными архивами. Я сразу сделал вид, что никакой спелеотопосъёмной деятельности мы не ведём.

– Вот мы вас ей и научим...

Мы еле сдержались от смеха. Ибо в Никиты к тому времени ходили не только профессиональный гидрогеолог Хмырь (как ряд профессиональных геологов, карстоведов и минералогов) – но и вполне профессиональные топографы. Например, Склизкий Змей, учившийся тогда в Московском Топографическом Техникуме. Или ЮДА, профессиональный геодезист-полевик. *Что нам были “гарантированные спелеоспортивные любительские ликбезы” — против знаний и опыта наших профессионалов?..*

– Мы можем организовать свой спасотряд...

: Спасибо. Со всеми случавшимися ЧП до сих пор справлялись без официальной помощи. Но возможность *легализовать свой спасотряд* = возможности “вывести из оборота” спасателей типа Мальцева.

Над этим стоило подумать.

– А вы знаете, что власть вообще собирается закрывать ваши каменоломни? И что единственный способ сохранить их, коль вы их так любите — объявить спелеозаповедником и тренировочным полигоном. Необходимым спелеологии, как воздух. Потому что сами знаете: Никиты ваши уникальны, даже на фоне всех остальных подмосковных Систем, – как полигон для тренировок перед выездами в вертикальные пещеры не имеют себе равных.

: Вот это сломало нас. И мы согласились.

Сразу замечу – идеи, что Никиты *идеальный спелеополигон*, не были новыми. Мы это прекрасно знали, – как и то, что официальные спелеокоманды на крымских выездах против даже никитских чайников выглядели бледновато. Но первое “официальное озвучивание” этой мысли принадлежало Гному и Жене. *И так странно было через год читать о том на страницах “Комсомолки”... Якобы – из уст Мальцева. < ..., ..., ... >*

Гном сказал, что для моих экспериментов, как и для его исследований необходима некая “крыша”, не зависящая от официальных “научных работодателей”. Потому что темы приходят и уходят, – исследователи остаются. И для проведения наших экспериментов необходимо иметь не подлежащую иной юрисдикции базу – как конкретную каменоломню, так и чисто человеческий фонд исследователей и экспериментаторов.

А значит, нужно было выводить Никиты в ранг спелеозаповедника и учебно-тренировочного полигона – где без помех можно заниматься *своими* исследованиями. А официально зафиксированный спелеоклуб даст необходимых людей. Потому что на одном энтузиазме в нашей стране далеко не уехать. Помещение “Сокольников” можно сделать не только местом проведения спелеозанятий, но и самым настоящим спелеоклубом. Где без помех смогут собираться-встречаться спелестологи из всех подмосковных Систем.

– Вы вообще где обычно собираетесь – кроме как под землёй? – спросила Женя.

– Ну... У меня, например, – ответил я. Однако в том году я ещё жил с мамой, и собираться Никитскому Кругу у меня было проблематично. К тому же чья-то конкретная квартира – априори персонально-личностный центр (не говоря о естественном неудобстве приёма гостей в определённых ситуациях), –

Никитский Круг представлял из себя “спелестологическое множество интересов и личностей, по определению равноудалённых друг от друга”. И равносвязанных общим притяжением — Никитами.

Никакая городская квартира не могла служить аналогом этого притягивающего центра.

Клуб, равнообщий для всех – мог.

Так началась *спелестологическая эра Сокольников*.

: Клуба, с которым для многих моих коллег по миру Подземли связано “более, чем много всего”. Спасибо Саше Морозову и Саше Мишину. И конечно, Марине, Жене и Ветру.

Никитяне, недавно пришедшие в Систему, занимались в этом клубе в школе начальной спелеологической подготовки — вместе с ребятами из Силикат. Под руководством Гнома, Жени и Ветра.

С ними вместе ездили в лабиринты Подолии и в горный Крым.

Поначалу народу из Киселей и Володар в Сокольниках не было – володарским компаниям, что вели своё происхождение от “Парабеллума” Пети-Крота, “по жизни было накласть на любой официоз” — и что “Парабеллум”, что осевшие в Киселях “Троглодиты” нуждались в “школе начальной спелеологической подготовки” не более, чем я. Силикаты и Никиты в те годы воспринимались некими “центрами” подмосковной спелестологии, формирующими два столь разных спелеоэтноса, – Кисели и володарские системы играли роль своего рода “спелеопровинции”. Где “пенсионно отдыхали” меж поездок в Старицу и иные спелеорайоны личности уровня Крота и Старшего Кэма – и в полном обалдении от “национальных особенностей” их спелеоотдыха метались случайно сказавшиеся чайники. “Никитско-силикатный” статус Сокольников расширился после нашего слёта Памяти Вити Шагала в 1982 году, когда к нам присоединилось несколько новых компаний ребят, поначалу пришедших в Кисели и не захотевших ограничиваться их спелеообъёмами — они органично вписались в тогдашний Никитский Круг, часть воскресений проводя у себя в родной Системе, часть у нас в Никитах. Среди недели встречаясь с нами и любителями Силикат в Сокольниках – и на равных принимая участие во всех наших спелеоэкспедициях. Соответственно, никитяне стали чаще появляться в Киселях — в результате чего Никитский Круг незаметно разросся, включив в себя даже ветеранов этой Системы – компанию Кэма-Старшего.

Я с Гномом и Женей занимался планами по официальному приданию Никитам статуса спелеозаповедника. Были составлены необходимые письма и обращения, – подкреплены научными данными и схемами, описаниями возможных маршрутов и планов *настоящей спелеоподготовки*. А не футбольно-

волебольной официальной. “От Илюхина”.

: Саша Морозов во всём помогал нам – и как член московской спелеокомиссии, и как человек. Понимающий – *и помнящий* – что без подмосковных каменоломен московской спелеологии бы не было.

И просто, как мой старший товарищ. Учитель. Приглашал меня в Снежную – я отказался: экспедиция (его уникальное трёхмесячное пребывание на глубине в один километр прошло минувшим летом, и мы с ним и Гномом много говорили об этом, – как и о наших с Гномом грядущих экспериментах) планировалась на период подготовки моего трёхмесячного могифковского Пребывания. Оторваться не мог.

: Так и не попал. Ибо потом случились иные события, – но ряд никитян успел съездить в Снежную с Сашей.

Периодически из МКК следовало: здесь в ваших документах неточность, здесь ошибка в оформлении, здесь требуется перерасчитать то-то и то-то... Мы с Женей исправляли и перерасчитывали.

Гном отвозил выправленные бумаги в горклуб.

: Все наши проекты и пожелания аккуратно клались “под сукно”. Морозов делал, что мог, – но что может сделать один, пусть и очень хороший человек? Против своры шакалов.

Противодействие которых было, конечно, незримым – но ощущалось в полную силу. И не понять было: кто это делает и зачем.

: *Кому вообще может помешать наш проект?..*

* * *

О хрестоматийно-известной “карте Никит работы Мальцева/Вятчина от 1977 года” [она же “съёмка группы SF”] много говорилось и в интернете, и на страницах моих повестей. То, что датой выпуска на ней значился 1959 год, когда Никит, как открытой Системы, не было и в помине, а подземные интересы В. М. и его лучшего друга ограничивались детской песочницей, можно списать на чьё-то небрежное копирование.

То, что север сдвинут на 97° – бывает. Простительно (учитывая описанное Мальцевым свойство А. Вятчина сдвигать “на N градусов лимб компаса”). То, что на ней нет *половины ходов и гротов Системы, известных в то время каждому никитянину* – хуже. Однако же, вполне объяснимо: Система крайне тяжёлая для работы, людьми этими нелюбимая и даже презираемая, – желания до потери пульса ползать по ней не было ни на грош (тем более, увеличивая при этом “официально-картографическую” длину Системы), – так что пропуски “отдельных штреков” понятны. Конечно, возникает вопрос: на фигу нужна *такая карта?* – но возникает он лишь у тех, кто излишне озабочен “подземной правдой-маткой”. То есть, так или иначе, большинство огрехов этого картографического анекдота можно коль и не простить – то понять. И даже то, что в нём *начисто отсутствует целый сектор Системы – начиная от центра и далее к*

периметру, градусов в тридцать. Понимаю, как такое могло случиться: “снимали” двумя встречными группами с характерными магнитными склонениями компасов; всё, что не сошлось при сведении – выкинули, как “ошибку”.

В общем – всё можно объяснить и даже простить с усмешкой, при известном благодушии. Главное, чтоб чичаки-додики не пытались пользоваться этой картой для реальной ориентации в Системе.

Тем более, что в частной беседе в присутствии никитского народа (дело происходило на нейтральной территории общаги МГУ) А. Вятчин честно признал, что “карта SF” «гм... страдает некоторыми неточностями, особенно в свете случившихся приращений Системы». То что Андрей даже в нашем присутствии не мог сказать “созданных (открытых) нами приращений”, не раздражало, – для него и вышесказанное признать было мучительно-тяжко. Тем более, глядя нам в глаза. < Взгляд его во время всего разговора бегал по окружающему пространству, избегая попадания на наши лица. >

: Гному мы обещали, что не будем препятствовать составлению новой карты Никит для “официального спасотряда”. Своих камералок не дадим, но от руки внесём в их лажовую схему все “исправительные коррективы” и позволим оттопосъёмить новые пространства Системы. Потому что, по уверениям Гнома, после этого Мальцев с Вятчиным перестанут блокировать наши планы о придании Никитам статуса тренировочного полигона-спелеозаповедника и даже станут на нашу сторону.

На этой встрече в МГУ мы и занимались “исправлением и коррекцией” мальцевско-вятчинской схемы. Дорисовывали, сколь было можно, пропущенные ходы (знанием о которых было не жалко поделиться) и строго указывали на принципиальную лажу, изменить которую невозможно никаким дорисовыванием.

В соответствии с обещанным, дабы помочь продвижению наших проектов, допустили их в Никиты: показали местонахождение входа в ЖБК для её топосъёмки. И сопровождали во время съёмки, дабы они не заблудились. Силами Малого Хенка и Золушки. Я в это время удерживал Зелёного Змея, Удава и Мамонта от постановки “волока обыкновенно-учебного, общеудушающего, нервно-паралитического и крышесдвигающего действия”, – “ну хотя бы углекислотного, Ком!..”

– Удержал. < Не услышав запоздалого “спасибо”, – но столько выслушав потом от никитян за “эту глупость” ... >

: Золушка, дабы потрафить Вятчину (но, возможно, в целях очень тонкой издёвки), передал ему экспериментально-фантастическую схему Никит разработки Рашпиля – на которой Юлик, имеющий сильную математическую тягу, представил все Никиты в виде прямоугольно-пересекающихся ходов.

Что реальной жизни, конечно, не соответствовало. И сам Юлик убедился в этом довольно быстро – отправив своё “математически-точное” творение туда, куда последовал пяток столь же удачных в прогностическом смысле никитских планов и схем.

: Золушка ради истории творение Рашпиля сохранил.

— Когда увидели его элементы, аккуратно “врисованные” в более-менее точную схему, составленную под нашим руководством, хохотали всей Системой. До упаду.

... На встрече в МГУ Андрюша Вятчин, ничтоже сумняшеся, поучал меня азам спелеотопосъёмки.

Было смешно. Отмазывался-брехал, что “их съёмка потому *немного неточна*, что за время, прошедшее со съёмки, некоторые штреки упали...”

“И отошли при этом в сторону от своего первоначального положения метров на $20 \div 30$ ”. А те, что “стояли и стоят” – почему откартографированы не были?

«Вы их после раскопали».

– Уникальный человек. На всё есть ответы. Кроме одного вопроса: что такое совесть?..

Как уже писал, внесли в их лажовую карту все изменения, что можно было внести. Дабы приблизить нерукотворный документ к природному оригиналу. < Не показывать же им было свою? Ибо хорошо знали, к чему приводит передача подобного рода информации “в одни дрессированные властью руки”. >

... *Мне потом тыкали этим, исправленным нами же вариантом, в нос: – Ну что ты бреешь? Есть на нашей карте эти штреки!*

: Всё те же люди без морального стрёма и совести. На глазах у которых я данные штреки рисовал.

Уклонимся от очевидного вопроса: каак может считаться картой пипифакс, на котором некто от руки нарисовал некие пространства, – и не будем заморачиваться иными вопросами.

: У них ведь всё равно найдутся ответы... Пусть и на уровне пойманного за руку мелкого пакостника.

* * *

Старались не обращать внимания на гадости, которых и без упомянутых персонажей хватало. Один день в неделю в Сокольниках собиралась “спелестологическая школа”, – остальные были клубными днями общения. С чаепитием, тортиками, славными гитарами Серёжи Лещины и Рашпиля (Серёжа устроился работать сторожем в этом турклубе, так что можно сказать: стал профессиональным спелестологом, ибо получал за это деньги, – пусть и смехотворно малые); обсуждением планов на выходные, предстоящих дальних поездок и визитами гостей из других Систем (вот он, “+” нейтральной территории), – иногда спиртными напитками. По поводу какого-нибудь праздника. Которые, впрочем, в выходные неизбежно дублировались под землёй.

* * *

Здесь я должен дать небольшое, но важное пояснение. Какие деньги и сколько неприятностей получали за свою прогрессорскую деятельность наши “сокольничьи инструктора” — можно себе представить. Деньги были смехотворно малые, неприятностей хватало “выше вскрыши”. И не потому, что свободолюбивый “катакомбный люд” подводил Гнома, Женю и Ветра в поездках-экспедициях,— если какие ‘форс-мажоры’ в них и случались, за рамки очевидных экспедиционных приключений они не выходили.

: Неприятности сыпались постоянно из МКК. Например, после одной из поездок никитян в Подолию в “Сокольники” пришла ‘телега’ из МКК, гласящая, что на выезде никитская группа изволила заночевать на территории археологических раскопок — чем не только нарушила утверждено-дозволенные в МКК планы экспедиции, но и вызвала недовольство местных властей... А значит, следует “образцово разобраться и принять соответствующие меры”. Какие меры? Традиционные! Дисквалифицировать нарушителей!! Избавиться от недисциплинированных членов клуба, позорящих честь Московского Спелеолога!!!

— Бред? Конечно. Знаю, что было в том выезде от его непосредственных участников — например, от до сих пор ходящей в Никиты Люси Лепихиной. Группа, шедшая к экспедиционному лагерю ночью (увы: поезд не приходил днём), действительно сбилась с маршрута, и дорогу спросить было не у кого “по причине времени суток”. Как не было по понятным причинам точных карт местности — ибо при совке их не было, как таковых.

: Вот и заночевали в лагере приютивших их археологов. К обоюднo-дружескому общению.

В чём заключалась проблема, никто так и не понял. Откуда об этом сбое экспедиционных планов узнали в МКК — тоже.

Как и кто, собственно, был автором ‘телеги’.

Но кому она была выгодна — очевидно.

: “Разбираться” ни Гном, ни Женя не стали. Отрапортовали, что меры, адекватные нарушению, приняты.

И все дела.

Гном вообще клал на систему официально-планового туризма — спелеонавтические и спелеомедицинские исследования были ему гораздо важнее.

А теперь представьте себе зарплату директора клуба. И пресс, под которым постоянно находилась Марина. Она действительно помогала спелеосекции, чем могла — но клуб был туристическим, а не вольно-любительской спелеосекцией с научным уклоном. В клубе, кроме спелеосекции, были другие — например, водники. А ещё горные туристы.

Марина в первую очередь при любых раскладах боролась за клуб в целом. Заботилась о всех его составляющих, сколь было можно. При её поддержке, например, были проведены чисто спелеологические поездки в несколько заброшенных монастырей и старинных усадеб — искали потерянные подземные ходы.

Да только слова “краеведческий туризм” при совке не было. Копание в монастырях и барских усадьбах за туризм не считалось и было ничуть не лучше, чем посещение заброшенных каменоломен.

: с точки зрения генералов совдеповского туризма, разумеется. Который мог быть водным, горным, лыжным, спелеологическим, велосипедным или пешим – но никак не краеведческо-археологическим. Да ещё, борони Бог (существование коего тщательно отрицалось марксизмом), совмещённым с исследованием подземных храмов и прочих культовых подземелий.

И уж подавно – не спелеонавтическим.

Марина получала постоянные инструкции-наставления: хочешь сохранить клуб в целом – не превращай его в место тусовки “диких катакомбщиков”. Избавься от “спелеодиссидентов” и прочих “вредных элементов”. (Список которых прилагался – понимаете, что стояло в годы совка за столь прозрачными спелео-политическими инструкциями?.. Если нет — ваше счастье, но говорить не о чем.)

Интрига поддерживалась сплетнями: Гном тебя выживает из клуба... От Гнома и его авантюры ничего, кроме неприятностей. Неприятности сопровождались не только слухами и посулами, но и теми самыми ‘телегами’. На которые она, как директор, не могла не реагировать – коль клуб был ей не безразличен.

— Позже я поведаю о том, как была организовано-сорвана одна из экспедиций Гнома в Подолию,—

За этой поездкой тоже последовало “письмо из МКК”. С тем же предложением “сделать официальные оргвыводы”.

И Гном, и никитяне могли продолжать свои подземные дела вне какого-либо клуба.

Для Марины – что ради существования клуба жила на нищенскую зарплату – вне клуба ничего не было.

: очень простой расклад. Вполне совдеповский. Есть два энтузиаста-подвижника, и их нужно столкнуть лбами. Сложно-ли это сделать? Да ничуть!

Интрига набирала обороты – Марина потребовала от Гнома, Жени и Ветра принятия “официальных туристических санкций” в отношении приходящих из МКК писулек.

Ветер, почувствовав впереди большие неприятности и никакой спелеославы, из клуба ушёл.

Средь силикатской части “Сокольников” был пушен слух, что авторитарность Гнома и его извращённо-медицинские цели на хер никому не нужны, что никитяне и Гном подминают клуб под себя и убивают в нём дух здорового романтического туризма. Не буду комментировать, насколько это соответствовало “правде жизни” – тем более, что не все повелись.

Но большая часть свободолобивых никитян на эти слухи “отреагировала ногами”. Хотя бы оттого, что никакого желания появляться в месте, отягощённом подозрительностью и сплетнями, не было – и более светлых мест для наших встреч хватало. В “ночь с пятницы на воскресенье” мы регулярно общались в Никитах, по средам были гостеприимно распахнуты двери моей

квартиры. Что, конечно, не исключало визита гостей в другие дни – но визита исключительно “по делу”. А не тусовочно-развлекательного.

: Развлекательно-тусовочно в любой день недели можно было встретиться в Грязном Углу Курского вокзала и в Гульбарии за кружечкой пива – заднем дворе ресторана “Якорь”, усилиями “Кенгуру” превращённого в культово-межжанровое место встреч ‘спелестологов-энд-каэспэшников’.

Силикатская часть во главе с Сашкой-Шерифом из принципа решила остаться, “доиграть до конца”.

И пару прекрасных лет клуб в Сокольниках ещё держался – нашими посиделками-встречами, гитарами и газетами, нашими подземными открытиями и исследованиями, – на многие “официальные спелеовечера” нас просто умоляли прийти: ребята, там без вас будет так скучно... Конечно же, приходили. Ради Гнома и Жени. Чтоб спасти клуб от разгона и самораспада – хоть ещё на неделю, на месяц, –

Соглашались с Юликом и Лещиной выступить на вечере в ДомЖуре, посвящённом Дню Туризма – от лица т/к “Сокольники”, – овацями зала показывая официальным организаторам вечера с “Б. Коммунистической, 17”: *клуб живёт, и не только отчётными листами походов...*

Всё равно кончилось это тем, чем не кончиться в нашей стране не могло:

Гном был вызван на заседание МКК, где ему было предложено по совокупности нарушений освободить инструкторское место. Марина на этом заседании дала свидетельские показания — ибо под угрозу было поставлено само существование клуба. И потом: она *искренне верила* в тот туризм, которым жила. Спелеонавтика и спелеотерапия Гнома были ей столь же близки, как и создание “учебно-тренировочного полигона” в Никитах. Которые к *её клубу* не имели никакого отношения. Мало того: грозили превратить общетуристический клуб в место тусовки “исключительно диких катакомбщиков”. Причём никитян. Под чьим руководством – ей очень хорошо объяснили. И поставили вопрос ребром: или Гном, или клуб. С сохранённой спелеосекцией, но без Гнома. А за “нормальными спелеоинструкторами” дело не станет.

Понятно, что Марина среагировала на эту дилемму так, как должна была среагировать.

А затем пришли “нормальные инструктора”, и всё кончилось. Ибо пока был Гном, он своим положением в МКК прикрывал “Сокольники”. При очевидной поддержке Саши Морозова. Как только Гном ушёл из клуба и потерял свои “инструкторские регалии”, Марина осталась одна-на-один с МКК.

Примерно в тоже время по схожему сценарию в Балашихе был уничтожен детский спелеотуристический клуб И. В. Черныша. Имён виновников этих “официальных спелеопобед” называть не буду: *изрядно чести для куска совка.*

: Никакого спелеозаповедника в Никитах создано не было. Ибо не в этом заключалась задача официальных спелеовластей.

: Никто из занимавшихся в Сокольниках спелестологов не получил никаких официальных разрядов и справок.

— Но нужны-ли нам были эти справки?.. Глупый во-

прос.

* * *

– Возвращаюсь в зиму 1982 года:

Чтоб упорядочить свою личную жизнь – включавшую, между прочим, и отношения с соседями – “директивно установил” для посещения моей квартиры один открытый день: СРЕДУ.

От воскресенья до среды два дня. Со среды до вечера пятницы – чуть меньше. Решили: чтоб не перегружать своё подземное общение “запланированным умствованием”, переносим в формат городского общения все темы наших “подземных университетов”, что можно обсудить в городе. И разбиваем их домашними концертами бардов, чей визит в Никиты затруднителен.

Встречаясь каждую среду, выбирали тему общения на следующей неделе. Или барда, домашнее выступление которого планировали организовать. < «По средам, по средам, по средам, по средам — отчётлив особенно звёздный их мост...»,- написал об этих днях Вадим Певзнер. >

: Концерты следовали раз в месяц. Впрочем, если автор был иногородний, делалось исключение. Юра Лорес, Юра Устинов, Володя Ланцберг, Володя Бережков, Юра Аделунг, Миша Басин, Коля Якимов, Саша Стрижевский, Дима Певзнер, Саша Ткачёв, Леонид Павлович Семаков, Максим Кривошеев, Игорь Салчак, Серёжа Молчанов, Гена Жуков и Виталий Калашников, Витя Баранов, Миша Кочетков, Володя Болотин, Володя Васильев, Генрих Сапгир, томские «Аэрозоли», Алик Мирзаян и Виктор Луферов — далеко не полный список наших “опосредованных гостей” того времени.

Многие из них за домашними выступлениями у меня дома приходили потом в Никиты с подземным концертом. Володя Ланцберг подарил никитянам «Не спеши трубить отбой – ты дорогу до конца не *прошагал*, – и уходит *из-под ног* в неба свод голубой самый трудный, самый главный перевал...» Юра Устинов – «Вдоль по берегу пешком мы уходим друг за другом...»: о нашей тропинке меж крутым обрывом холма и берегом Рожайки, по которой мы шествовали от остановки никитского автобуса до входа в Систему. Вадик Певзнер пел о послечимганских спелеоэкспедициях: «А позади, браток, десятки километров — и сталактитовый зелёный водокап...»

“Мышонок Авакумчик” Володи Бережкова, без сомнения, был навеян его посещениями Никитской Системы, – как и “Междугородний икарус” Саши Стрижа – поездкой в Старицу на астрономический Новый год, весеннее равноденствие.

Игорь Салчак написал цикл подземных стихов; “Кенгуры” воспринимались многими, как одна из никитских групп.

: Славное было время. Кто бы каким пальчиком нам ни грозил.

Какие бы интриги ни строил. Казалось всем: что их вонючие интриги и

сплетни?..

* * *

Одновременно я готовил запланированное на лето Большое Подземное Пребывание. Тестируя в институте команды спортсменов, подбирал оптимальные методики съёма и анализа параметрических данных, своими руками создавая необходимый парк приборов. Поскольку о существующих зарубежных аналогах (пользуемых, к примеру, Сифром) не мог и мечтать. Помогали коллеги по лаборатории и её руководитель Сергей Брянкин — при полном, конечно же, патронаже Леонарда Николаевича Жданова, проректора МОГИФ-Ка по науке.

— Я уже писал, сколь многим обязан в своей жизни этому замечательному человеку. С “хвостом”, что неизбежно следовал за мной по отделам кадров, *в принципе не мог не только поступить в институт, но даже устроиться на любую приличную работу*, — то есть устроиться, конечно, мог — но через месяц в ОК приходило письмо, в котором содержались исчерпывающая характеристика на меня, как на “диссидента” и рекомендации, как дальше строить мои служебные дела. Чтоб “работа манной не казалась”. Леонард Николаевич Жданов первым из работодателей ознакомил меня с этим пасквилем. И дал моим экспериментам и исследованиям “зелёный свет” — не смотря на отсутствие у меня должного официально-медицинского образования. Не смотря на гэбэшные рекомендации. Не смотря на то, что прекрасно понимал: в какой стране и в какое время мы живём.

: Чего эта фронда может ему стоить.

Чем могли, помогали Гном и Саша Морозов. После лабораторных испытаний все создаваемые датчики и приборы проходили естественное испытание “в подземном бою”. На месте будущего применения. (Прошедшие лабораторное тестирование конструкции относились в Никиты и выдерживались там без изоляции от подземной влажности неделю или две; после чего я проверял их — коль снимаемая параметрия не совпадала с лабораторной, конструкция переделывалась.)

: Часть сред была посвящена подготовке этого эксперимента. Решили, что две независимые команды будут одновременно пребывать в Никитах — одна в гроте Сумасшедшего Барабанщика на единственном сухом пятачке; их задача была “высидеть, сколько можно” — затем переходить в более звукоизолированное место. Другая команда должна была находиться в более обжитой части Системы: в Сетке, в гроте Подарок. В каждой команде три человека. Без часов. У живущих в Старой системе — спартански-спортивный быт и кормёжка в соответствии с рационом официальных спелеоспортивных экспедиций. Витаминно-калорийную раскладку питания составлял Гном. Ничего лишнего, свет только электрический. В команде, идущей на более экстремальное пребывание в Сумасшедший Барабанщик — вес трансов в три раза больше, но быт, привыч-

ный нам в каменоломнях. Включая книги, магнитофон и гитару. Заброски от Четвёртого Подъезда должны осуществляться силами самих участников; до него, как перевалочного пункта – с помощью Группы Обеспечения, состоящей из дублёров спелеонавтов и добровольных никитских помощников. Вместо часов в каждой команде – таймер для проведения нужных измерений и тестирования. С абсолютным отсчётом времени в условных десятичных единицах: в часе сто минут, в минуте сто секунд. Соотношение этих единиц с обычными знал только институтский программист. Даже мне это было не дано. Всё время Пребывания ГО находится на поверхности в палаточном лагере; по звонку они должны мчаться, не взирая на время суток, к специально организованным “почтовым ящикам” и забирать биопробы. Дальше на институтском “рафике” – на анализ в домодедовскую больницу. Телефонная связь односторонняя. И только звонками. Короткие – “забирайте пробы”; длинно-непрерывный – “ЧП”.

Цель эксперимента: изучение и сравнение различных методик подземного бытия вкупе с изучением биоритмов человеческого организма.

Релаксация по завершении Пребывания – на институтской барокамере “ОКА” в специальном профилактории.

: Такое было запланировано исследование... Включавшее, кроме описанных, много иных методик и опытов. В соответствии с заказами всех заинтересованных сторон. В том числе сосватанных Сашей Морозовым.

Начало Пребывания планировалось на июнь. С апреля участники эксперимента должны были начать проходить контрольное тестирование в Малаховке. Думали, к тому времени Гному удастся “пробить” в МКК для Никит статус полигона-заповедника. < Наивные... >

: Определились с участниками. Удав прикомандировывался к ГО, как штатный водитель; Гном как врач. МОГИФКовское начальство написало им на работы служебные письма с просьбой о “прикомандировании” на время эксперимента и получило положительные ответы. Также определились с составом основных и дублирующих групп. Я, Мамонт и Зелёный Змей шли главным составом в Сумасшедший Барабанщик. Рашпиль, Борода и Динамитрий – основной группой в Подарок. Планировалось, что дублёрами будут МамонД, Золушка, Хенк, Лёша-Белый, Андрюша-Череп и Хмырь. Они же – официальный состав ГО, помимо Удава и Гнома.

Весь Никитский Круг настроился на проведение эксперимента. К закрытию Никит на лето, к моему удивлению, все отнеслись с полным пониманием, – во-первых, летом традиционно хватало иных выездов; во-вторых – *я сразу представил себе, что вокруг нашей ГО на поверхности естественно-неизбежно возникнет постоянный спелестологический лагерь из просто прорвы “сочувствующих” — и никакой, даже самый ушлый и непредсказуемый чайник ни при каких условиях не сможет прорваться в Систему и сообщить нам, какой нынче день недели, месяц, число и время суток.*

: Морозов уехал в Снежную⁴, завершив официальное оформление доку-

⁴ Возможно, не в неё – если это важно, уточнить могли бы Усиков или

ментов по Никитам. Оставалась одна последняя подпись – генерала Калмыкова, что руководил в нашей стране туризмом⁵.

В конце марта, с разрешения институтского руководства, я провёл в Никитах одиночное Пребывание (оформленное, как “местная командировка”) – тестируя созданную для снятия физиологической параметрии аппаратуру. Пребывание прошло нормально — основная масса созданных моими руками приборов и приборов “официального происхождения” отработала подземные две недели без сбоев; те, что показали ненадёжность, можно было улучшить и переделать за остающиеся до начала эксперимента сроки.

— “Казалось бы, всё было на мази?..”

* * *

... на другой день после моей выемки из-под земли *Удава забривают в армию*. Абсолютно-неожиданно для всех, – и не то, чтоб по собственной дурости, как Бороду: накануне очередного испытательного автопробега прямо на завод заявила сборная команда ментов и военкоматовских крокодильчиков, и схавала Удава, как злого дезертира-уклониста.

В принципе, найти для эксперимента другого водителя из никитских – не проблема. Потрясала внезапность и непредсказуемость “забора” –

– Ну да ладно. < Самое весёлое: вместе с Васькой с завода забрали и Золушку, – и, кстати, больше никого, – но у Золушки *псориаз* и сильнейшая аллергическая реакция на рыбопродукты — а “с такими вещами не шутят”. То есть не служат. Сидеть за насильственный призыв непризывного Золушки военкому не хочется; Золушку отпускают. Он и рассказывает нам подробности. Причём нужно отметить: сам Золушка ‘откосить’ от армии вовсе не рвался – более того: требовал от военкама, чтобы его послали служить в какую-нибудь “горячую точку”, как это тогда называлось. Этот момент достаточно важный, и потому я акцентируюсь на нём: у всех у нас в душе был тогда самый настоящий патриотизм, и ‘откосами от армии’ в НК никто не бредил. Однако, золушкины болячки всплыли тут же, при знакомстве с его медкартой — и он был отпущен со строгим наказом “больше в направлении сапогов никогда в жизни не рыпаться”; Удав принял внезапный призыв, как должное. И как и все никитяне, отслужил свою срочную службу в краях, где иные служить не предпочитали. >

: Чуть-ли не в тот же день мне звонит Гном и говорит, что в московской

Немченко. Или Людковский: ближайшие тогда сашины товарищи.

⁵ Действительно – генерала. Причём, как и аналогичный субъект, руководящий союзом писателей – от КГБ. Лучшее всего этого ‘товарища’ характеризует следующее: *в середине девяностых он вышвырнул из помещения Перовского районного турклуба единственную выходящую в нашей стране настоящую туристическую газету “Вольный Ветер”, – вышвырнул, чтобы сдать освободившееся помещение в аренду торговой фирме.*

спелеокомиссии остро жаждут встречи со мной. И с моими будущими спелеогероями. Имея в виду состав основной группы Пребывания. Иначе, мол, бумага о придании Никитам статуса спелеозаповедника не будет подписана. *Дескать, спелеокомиссия имеет в этом деле свой интерес – и хочет поучаствовать в моём эксперименте. Мол, без их участия это будет не эксперимент, а туфта. Которую мне всё равно не дадут “впарить научной общественности”.*

: Ну да – “не выпустив на маршрут”, – зубоскалю я. Или запретив публикацию результатов в профессиональных изданиях моим научным шефам-руководителям. И выражаю сомнение в интеллектуально-исследовательских качествах **членов из спелеокомиссии**, – ну какое отношение **они** могут иметь к Никитам и к институтским биоритмологическим исследованиям?..

– К науке, ты прав, отношения никакого. К институту твоему тоже. Как и к вашему хождению в Никиты по выходным. Но вот к *нашему клубу* и к идее спелеозаповедника — самое прямое. Так что придётся ехать. И, кстати, без меня: потому как я сегодня веду занятия. Может, приедет Женя тебе на помощь... Но даже если не сможет – делов: расскажешь им об институте, о том, как они заинтересованы в изучении биоритмов и темпоральных сдвигов у спортсменов, – о самом Пребывании... И всё.

– Ладно.

: Приезжаем. Со Змеем и Мамонтом, ибо остальные поднимают на смех саму идею “явиться с вещами” в гнездо наших самых заклятых друзей. И нам ехать не советуют. Тем более – раскрывать свои экспериментальные планы.

Ну, положим, “раскрывать” я ничего не собираюсь. “Не спятил и не охренел”. Коль имеются вопросы – пожалуйста, к моему институтскому начальству. Наивно думаю я. Ибо официальные ‘верти-кальщики’ – банальные любители, к науке не имеющие отношения, – дилетанты, на фиг не нужные моему ректорату. Потому что уже сейчас выясняется, что желающих примазаться к нашему экспериментальному пирогу “выше крыши”. И из того же “девятого ящика”, и из ИМБП – и даже из УДН. С которыми нас сосватал Морозов. < Затребовали “доложить им” о всех результатах, что мы получим — чем вызвали обильное волосостояние у институтских учёных: есть же, в конце концов, какие-то нормы приличий?.. Коль не желают участвовать в опытах ни своей аппаратурой, ни методиками обработки данных, – и не желают поделиться данными своих экспериментов в сурдокамерах — по какому праву требуют от нас полного отчёта??? >

..: *Никитяне были правы. Ехать по адресу “Б. коммунистическая, 17” не стоило. Чем бы оттуда ни угрожали —*

Ибо вопросы они задавали нам столь характерные...

: Не буду описывать всё, что ОНИ называли “заседанием спелеокомиссии” – противно и мерзко. Опять же, “много чести для ничего”. Изложу кратко –

Это было простое заседание товарищеского суда. С понятыми, свидетелями, парой ментов, – вдруг будет принято решение “взять под стражу”? – явно

гэбэшным полковником в погонах лётчика < ГБ обожает рядиться в чужие рода войск, в мундиры доблестной авиации особенно >,-

: “свидетелями” выступали Чук и Роден. Самое никитское гавнецо. Во всех, как выяснилось, смыслах.

“Отмазываться” от обвинений было смешно и глупо. Все мои силы уходили на то, чтобы Змей и Мамонт не кинулись махать кулаками. На что их, как и меня, просто провоцировали.

: Нам было строго указано на то, что при спасработах (как они назвали поиск и выемку тела И. Шкварина) *мы сорвали работу спелеоспасотряда*. Что распространяем в спелеосреде порочащие руководство отряда грязные сплетни. Что ещё “нужно разобраться”, как это мы месяц ходили в Никиты – и не обнаружили тела. И почему до славного приезда Сэма (как официального члена официального спелеоспасотряда) не могли его отыскать. Кстати: что это за расследование мы там проводим?.. По какому праву???

О том, что мы просто не имеем права заниматься подземной наукой, сказано также было не мало.

И о том, что не имеем права без *соответствующего разрешения ходить под землю* – так как нарушаем тем самым государственный “Закон о Недрах” и апокрифический “Указ” от 1947 года.

Никакие завалы разбирать не имеем права в принципе,-

Узнали мы также, что посещения *катакомб* – то-ли болезненное отклонение от нормальной человеческой психики, то-ли близкое к антисоветчине Предательство Большой и Глубокой спелеологии. Которую мы своим *ненормально частым* посещением *катакомб* (очевидно, слово “каменоломня” членам из спелеокомиссии было неизвестно⁶) просто позорим. Бо “нормальному человеку < не то, что спелеологу > в *катакомбах* делать нечего”. Мало того:

Своей “странной любовью” к Никитам, оказывается, только гробим и уничтожаем Великолепный Памятник Природы, который они мечтают превратить в Заповедник. А мы – не даём.

: Оказывается. Да.

< После всех подписанных мной и Гномом писем, заявлений и планов-проектов... >

— Роден и Чукаев, явившиеся на это судилище в качестве “независимых свидетелей обвинения” < “зависимые свидетели” тоже были: Андрюша Вятчин и Леша Крицкий – представители “официального спелеоспасотряда” > “сыпали фактами”. Примерно, как за год до того в уши Мамонта. Но Мамонт уже был не тот. Да и все мы. Главное было — удержать Мамонта от немедленного и страшнейшего мордобоя.

: Чукаев говорил осторожно-вкрадчиво, как бы на моей стороне,- да вот только оказывалось, что как бы он меня ни защищал – бестолку защищать

⁶ После того, как я три раза в течение пяти минут с нажимом поправил ведущего шоу “не катакомба, а каменоломня” и все три раза громко и отчётливо объяснил, чем одно отличается от другого (буквально в одной фразе), терминология была-таки усвоена.

такого мудака и спелеоизвращенца, как я. Очень грамотно говорил, в общем. Достиг высот. Поднатаскали на курсах,—

: Роден нёс ахинею. Поставив в вину, например, что мы “даже срать под Жаре ходим” – чем выхолащиваем Такую Высокую Музыку...

< «И когда бы ты дорос до неё, если б не я?» – хотелось задать вопрос. >

– Да я, когда под него срать хожу – может, штаны снимать забываю!!! – проревел Мамонт.

Понятно, что апелляция к творчеству Жана-Мишеля в присутствии столь высокоинтеллектуального собрания была на уровне клоунады – присутствующий ‘авиаполкан’ во время выступления Родена наклонился к кому-то из “членов” ‘спелеооказии’ и не стесняясь заведомо театрального шёпота, отчётливо прошипел на весь зал:

– КТО САНКЦИОНИРОВАЛ ЭТОГО МУДАКА???

Но в общем – лупили довольно точно. В самые ранимые места. В самые душевно тонкие.

Только я уже прошёл эту школу за месяц конвейера в Особом Отделе Белорусского военного округа.

И на допросах в ГБ год назад. О коих поведал в главе о Шкварине.

: Теперь получил рикошет. Судя по всему, кого-то в ГБ достало наше “независимое расследование” – и то, что мы осмелились поделиться его результатами с “инстанциями”. Значит, были на верном пути.

В чём нисколько не сомневались.

– Но Роден и Чукаев были фигня. Кто действительно *просто безумствовал* на этом судебном заседании — *Андрюша Вятчин, Лёшенька Крицкий и Вова Мальцев собственной персоной.*

: Он и возглавлял процесс. Устроенный в день, когда Гном был вынужден вести занятия в клубе, а Саша Морозов был в экспедиционном отъезде. Со своими друзьями Людковским и Усиковым.

: Более у нас защитников в МКК не было.

И очень плохо, что я сам дал этой своре в начале расправы над нами координаты МОГИФКа. Конечно, они их узнали б и без меня,— обидно и противно, что дал своими руками. Как маленький.

Ведь знал, что это за мерзавцы.

В заключение суда Высокая Спелеоспортивная Комиссия приняла частное определение в мой адрес. “*В котором были следующие строки*”:

1) Запретить Гусакову С. Б., именуящему себя “командором”, заниматься подземными опытами и самовольными экспериментами, как не соответствующими его квалификации и противоречащими современной науке.

2) Запретить Гусакову С. Б. самовольное посещение каменоломен и других подземных полостей.

3) Строго указать Гусакову С. Б. на недопустимость разбора отдельных завалов.

Представители Московской Спелеокомиссии А. Вятчин, В. Мальцев.

: Вот так, господа-товарищи. Научные степени членов “большого жюри” и уровень их компетенции в вопросах спелеонавтики и биоритмологии в постановлении указаны не были. Как и причина, по которой некие “отдельные завалы” мне лично разбирать почему-то нельзя. Вот бы узнать – почему *на самом деле?*..

И для чего специально указывать на недопустимость “разбора отдельных завалов” — если в принципе запрещено приближаться к пещерам?

– Кстати: из Постановления вовсе не следовало, что мне теперь можно пользоваться метро и подземными переходами.

Конечно, я своим вариантом “постановления” вытер задницу. Тем же вечером. Но желающий без труда может отыскать в архивах горклуба оригинальный текст. А заодно протокол заседания. *Смеху-то будет...* ТЕПЕРЬ.

— *«Но это были, так сказать, ещё цветочки»,—*

: Ягодки созрели к июлю.

В апреле, как и планировалось, основной и дублирующий состав участников предстоящего Пребывания начал проходить в Межкафедральной лаборатории МОГИФКа параметрическое тестирование. В соответствии с разработанной в институте программой и созданным мной к тому времени парком приборов и датчиков. Раз в неделю приезжали и сутки работали на велоэргометрах, сидели в испытательных креслах, опутанные датчиками КГР, ЭКГ,— каждый час измеряли температуру, тремор, слуховую и зрительную реакции. И прочее.

26 апреля наша команда в полном составе поехала на Чимган (о котором сполна написал в «Белом Камне» и в «Действиях», а потому повторяться считаю излишним),— вернулись в Москву 9 мая.

В институте ждал новый удар: *“пришла бумага из речной милиции на наш любимый мясокомбинат”*⁷,—

Точнее – копия той бумажки, которой я в апреле вытер задницу.

: Из-за получения пасквиля “от МКК” руководство института сочно необходимым перенести срок проведения эксперимента “до выяснения причин” и “полной определённости”.

Перенесение было абсурдом – осенью многие из моих друзей не смогли бы принять участия в Пребывании. Хотя бы потому, что учились в институтах. Тот же Хмырь, что ради участия в Эксперименте досрочно в эти дни сдавал сессию – потому и не поехал с нами на Чимган.

И не он один.

⁷ Цитата из “Реостата” – любимой никитской команды тех лет. *Вообще прослеживается интересная аналогия с “2К-кланом”:* там была предупреждающая речь завуча и 17-й слёт московского КСП; здесь – заседание спелеокомиссии и Чимган. *Официально как бы объявленный властями “вне закона”. Но только, в отличие от 1975 года, сказать нам прямо «не путайте спелеонавтику и КСП» пороку не хватило. Или рассчитывали на наше соображение – полагая достаточно натренированными в деле “улавливания, откуда ветер дует”. Измеряя-оценивая мир по себе, поднаторевшим в деле нюханья “правительственных ветров”.*

Обратился к Морозову, к Гному. Обещали помочь,— хотя самому Гному в те дни было не сладко жить. Да и негде, в общечеловеческом смысле.

Ветер, испугавшись наветов и шквала говна со стороны спелеокомиссии, из клуба ушёл. Не осуждаю его по вполне понятным причинам: ибо, как дал понять, для занятий спелеологией клубы не сильно нужны. Тем более, если работа в них сопровождается рядом, мягко говоря, “неудобств” — о которых поведал выше.

Состояние наших отношений с официальными спелеоструктурами кто-то метко обозвал *Коричневой войной* — по цвету продукта, который в нас кидали. Но разве это война — когда право выстрелов даётся только одной стороне?..

Впрочем, “метание дерьма” — не выстрел. В лучшем случае *метеоризм*.

: Гном, Женя Романюк и Саша Морозов написали по моей просьбе письмо в ректорат института. Кажется, его подписал и кто-то из УДНовских знакомых Морозова. С опозданием на месяц программа была возобновлена. Непрерывное предэкспериментальное тестирование — сорвано.

Начало Пребывания назначили на 15 июля. Срок Пребывания сократили вдвое. Потом ещё на две недели, чтоб успеть до сентября с программой релаксации.

Одновременно в шоке от увиденного на Чимгане мы готовили очередной слёт Памяти Виктора Шагала. На который в пику властям и продавшимся им клубам СП пригласили массу народа из других Систем. И других городов. Где, может, пещер и не было [впрочем: как говорил создатель ЛСП Пилигрим, «на грамотно поставленный вопрос о существовании пещеры всегда можно получить положительный ответ»,— а уж о спелестологическом объекте в 100% случаев] — но были замечательные барды. Наши друзья по Чимгану.

Команда из Челябинска (Коля Якимов, Юра Бендитович, Шура Деревягин, Маша Митяева и ‘примыкающие к ним лица’) запросила: можете устроить официальное Приглашение? Тогда, мол, местный комсомольский райком оплатит дорогу.

Я сделал Приглашение на официальных институтских бланках. МОГИФК это ни к чему не обязывало,— с тем же успехом это могли быть бланки любой другой организации, хоть ЖЭКа по месту жительства. Но мы занимались спелеопрограммой, и мне было приятно сознавать, что институт имеет отношение не только к научным подземным изысканиям, но и к тому, без чего их просто-напросто не могло быть. В принципе.

: *Потом мне это припомнили.* Однако, до сих пор не жалею о содеянном. Даже испытываю некий кайф: как выяснилось, эксперимент *всё равно бы не дали провести*,— а так хоть ребята съездили к нам за счёт жлобливого государства.

Накануне слёта “Уэм и примыкающие к нему Личности” бодрствовали у меня дома “на Новослободской”. Редколлегия — Хмырь, Ведьма, я, Рашпиль, Змей и Бес(Т) со Светиком трудились над срочным выпуском сразу трёх новых газет и необходимых для АРТрибутики фестиваля ‘плохатов-&-лозгунгов’; в соседней комнате Золушка, Асисяй и Базилио под руководством Главного

Технолога Никитского Круга М. Сусанина осваивали первопечатанье никитских эмблем. Технология процесса была разработана Мишей – из специальной штамповой резины вырезался зеркальный оттиск рисунка, затем с помощью покрытой типографской краской бутылки он переносился на специально обработанную ацетоном клеёнку. Довольно сложный процесс – но “оно того стоило”: *никитские эмблемы Памяти Шагала не походили ни на какие другие, популярные тогда эмблемы слётов КСП. И безусловно были предметом гордости Никитского Круга.*

Опухшие от сигаретного дыма и очередного творческого тупика художники периодически возникали в “типографской комнате” – заправлялись чаем и любовались процессом. Несмотря на сложность, рисунок эмблемы (авторство Асия) нравился всем: свод, под которым Свеча – и из-под земли, от её тепла на поверхность пробивается росток. < За рисунком – та самая фраза Берга из подаренной нам на Чимгане песни: *«и уходит из-под ног в неба свод голубой...»* >

Периодически печатники заглядывали к нам – делились пришедшими в головы перлами и темами рисунков. Каждое смелое предложение встречалось бурчаньем: «а сесть не боишься? Уже лет на десять наваяли...»

: За пару дней до этого Бес(Т) вызвали в райком по месту жительства. «Слышали мы, что вы у себя в пещерах слёт задумали, – может, помочь чем? Аппаратурой, автобусами, например?...»

: Такие добренькие провокаторы. Татьяна извлекла из нагрудного самоспаса “приму”, пыхнула прямо в кабинете — и ответила, глядя в стеклянно-комсомольские буркала:

– Спасибо, что вы... Мы уж как-нибудь сами. Ведь известно: стоит вас подпустить к любому мероприятию, даже когда оно организовано и решены все проблемы — на нём можно крест ставить...

Вызвали и нескольких других никитян – с примерно тем же успехом.⁸ Во всех случаях, кроме одного:

Андрюша-Череп наговорил им всё, что мог – точнее, что они очень хотели услышать. Даже если это и близко не соответствовало истине.

: Пообещали ему в ответ на донос не 30 копеек, но Очень Большую и Глубокую Спелеологию. И мальчик сломался. Хотя спелеокарьера его, без сомнения, с этого дня пошла в гору. Или в реалиях спелестологии – в яму.

... Можно долго судить и рядить, “что было бы, если б мы вели себя лояльней по отношению к власти”. Трендить, что если б не этот наш слёт – Эксперимент, безусловно бы, разрешили. И так далее.

: В этом “бы” очень много всего. И наивно-детского, и...

– судилище надо мной, Змеем и Мамонтом устроили *за два с половиной месяца* до слёта памяти Вити Шагала.

И до того, как мы поехали на “запрещённый” коммунагами фестиваль. К нашим ташкентским друзьям. (В чём я, опять же, до сих пор “упорно не желаю

⁸ Вызывать меня, видимо, сочли делом бессмысленным.

раскаиваться”.)

И **как** – коль мы ходим в Никиты, и в них же собирались провести вначале три, затем полтора месяца, – **как можно было отказаться от слёта памяти Виктора?..**

: “Не петь песенок”?.. Пардон – по этому пути прошли многие. Где они ныне? Где их славные дела и свершения???

: Там же, где они оставили свою совесть. С понятием о морали и чести.

Ситуация такого рода, честно говоря, напоминает мне наивное рассуждение о терроризме: мол, если б спецназ не стал стрелять в террористов, захвативших заложников, – дал им требуемый выкуп, – заложники бы не пострадали.

: Ну-ну.

Поощрённые безнаказанностью, террористы в следующий раз удвоят требования. Это во-первых. А во-вторых — В СМЕРТИ ЗАЛОЖНИКОВ В ТАКОЙ СИТУАЦИИ ВСЕГДА ВИНОВАТЫ ТОЛЬКО ЗАХВАТИВШИЕ ИХ ВЫРОДКИ. И более – никто.

: За согласием “не петь, не думать, не замечать” наступает следующая безусловная стадия: “верёвки свои приносить?” < Не думайте, что для штурма вертикальной пещеры. >

Коль ГБ избрал очередной целью независимую спелестологию – “разобравшись” предварительно с самодеятельной песней, а до того с диссидентским движением, – что бы мы ни пели, эффект был бы один:

: *Как со Сьянами, вовсе не славящимися диссидентами. Или с Силикатами, – закрытыми позже без всяких провоцирующих слётов и песенок. Со всем своим спелеумом, в принципе не ориентированным на “культурно-политический импеданс власти”.*

Коль т. Мальцев поимел на нас ‘больной зуб’ за то, что мы ославили его, найдя тело Шкварина — срал бы нам при каждом удобном спелеослучае. И уж тем более, занимая место в спелеокомиссии.

– *Скажете: «не надо быдло находить труп и вытаскивать его на поверхность, – а раз нашли, сказать, что это сделал Володя?..»*

: Привет вам, конформисты нового времени. Удачи. Красное знамя в руки, барабан на шею – и спецдопуск к светлому будущему меж рядов колючей проволоки.

Нам — в перпендикулярную сторону.

Ибо мы были в заложниках у власти. Она была тем самым террористом, захватившем нас. И мы освобождали сами себя —

* * *

...: Слёт начался с затяжного дождя. Народ шутил: если Чимганский Фести-

валь – первый в истории слёт, что разгонялся бактериологическим оружием⁹, то “Шагал” — первый, разгоняемый с помощью метеорологического...

— Когда Рашпиль, первым из квартиреров, прибыл на место слёта, — поляну за памятником Виктору Шагалу – дождь лил уже около суток. Без перерыва.

: Под зонтиком по мокрому насквозь лесу прогуливался одинокий Владимир Васильев. Из Харькова.

– А я думал, из-за дождя фестиваль отменили...

: намёк на “чимганское метеорологическое предсказание” был ясен.

– Ерунда, — отвечивал Рашпиль, — что нам их осадки?

: *К вечеру пятницы по всему лесу на горе над пещерой горели яркие, тёплые костры — такие, каким и положено быть в случившейся “доннерветер”, — у костров звучали песни, под тентами вывешивались наши газеты...*

Апокрифический момент — я ставлю палатку; Юлик осведомляется, где у нас бензин. Отвечаю, где. Думаю — заправить примус для скоростного приготовления ужина: пока иные борются с костром. Точнее, с осадками. Оказывается, идея разжечь костёр с помощью бензина пришла в светлую голову гранд-барда Васильева, —

: *Это лишний раз подтверждает тезис о том, что каждый должен заниматься тем, что у него лучше получается. На гитаре у Володи получается куда лучше...*

: *Васильев на коленях замирает перед кучей сырого хвоста. Сзади — палатка, перед входом в которую ещё один гранд-бард — Сергей Кучма из Запорожья, облокотясь спиной о титановую стойку, разбирает под тентом рюкзак. В пластиковой канистре 20 литров бензина.*

— *Характерный звук; огненный столб, как из ракетной дюзы, вонзается в небо над нашими головами, унося с собой мокрые кроны деревьев и сопутствующие струи воды, одновременно обращая их в пар, — задняя стенка палатки разрывается пополам. И ИЗ НЕЁ МЕТРА НА ТРИ ВЫЛЕТАЮТ В ТЕСНОМ ОБЪЯТИИ ЛУЧШИЕ АВТОРЫ ГОРОДА ХАРЬКОВА И ГОРОДА ЗАПОРОЖЬЕ. И ДВЕ СОГНУТЫЕ В ДУГУ ТИТАНОВЫЕ СТОЙКИ —*

: *Палатка падает.*

– *Это ПОБЕДА!!! — хором орёт команда “Кенгуру” от места своего обитания, полагая данный салют официальным открытием слёта.*

---

⁹ Официальной причиной разгона Чимганского фестиваля – вначале, за три месяца, запрещённого исходя из точнейшее предсказанных “метеорологических условий”, затем как бы разрешённого – изобрели... внезапно вспыхнувшую на поляне эпидемию ящура. В целях “локализации эпидении” нам всем было предложено “немедленно разойтись и больше трёх никогда в жизни не собираться”.

И слёт действительно начинается — несмотря на льющиеся с неба потоки. И проходит так, как и был задуман — с Большим Костром в ночь с пятницы на субботу (на котором в исполнении песен, безусловно, лидируют москвичи — “Кенгуру” в составе Вадима Певзнера, Серёжи Молчанова и Максима Кривошеева и “Группа 37”, открывающая никитянам замечательные ‘стебалки’ Хвоста и Морозова, — иногородние авторы из Новосибирска, Томска, Челябинска, Ташкента, Запорожья, Питера, Самары и Харькова разумно “придерживаются” до следующего дня, то есть ночи); субботним гулянием гостей по пещере под названием «ПРОГУЛКА В РАЙОНЕ 12-ТИ ЗАМКОВ»¹⁰, подземной блинной, “озвученной” записями ‘Ж-М-Ж’, Вангелиса, Окуджавы, Визбора, Галича и любимой в нашем Кругу музыкальной постановкой “Алиса в Стране чудес” [«Милая девочка! Прежде чем лезть в какую-либо дырку, внимательно подумай: а как я оттуда вылезу?..»]; дневным костровым семинаром, посвящённым возможным спелеонаучным исследованиям, —

— минутой молчания и соответственным песенным ритуалом у памятника Виктору в полночь с субботы на воскресенье и последующим сценическим концертом на лесной поляне (сцена в рампе горящих полосок плекса, по-спелестологически обмотанных влажной газетой; первая фраза Володи Васильева, открывающего концерт: «А можно как-то пригасить ЭТО? А то очень уж жарко трещит... А у меня с огнём...»), —

В общем, “слёт — удался”.

: Осадки иссякают перед началом ночного “суботне-воскресного” гостевого концерта. И ВСЁ ВОСКРЕСЕНЬЕ, КОГДА НАРОД СОБИРАЛ ЛАГЕРЬ И ГОТОВИЛСЯ К ОТЪЕЗДУ ДОМОЙ, НАГЛО СВЕТИЛО СОЛНЦЕ.

* * *

— ‘Эрекция власти’ последовала незамедлительно. На следующие выходные каждый второй никитянин приходит в Систему со свежим номером “Комсомолки”. Причина внезапной популярности этой совдеповской унитазовки в статье «ЛАБИРИНТ», занимающей не менее половины последней газетной страницы. Именуемой на редакционно-издательском слэнге “подвалом”.

: Мы все собираемся на поляне перед входом. Передавая друг другу газетную страницу, по кругу читаем пасквиль. Материмся и курим. Каждый чтец находит в себе силы на один-два абзаца, не более. Ибо дальше неизбежно срывается в комментарии. С нами друзья из Силикат (вспоминаю-

¹⁰ В приглашении на Чимганский Фестиваль каждый год обещалась “прогулка в район 12-ти ключей”, — и каждый год как-то откладывалась... А потому не спародировать — не могли.

щие аналогичную публикацию в свой огород¹¹); из киселистов присутствует компания Старшего Кэма. И старицкая компания Минотавра – Коли Аксёнова из Зеленограда.

: До этого дня мы вполне независимые личности. С собственным, индивидуальным представлением о Мире и о том, что в нём хорошо, а что плохо. Многие никитяне в грош не ставят Силикаты, Володары и Кисели – гордясь (не без твердолобых оснований) Своей Любимой Системой. Аналогичная точка зрения у наших гостей из Силикат. Рядом мы – потому что только что отмеченный “Шагал” был заявлен, как общий Спелеодень Памяти, – и таковым состоялся. Но мы ещё не вместе — просто рядом. И рядом с нами зеленоградские спелеки, предпочитающие пещеры Старицы. Как и ‘киселисткая ветвь’ “Троглодитов”.

Рядом – потому что ещё существуют общие для всех нас “Сокольники”.

И потому что дружить интереснее, чем враждовать. Пусть не скрывая при этом некоего снобистского превосходства. < В котором наружу, “для всех” – якобы катахрезические отношения Силикат и Никит; внутренне – мы вместе в “Сокольниках” и на Дне Памяти Шагала. Такой спелеодуализм. >

— *Со дня выхода этой гавнометальной публикации мы не просто вместе. МЫ – ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ:*

: *ибо ничто так не сплачивает, как общий враг. «Даже если б этой парашии и не было – её стоило выдумать!..» – иронизирует Мамонт.*

: *То есть плотнее сдвинуть наши спелеоряды не смогла б никакая сила в мире. Ни мои социально-просветительские идеи, ни эзотерическое разгильдяйство Мамонта, ни железная упёртость Зелёного Змея или экологически-благие лозунги “Вандересов”, –*

– *ни подземные эксперименты и совместные экспедиции. Или сокольнические чаепития –*

Это власть, сама того не желая, добилась просто-таки немислимого эффекта. Абсолютно обратного тому, что был ею задуман.

: Как обычно. *Ведь это была — советская власть.*

Умные люди которую “не обслуживали-с”. По тем или иным причинам.

: От детального разбора статьи попробую удержаться, ибо копание в дерьме не является моей целью. Ненормально-гадким представляется мне уже необходимость включать в свои строки, пусть и в качестве *вынужденной цитаты*, заказную комсомольско-гэбэшную брехню — но дабы отместить обвинения в голословности и “передёрживании фактов”, сделать это придётся. [Пусть катит отдельно, независимым “приложением” к главам о нас, – что иной читатель может и пропустить.]

Описание *персонального восприятия* этого пасквиля — как он восприни-

¹¹ За пару лет до того рупор Московского областного комитета КПСС «Ленинское Знамя» ‘осчастливил’ спелеомир (точнее, область) пасквилом под названием “Кого зовёт бездна” — поражало совпадение как стиля, так объёма и характерного места, занимаемого в газете обоими статьями. Впрочем, совпадений в подобных ситуациях не бывает.

мался и чувствовался тогда нами на уровне эмоций — я привёл в повести “Где дольше Света длится Тьма”.¹² Дублировать уже написанные слова сил нет: и без того, когда писал строки *об этом дне*, чуть не позеленел от никотина. До того было тошно возвращаться каждой написанной фразой и словом в тот день.

ОМЕРЗИТЕЛЬНО-ТОШНО.

: До дрожи.

Один из авторов пасквиля – Леночка Селезнёва. Та самая, что вещала мне в Володарах...

Ещё один — журналист с характерной фамилией Дятлов.

Явный соавтор и Главный Герой повествования – В. Мальцев.

С этого дня его имя в Никитах не просто бранное.

Прочитайте статью — поймёте, почему.

: Масса кондовых фраз из этой статьи тут же становятся самыми цитируемыми в Никитах. ‘Бестсерреры’, – именует их Хмырь. Цитирование горячо любимых Стругачей, “Алисы в Стране Чудес” и Булгакова отступает на второй план. < «А не шуршит-ли у тебя под рукой старая мокрая телогрейка?» – на любой хрустяще-шуршащий звук. «Консервов и вина набери побольше!» – уходящему в магазин гонцу. “Ложем Командора” именуют каждый новооткрываемый грот. Трансы называют “объёмистыми”. Входы в Систему – исключительно “входы/выходы”. И так далее. >

...: Ещё зимой один из “спелеоуниверситетов” был посвящён ориентированию и поискам додиков-шатунов. Разыграли всей Системой партию в “казаков-разбойников” — что дала *такой опыт* по поиску и отслеживанию “блудящих”...

: В статье за эту тренировку были ехидно обосраны. Теми, что оказались неспособны найти неподвижного месячного жмура – но были хорошо информированы о нашей подземной жизни.

– Один из осенних “университетов” был экологический. Сравнивали методы уничтожения под землёй случающегося мусора; в качестве “практического семинара” *полностью вылизали Систему — убрав и уничтожив мусор, скопившийся по воле чайников в её левой привходовой части.*

И Система с тех пор содержалась в завидной чистоте. Как и наши полянки в лесу над пещерой, и пространство перед входами – буквально забутованное мусором перед иными “чистыми внутри” Системами.

: Ясное дело, в газетной писанине Никиты были охарактеризованы, как одна большая помойка.

И так далее. “По всем пунктам”. Включая ‘прихвотизированную’ у нас идею спелеозаповедника. Которую те же деятели из МКК не дали претворить в жизнь.

В “Где дольше Света длится Тьма” написал, что ещё до выхода этой писанины заметили странный факт: *как только в наш Круг попал и прижился в*

¹² Объединённые никитские комментарии присутствуют также на спелео-форуме caves.ru.

нём новый поклонник Никит, его родителей вызывали на работе в Первый отдел,— что был филиалом ГБ в любом совковом учреждении,— и “по дружбе” сообщали: «ваше дитя связалось с очень неприятной компанией... Пока не поздно — спасите вашего ребёнка от дурного влияния!»

— **Подтверждаю это. Например, так вызвали родителей Оли Шапкиной. И родителей многих других моих знакомых по Никитам.**

Что характерно: как правило, вызывали “для предупреждения” представителей ‘прослойки’ — сотрудников всевозможных НИИ, медицинского сектора и т. п. Пролетариат не беспокоили. Очевидно потому, что “и на хуй могли послать”, и воспитанием детей озабочены были меньше. Да и трудновато, думаю, было бы разъяснить гэбэшным специалистам отстоявшему у станка родителю, чем хождение в пещеры хуже подъездного киряния.

: После выхода этой статьи стали не просто “информировать” — но и давали “почитать на досуге” ксерокопию упомянутой статьи. Как “вещдок”.

— **НО ЕСЛИ БЫ ТОЛЬКО РОДИТЕЛЯМ!!!**

: 12 июля, за два дня до официального начала нашего Пребывания, в МОГИФК с депешой от МКК приехал А. Лившиц. Член-участник мальцевского “спасотряда”. «Настоящий товарищ и прекрасный спелеолог» — по отзывам тех, кто не работал с ним в одной бригаде промальпинистов (как довелось несколько лет спустя Склизкому Змею) и не делил при этом деньги. Как и объём работы. «Очень хороший человек» — отзывы тех, кому на работу он не привозил подобные письма.

Мне, наверное, сказочно повезло: ректор института, по образованию штангист (с соответствующим мировоззрением) рассекал в те дни по “забугорью”. Леонард Николаевич Жданов замешал его.

Как только Лифшиц откланялся, Жданов вызвал меня,— дал ознакомиться с “подмётной грамоткой”. Составленной много грамотнее, чем “апрельское тезисное заявление” Вятчина/Мальцева.

Дал послушать магнитофонную запись беседы.

: Инкриминировалась мне спелеодиссидентская деятельность, граничащая с уголовной. В частности, без каких бы то ни было доказательств изрекалась мысль, что я “под видом сомнительных подземных экспериментов” провожу “над молодёжью” опыты с “запрещёнными химическими препаратами”. < Честно говоря, эта фраза из казённой писульки бросила меня в неостановимую истерику. Хохотал бы, наверное, полчаса — кабы Леонард Николаевич не указал мне строго, что “смеяться не время и не место”. Но *хоть теперь, годы спустя, кто-нибудь из тогдашних моих козлов-обвинителей может внятно сказать: ЧТО ОНИ ИМЕЛИ В ВИДУ?.. ОТКУДА ВЗЯЛИ СООТВЕТСТВУЮЩУЮ ИНФОРМАЦИЮ???* Понимаю, что палец, как его ни обсасывай, юридическим документом не является. Даже если им долго ковырять в носу. Да хоть в анусе!.. Коль были иные источники информации — назовите. Или приведите список “подопытных”. А заодно и тех самых “запрещённых препаратов”. Ну пожалуйста!!! > Также подтверждался “официальный запрет МКК” на мои

посещения пещер. И утверждалось, что я использую своё институтское положение в корыстных, личных и диссидентских целях (демонстрировалось Приглашение на слёт памяти Виктора Шагала на институтском бланке), чем ставлю под удар работу института и его руководство. К письму прилагалась статья из “Комсомолки”. К статье – справка КГБ по моему делу.

Письмо было официальное, за входящим и исходящим номером. “Не реагировать” было нельзя.

Но вот в чём фокус: само по себе Приглашение на институтском бланке ничего не значило. В те месяцы я рассылал их десятками – во все заинтересованные организации. И, естественно, всем нужным нам частным лицам. В тексте Приглашения не было ни слова “против правды”, – говорилось, что слёт организуется т/к “Сокольники” и институтской группой, ведущей подготовку к спелеоисследованиям. Цели указывались точно те, которые и являлись ими в действительности: почтить Память всех, погибших под землёй; помимо этого – популяризация спелеоисследований. На слёт памяти Виктора, кроме бардов – что действительно неразрывно-этическая сторона спелестологии – приехало много спелеологов, которым был интересен задуманный мной Эксперимент. Помимо москвичей, зеленоградцев и фрязинцев, были ленинградцы, томичи и новосибирцы. Все они так или иначе были связаны с медико-биологическими исследованиями по роду своих основных работ, и при этом занимались спелеологией или спелестологией. Во времена всеобщей “печатной регламентации” и отсутствия Интернета это было прямой популяризацией проводимых в МО-ГИФКе исследований – без которой не мыслилось впредь заниматься данной темой. [Без такого рода популяризации откуда взять добровольных помощников, необходимых хотя бы для доставки к гротам Пребывания всего потребного оборудования, запасов аккумуляторов, свечей, продовольствия – и прочего оснащения эксперимента?.. Как заинтересовать своими исследованиями возможных коллег? Вопрос, конечно, риторический.]

: я не “отмазываюсь” – говорю то, что было. Вне гэбэшной телеги обвинения в абстрактной диссидентской деятельности, использовании так и не названных “химических препаратов” и нарушении спортивно-любительских запретов МКК (для профессионального сотрудника спортинститута!), – как и обвинения в использовании служебного положения *были пшиком*. Пустым сотрясением воздуха — “т. Мальцев лаёт, Лившиц носит”. Собственно, с ними они тоже были пшиком – но уже достаточно вонючим.

С сопровождающими газетными строками приобретали совсем иной ‘коленкор’. Тем более – опубликованными в центральной коммунистической прессе.¹³ Которая в те подлые годы “решала всё”. Ибо не решала — служила рупором принятых в кулуарах решений.

¹³ Кто полагает, что “Комсомольская правда” не относилась к партийной прессе и никоим образом не была связана с центральной коммунистической “правдой” – может верить, что “Пионерскую правду” штамповали “по личному приколу” на большой перемене учащиеся четвёртых-шестых классов средних совдеповских школ.

Обжалованию не подлежащих.

И порой “сильно не предсказуемых”.

– Леонард Николаевич предложил следующий вариант: я пишу объяснительную; он к ней своё резюме. По научной части эксперимента и моей спелеопропагандисткой деятельности. Которую не вправе обсуждать туристы-любители.

: Не прошло. Оказалось, что аналогичный документ был доставлен в обком партии, находящийся в Люберцах. МОГИФК – институт областного подчинения. < Очевидно, в силу этого факта в комсомольской статье был сделан *характерный акцент* – за подписями ‘кал-респондентов’ следовало: «МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ». >

Шокированный комсомольской публикацией и прилагавшейся к ней кляузой из МКК – по сути, политическим доносом – обком потребовал крови.¹⁴ И запретил финансирование спелеонавтической программы, “как противоречащей данным современной науки”.

: *Специалисты партийные... Теперь – откройте любую популярную медицинскую энциклопедию и прочитайте статью о биоритмах.*

: *Найдите в ней “противоречия” данным науки — если, конечно, сможете.*

Биоритмы и проблемы адаптации спортсменов к смене часовых поясов были очень важны спортинституту. Гораздо более, чем, скажем, ИМБП, занимавшемуся той же проблемой ради процветания совдеповской военно-космической программы.

В ИМБП и “девятом ящике” изучением биоритмов заниматься было можно. Хотя данные, полученные в городских сурдокамерах, весьма не однозначны и спорны. И для успеха полёта в космос принципиального значения не имеют.

Но – сошлось: *тем специалистам* поперёк горла были независимые исследования, проводимые к тому же по альтернативным методикам. Причём заведомо более “чистые”, чем можно провести в городе. На неабстрагированных от городского ритма жизни “подопытных кроликах”. Со всем спектром в принципе не экранируемых помех.

Допустить проведение исследований, опровергающих лелеемые ими “данные”, военно-космические ‘эпидемии’ не могли. Ибо весь исторический опыт так называемой “ортодоксальной науки” свидетельствует: ни один учёный ещё не способствовал проведению исследований, что могут опровергнуть его личные воззрения. Зато коль представлялась возможность утопить в потоке дерьма “научного конкурента” – не брезговали ничем. Смотрите, например, замечательную книгу академика С. Э. Шноля «Герои и злодеи российской науки». [Москва, “Крон-пресс”, 1997] Не нравится академик Шноль – прочтите “Двойную спираль” лауреата Нобелевской премии Уотсона.

¹⁴ Напоминаю: это была уже вторая статья за три года, науськивающая “общественность” против подмосковных спелестологов. И обе были опубликованы в *партийной печати* – так что обком не мог не сделать должных выводов.

Возможно, рецензентов из ИМБП “подготовили должным образом” с помощью соответствующих тележных кляуз,— *возможно всякое*. В принципе, любой совковый учёный на слова “шарлатанство” и “паранаука” реагировал, как собака на команду “фас!”,— чего стоила, например, компания, развёрнутая в коммунистической прессе по поводу гипотез посещения в прошлом Земли “гостями из космоса”, возможности существования Фаэтона и сотворения человека — не смотря на то, что *строго говоря, “антинаучными” подобные гипотезы не являются в принципе*.

— Партийная машина на слово «диссидент» “сделала стойку”.

А про механизм срабатывания персональной заинтересованности в уничтожении альтернативных ветвей спелеологии я уже написал.

Так что навозный ветряк гнал свои миазмы в одном направлении. Всеми своими лопастями. Ибо не гнать — не мог.

До самого последнего момента Леонард Николаевич пытался отстоять моё пребывание а институте. *Каково ему было это делать — под угрозой “партийного выговора” — можно себе представить*. Я написал заявление “по собственному”, ибо промедли хоть неделю — Леонарду Николаевичу пришлось очень туго. Он утешал — “восстановим в следующем году. И повторим программу под иной крышей”,—

Я сомневался. Потому что мне было ясно: снова не дадут.

С официально проводимыми в нашей стране спелеобиоритмологическими исследованиями для меня лично было покончено. В принципе — покончено с любой научной спелеодеятельностью. Без которой, казалось мне тогда, не было смысла ходить в пещеры. Как и жить.

* * *

Через какое-то время точно так же была “сломана” спелеонавтическая программа Гнома. При помощи всё того же персонажа. Хотя Гном, в отличие от меня, имел официальное медицинское образование и интересовала его в первую очередь не биоритмология, а проблемы санитарии и гигиены под землёй, физиология человеческого организма в стрессовой обстановке, биохимический и энергетический баланс организма.

Но, однако, тоже кому-то не понравилось. Впрочем — почему “кому-то”? Имена названы. Как и причины. И хоть Гном антисоветских песенок не пел, слётов не устраивал и подземной социальной деятельностью не занимался — была сорвана замечательно подготовленная спелеонавтическая экспедиция в Подолию; в “Сокольниках” устроен ‘долгожбаный дворцовый перепомёт’.

: Гном был облит помоями с ног до головы и изгнан из поднятого его усилиями клуба. Как и Женя Романюк.

Когда через несколько лет Лифшиц погиб, мы с Гномом с удовольствием выпили. *“Если долго сидеть на берегу реки, мимо тебя неизбежно проплывёт труп твоего врага.”*

Женя, увы, к нам уже не могла присоединиться.

Серёжа Лещина – успел.

Хотя в судьбе нашей это ничего не изменило.

ВАТЕР-ГАЗЕТНАЯ ПАУЗА

“Которую добропорядочный Читатель может и не читать.”

: В. Ерофеев

ЛАБИРИНТ¹⁵

Старые каменоломни, в которых заблудились пятеро школьников, казалось, не имели выхода....

В ВОСКРЕСЕНЬЕ Андрей встал раньше обычного, второпях позавтракал, и принялся укладывать объёмистый брезентовый рюкзак.

– Чего тебе в выходной не спиться, – спросонья проворчал отец.

– Ну я же тебе говорил, пап, – Андрей торопился и поэтому отвечал нехотя, скороговоркой, – каменоломни, тут недалеко от Москвы, в Домодедове.

В дверь позвонили. Андрей побежал открывать. На пороге стояли его приятели-одноклассники: Игорь, Вадим и Миша – все трое с рюкзаками и в спортивной одежде.

– Ну, я пошёл, – крикнул уже с порога Андрей. – Вернусь завтра, часа в два.

В понедельник к назначенному сроку четверо восьмиклассников домой не вернулись. Не было их и утром следующего дня.

ДЕЖУРНЫЙ по Домодедовскому горотделу милиции майор Ляхов вынул записную книжку. Раскрывая её, глянул ещё раз на часы: час тридцать дня. Открыл на “М” и нашёл: Мальцев Владимир, спасательный отряд.

Володя только что пришёл с обеда. Хотел зайти в соседний отдел, но кто-то крикнул: “Володя, к телефону! Опять тебя просит Домодедово...”

¹⁵ “Комсомольская правда”, 1. 02. 82. Здесь и в дальнейшем по ходу цитирования курсивом выделяется текст, набранный в “комсомолке” жирным или петитом; орфографию и синтаксис оригинала даю без интеллектуальной коррекции. Разве что печатаю букву “ё” там, где она должна быть по правилам русской грамматики.

И Мальцев понял – Никитские каменоломни. И сразу стал прикидывать, кого успеет обзвонить из ребят отряда спасателей за оставшиеся три часа работы. К семи вечера ему удалось собрать пятнадцать человек. Последний звонок он сделал к нам, в редакцию.

ИЗ РАЗГОВОРА С В. МАЛЬЦЕВЫМ:

“Под Москвой с давних времён существуют каменоломни. В них добывали белый камень для строительства города. Сохранились эти выработки и до нашего времени, хотя последние работы прекратились там ещё в начале века.

Никитские каменоломни – один из самых запутанных лабиринтов. Общая длина штреков, выработок и лазов – всего пять километров, но по ним можно блуждать сутками – и не найти выхода.”

К КАМЕНОЛОМНЯМ школьники подошли, когда начало темнеть. Скинули у входа рюкзаки. Откуда-то сбоку к ним неожиданно подошёл незнакомый парень. По тому, как он разговаривал и держался, Андрей угадал в нём здешнего завсегдатая.

– Ну ладно, так и быть, – сказал Иван (так звали их нового знакомца), – пойду с вами. Я здесь все ходы-выходы знаю.

Кое-как пробравшись сквозь узкий длинный лаз, ребята очутились в низком гроте. Со всех сторон нависали каменные глыбы, под ногами хлюпала вода.

– А что, ребята, – вспомнил вдруг Иван, – в журнале-то мы и не отметились!

Упомянутый журнал представлял собой потрёпанную и разбухшую от подземной сырости амбарную книгу. Сделать запись о визите в Никиты считалось чуть-ли не делом чести.

– Теперь снова вылезать, – вздохнул Андрей. Журнал находился у противоположного входа в каменоломни.

– Со мной не пропадёте, – вдруг поднялся Иван, – пойдём напрямик под землёй. Полчаса – и там.

Рюкзаки решили с собой не тащить, тёплые вещи и еду тоже.

– Через час вернёмся, пожуём – и спать. Вперёд! — скомандовал Иван и нырнул в темноту.

... Прошло, наверно, минут сорок (точнее никто определить не мог – часов, как выяснилось, ни у кого не было), когда “вожак” устало опустился на большой камень.

– Уже пришли? — мальчишки смотрели на него с некоторым беспокойством.

– Ага, пришли. То есть не совсем ещё. Тут надо направо, потом налево, ну, в общем, сейчас будем на месте.

Прошло ещё около часа. Внезапно села батарейка у одного фонарика. Чуть позже погас второй. Ребята долго блуждали по лабиринту. Андрей ещё кое-как держался, но, оглядываясь всё чаще на своих приятелей, понял: ещё максимум час, ну два...

Вскоре подвернулся подходящий грот. Высокий, довольно сухой, в углу – бревенчатые нары, сделанные из полусгнивших, почерневших крепей, поддер-

живавших когда-то массивный каменный “потолок”. На нарах ребята обнаружили буханку зачерствевшего белого хлеба и неначатую пачку макарон.

— Сидите здесь, ясно? И никуда не отходить,— Андрей старался произносить слова как можно твёрже, но голос его, помимо воли, всё время вздрагивал и срывался.

Андрей и Иван взяли два оставшихся фонаря и двинулись на поиски выхода. Любого. О журнале никто уже не вспоминал.

В ДОМОДЕДОВСКОМ горотделе милиции свет горел только в комнате дежурного и в холле по соседству.

Майор Ляхов говорил по телефону. Увидев Мальцева, положил трубку, сказал:

— Есть новости. Двое выбрались. Герои... А остальных оставили внизу. “Они,— говорят,— медленно лазают, всё время отстают...”

Мы бросились в холл. Андрей и Иван сидели на диванчике.

— Покажите, откуда вы шли? — сказал Володя, развернув схему.

Иван ткнул пальцем почти в самый центр паутины ходов.

— Сколько вы выбирались?

— Часов шесть. У нас последний фонарь сел.

Они думали, что сейчас ещё понедельник. На самом деле был вторник. Половина девятого вечера.

Ребята из спасотряда, дожидаясь Мальцева, курили на улице.

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ.

Несколько лет назад при городском совете по туризму и экскурсиям был создан общественный спасательный отряд. В него вошли опытные спелеологи из спортивных секций МГУ, Московского энергетического института и других организаций. Руководство спасательными работами под землёй (а они в Подмоскowie проводятся не так уж редко) поручено сотруднику Всесоюзного института минерального сырья, члену московской спелеокомиссии Владимиру Мальцеву.

— ВАШЕ время выхода для контроля — половина третьего ночи,— ещё раз напомнил Мальцев. — Пресса пойдёт в группе Жени Стародубова,— обратился он к нам.

Впереди нас шли ещё три группы. И у каждой — свой участок каменоломен, где надо было прочесать каждый закоулок, каждый тупик.

Мы, один за другим, полезли в узкую нору, именуемую входом в Никитские каменоломни. Руки наши сразу увязли в грязи по запястья.

Узкая и низкая старая выработка уводила всё дальше и дальше. Здесь наши группы разошлись. Группа Миши Коротаева ушла в левый “коридор”, а мы — в тот, что начинался справа.

На камне у развилки белела стрелка — тупым концом к выходу. Точно такая же была два поворота назад. Только указывала в противоположную сторону. Будто здесь играли в “казаков-разбойников”. Трое уже доигрались — сидят где-то в глубине.

— Кричите погромче,— посоветовал Сергей. — Может, услышат.

Свистнули. Словно в бочку, набитую ватой,— лабиринт сразу пожирает все звуки.

— Да, как же — покричишь тут. За поворот зайти — ничего не услышишь.

Фонарики выхватывают узкие лазы, переломившиеся стойки бывших штреков. Сплетение ходов и закоулков. Ещё поворот, лаз вверх и сразу — влево. Выдох — иначе не проползти между двумя мощными плитами. Ощущение, будто лезешь прямо под пресс.

— Два часа ночи. Они сидят уже двое суток,— Женя что-то прикидывает в уме. — Двое суток — при плюс восьми градусах... Надо торопиться.

И снова — метр за метром, закоулок за закоулком. Под руками шуршат целлофан, обрывки газет, тряпки. Вползаем в небольшой грот. Можно встать, хотя и согнувшись. Битые бутылки, консервные банки, гнилая телогрейка.

— Райское местечко,— почти в голос говорим мы.

— Угадали,— Женя сверяется с картой,— местная публика называет этот уголок “Райские Сады”. Вы ещё не видели настоящих помоек — излюбленных мест “романтиков”, вроде тех, кого мы ищем: “Хата”, “Колизей”, “Ложе Командора”. Чем грязнее грот, тем шикарнее название.

ИЗ РАЗГОВОРА С МАЙОРОМ ЛЯХОВЫМ:

“Они там живут неделями. Притащат консервов, вина и устраивают “пикники” и “праздники”. У нас за несколько лет были случаи пропажи людей в Никитах.

К счастью, все нашлись, кроме одного: его завалило. Спасти парня не удалось. Мы пытались вылавливать “королей” этих компаний, заваливали входы. Но они отрывали новые норы”.

В эту ночь и на другой день мы говорили с многими людьми, прямо или косвенно связанными с тем, что произошло в каменоломнях. И мы, и они не сомневались: паломничество в Никиты, которое в лучшем случае заканчивается тем, что десятки людей срываются с работы и иногда сутками ищут “романтиков подземелий”, нужно остановить. Советы, как это сделать, были самые разные: от “поставить постоянный пост” до “взорвать — и дело с концом”...

Но, может быть, нет нужды взрывать. Только обязательно нужно, чтоб у катакомб был хозяин — организация, которая смогла бы раз и навсегда решить вопрос со злосчастными катакомбами: или закрыла бы их, или привела самые интересные гроты и лабиринты в нормальный вид — для тренировок начинающих спелеологов.

Почти двадцать московских спелеосекций готовы заниматься с ребятами, “заболевшими спелеологией”.

Выход из лабиринта должен быть...

МЫ СТОЯЛИ у костра молча. Грелись и ждали, пока вскипит чай. Грязь кусками отваливалась от комбинезонов.

— Значит, так,— заключил Мальцев,— я тут потолковал с теми двумя, которые вышли,— есть новые координаты.

— Я знаю, где это,— сказал Женя Стародубов и стал натягивать мокрый комбинезон,— кто со мной? Миша, идёшь?

Мы светили им фонариками, пока они не скрылись в норе. Четыре часа утра.

В ТЕМНОТЕ ВРЕМЕНИ НЕТ. Игорь, сгорбившись и закрыв глаза, сидел на самом краю нар. Он знал, что Миша рядом, но не слышал дыхания товарища.

Сначала ребята сидели молча. Потом разом, перебивая друг друга, заговорили. Начали что-то громко обсуждать, спорили. Потом Миша предложил спеть... Пели до хрипоты. Снова кричали. К еде никто не притронулся. Только Игорь попробовал жевать размокшие макароны. От холода и сырости начало неметь тело...

Они не слышали приближающихся шагов, громких криков. И только когда узкий луч фонарика ударил им прямо в глаза, Игорь вздрогнул и с недоумением уставился на стоящих перед ним незнакомых взрослых парней в касках и комбинезонах.

А. ДЯТЛОВ, Е. СЕЛЕЗНЁВА. Московская область.

* * *

Я намерено дал этот шокирующий текст без комментариев. Хотя их было в достатке – к каждой фразе, и даже больше, – объём наших комментов раза в три превосходит объём статьи. Но вовсе не потому, что мы склонны бурчать на пустом месте – а по той простой причине, что ни одну фразу из этой комсомольско-правдивой клюквы *правдой* назвать нельзя. Эпитеты “враньё”, “глупость”, “чушь”, “бред” и “лажа” подходят гораздо более. Когда статья зачитывалась на никитской поляне, одни катались от хохота – другие кипели благородным возмущением.

И сколь бы нас ни веселила литературная безграмотность текста и полное незнание ни спелеотерминов, ни реалий спелеожизни, ни, собственно, самих Никит – образ которых был выведен с дивно пасквильными оборотами, – как бы ни прикалывали “спортивные костюмы” героев, “объёмистые рюкзаки” и количество батареек в фонарях, сколь бы ни было смешно от сюжетных неувязок и беспомощного вранья — перевешивал, конечно, гнев.

Казалось: ну за что они всех нас — так?..

К счастью, все нашлись, кроме одного: его завалило. К счастью...

Чем грязнее грот, тем роскошней его название... О как.

Мы неоднократно пытались отлавливать “королей” этих компаний...

: да уж. Мне, например, не забыть 15 суток, проведённых ни за что в мае 1985 года в КПЗ славного Домодедовского УВД, – как и навешанного в догон штрафа “за хулиганку” и пришедшего на работу письмеца – уж не в МОГИФК, но в не менее славную контору НИКИМП, – пусть и после выхода комсомольской статьи...

— Взяли специальной группой прямо в

никитском автобусе, не взирая на присутствие моей полуторогодовалой дочери в детской коляске за якобы “безбилетный проезд”, — при том, что билеты, добросовестно купленные, были предъявлены контре, явившейся в автобус в первый и последний раз в истории его существования — явившейся в сопровождении добрых молодцев со стеклянно-оперативными глазами, — да вот беда: номера на билетах, как мне было оглашено в присутствии подыхавших от смеха 20 свидетелей, “были разными”, то есть различались, как и положено им, на одну цифру один от другого, —

: конечно, 15 суток вклеили не за это. А за якобы имевшее место быть “хулиганство в общественном месте” — как **потом** написали в протоколе.

Автобус со всеми его пассажирами не постеснялись пригнать вместо заявленного в маршруте конечного пункта прямо ко входу в милицию.

: “отловили очередного короля” — вместе с ребёнком.

Точнее — попытались.

: Попытка прошла на “заебись”.

Не прошло года — Зелёного Змея и Моку “отловили” прямо под землёй. Во время их четырёхмесячного Пребывания. Нашли ещё одно общественное место.

И они тоже запомнили стены столь гостеприимного для спелестологов КПЗ.

А затем, через примерно такой же срок, разнесли “вдребезги пополам” наш оборудованный кейв-лэб в Старице. Возглавлял уничтожение коего лично А. Вятчин. Поскольку самих экспериментаторов-спелеонавтов в тот печальный момент в пещере не случилось — обошлось уничтожением всех обнаруженных ‘матценностей’ — примусов, спальников, пенек, запасов бензина, свечей, продуктов...

Свидетели всех трёх эпизодов — живы.

И что характерно: в смаковании морально-ублюдочного облика посещающих Никиты усердствовала **та самая** Леночка Селезнёва, что в Володарах говорила мне, —

...: противно писать об этом.

Понимаю, что для незнакомого с реалиями нашего тогдашнего быта данная статья выглядит (без уточняющих комментов) “не хуже”, чем любое иное журналистское бумагомарание. Что ж — пусть так. Комменты приведены в «Где дольше Света длится Тьма» и на www.caves.ru. Повторяться не желаю.

: О том, какую роль она сыграла в моей спелеонавтической карьере, поведал выше.

Но ведь — моим друзьям было не легче.

И пусть с работы по итогам этого пасквиля вылетел я один — не я один слишком многое поставил на готовящийся эксперимент, чтобы остаться к его срыву равнодушным.

И были иные, кому от данной публикации тоже пришлось “весьма не сладко”. Хоть они не входили в Никитский Круг и к подземным интересам нашим касательство имели “весьма отдалённое”, —

: их-то — за что???

* * *

С Андреем Кувичинским мы прошли разными спелеобиографиями. Только-то и объединяло, что в 1982 году он со своими одноклубниками несколько раз приходил в Никиты,— с нами, впрочем, не пересекаясь. А потому детали описанной в газете “спасаловки” я узнал много лет спустя.

Поверьте: к сюжету статьи они не имеют никакого отношения. Что подтверждают очевидцы.

: Двое ребят вышли на поверхность сами и вызвали, позвонив из ментуры, своих друзей-одноклубников. Ибо больше ниоткуда они позвонить не могли — до появления первых мобильных на территории нашей страны оставалось 15 лет. И куда им было обратиться (пусть и за незначительной помощью), как не в ментуру?

— Ту самую,— помните? — сотрудники которой обещали нам “полную поддержку и помощь в решении любого подземного ЧП” ...

: И года-то не прошло.

Ребята просили ментов дать “пару фонариков на два-три часа” — чтобы самостоятельно вывести из пещеры оставшихся там друзей.

Вместо того, чтобы дать хоть какой-то свет (не верю, что в “дежурке” не было пары фонарей!) “блюстителю правопорядка” вызвали вовсе не обязательный “спасотряд”. Ну да хорошо, что родным и знакомым позвонить не запретили.

Очевидный вопрос: почему менты не вызвали никого из никитян (хотя номера своих телефонов мы диктовали капитану Чибисову лично,— в чём, конечно, смысла было немного, учитывая ментовские возможности) — пока останется без ответа.

Мальцевские спасатели вообще не искали под землёй никого — пока они добирались до дыры, пока разминались в форме вольного трала с приглашёнными журналистами и ментами на поверхности, “кипятя чай” на сырых апрельских дровах (вместо того, чтобы сразу двинуться вниз и приступить к ПСР), приехали ребята из клуба — не спелеологи, а мокрозадые, ибо клуб был “с водным уклоном”, причём приехали не из Москвы, а из не самого ближнего Подмосковья — и вывели оставшихся под землёй на поверхность.

О том, как официальные спасатели под руководством Володи пытались помешать одноклубникам потерявшихся спуститься под землю и не дать найти-вызволить из невольного подземного плена друзей, пусть рассказывает Кув и прямые участники тех “спасработ”. Но вот что интересно:

: никакого “местного Ивана”, конечно, и близко не было. В Никиты в то время вообще ходило лишь два Ивана — Мамонт и Хмырь. Оба в тот рабочий день (ибо случилось всё это в понедельник, в дни весенних школьных каникул)

находились один по месту своей работы в Филёвском порту, другой – учёбы в теперяшнем МГСУ, тогда МИСИ.

Но они были безусловными лидерами нашего Никитского Круга – наравне со мной. Оттого помянуты в тексте – в по-журналистски изворотливой, не обязывающей извиняться манере. Для обозначения которой в русском языке есть очень точное слово “подъёбка”.

Кстати: грот Ложе Командора до сих пор так и не найден, – возможно, на старости лет товарищ Мальцев таки поведает нам, где его видел. И из каких соображений слово “Командор” вообще попало в статью. Ибо не верю я, что журналисты для придумывания названия не существующего в природе грота раскрыли случайный словарь — и так точно “попали”.

А так же – зачем на спасработы в сложнейшую, даже по мнению В. Мальцева (читаем статью) пещеру Подмосковья выезжают люди, Системы абсолютно не знающие, да ещё берут с собой ‘лиц журналистской национальности’ – к поиску “потерявшихся” пригодных, как инвалид к танцу.

– И ещё. Во время этой “спасаловки” я находился в Никитах на тестировании своей аппаратуры. В ЖБК, в одном из гротов в прямой видимости Бродвея. Никаких “спасателей” не видел и не слышал. Похоже, они просто не нашли входа в ЖБК – хотя ползали, судя по статье, где-то рядом. Вместо прямого визита в Сетку, находящуюся совсем в иной стороне, – где (по сюжету статьи) напрасно ждали их помощи. Всё это не только говорит об их “спасательских качествах”, но ставит недвусмысленный вопрос: чем могло окончиться моё тестирование аппаратуры (из которого никто секретов не делал, как и из места моего Пребывания), *окажись они в состоянии отыскать вход в ЖБК?..*

Слава Дзуликкой — об этом можно только догадываться. Но догадки эти в свете последующей насильственной выемки с Пребывания Зелёного Змея и Моки *при участии того самого “спасотряда”* не очень весёлые.

: Возможно, случившееся “весеннее внеплановое гуляние спасотряда” по Никитам действительно было внеплановым. Возможно, факт *случайного ЧП* (что случайного – сомнений нет) удивительно вовремя упал в “общую кассу” турбулентности нашего мэйнстрима. И грех был его не использовать...

: Потому и звонили менты не тем, кто мог оказать реальную и своевременную помощь — тем, кто был заточен на нечто иное. Пусть и на день-два позже.

Косвено эту психопатическую версию в январе 1999 года в частной беседе со мной подтвердил Чибисов – к тому времени ушедший в звании полковника запаса МВД в частную сыскную контору. В марте 1982 года в Домодедовском УВД (а не ОВД, как написано в статье) *действительно ждали некой “никитской спасаловки”* – оттого и был дан дежурному майору Ляхову “kozyрной звонильный телефон”. Кем был дан – очевидно. Кстати, ради исторической точности должен заметить: по словам Чибисова, «Мальцев был против закрытия Никит, и когда дело дошло до этого, от участия в процессе уклонился».

Домодедовское УВД, в отличие от Володи, уклониться не могло.

«Пойми, Сергей, ни у кого из нас не лежала душа к этим акциям. Все мы понимали, что ничего плохого в вашем хождении в пещеры нет. Но коль сверху спускается распоряжение...»

: в этом месте полковник запаса МВД Чибисов глубоко и многозначительно вздохнул.

* * *

Через день после моей выброски было устроено “судилище” в Горклубе. На “судилище” этом ни слова не было сказано о “свежем никитском ЧП” – возможно потому, что ‘пристегнуть’ его к никитянам не удалось. И тем более, хоть как-то соотнести с моей подготовкой к экспериментальному пребыванию.

Но даты *таких заседаний* назначаются заранее. Как минимум, за неделю. Если не за две. Ведь нужно разработать “повестку дня”, – то есть ход судебного заседания, – подобрать и должным образом подготовить “свидетелей обвинения”...

– Понятно, что если б *некие чайники* нанесли в мой грот случайный визит, а затем так же случайно “потерялись” при гулянии по Системе (со мной во главе, как с проводником, или самостоятельно, после общения со мной – не важно) — процесс был бы эффективней.

А так походил на слабо аргументированный пшик.

Тем более, что оставшихся в ожидании помощи вывели на поверхность их же товарищи.

А не “бригада Мальцева” – которая, по свидетельству очевидцев, в этот момент была занята нешуточным делом: спасала журналистов, заблудившихся в Никитах вместе с одной из “поисковых” групп.

: Анекдот, да и только...

* * *

Кув рассказывал: после этой истории, как и положено, у них в клубе был устроен полный разбор случившегося ЧП. На который естественно пригласили Мальцева со всеми его спасателями (о журналистах тогда речи не шло – бо статья три месяца ожидала удобного момента для публикации). И хотя главной целью “разбора полёта” было сделать выводы, как в дальнейшем избежать подобных конфузов, кое-кто в клубе лелеял мысль: после окончания “официальной части заседания” начистить Мальцеву и его “спасателям” едальники.

: ни Мальцев, ни один из его орлов на официальное собрание турклуба не пришёл...

Хотя, как член Московской спелеокомиссии, был обязан присутствовать.

Хотя бы – как член.

Даже если не считать личного участия в событии и его раздувание до мас-

штабов полноценного ЧП.

«Мавр сделал своё дело»?..

– ай, Володя, Володя...

Другому – хотя бы стыдно стало. Пусть и 20 лет спустя.

: Ведь это *теперь* статья читается с хорошим смехом крещендо.

Тогда — не очень-то до смеха было нам.

* * *

: Конечно, не реагировать было нельзя.

Обида, невозможность доказать свою правоту – ну о каком “опровержении” мы могли говорить, коль на то пошло (хотя кое-кто из никитян на полном серьёзе порывался звонить в редакцию с требованием принести извинения; иные собирались связаться со знакомыми в “конкурентной лавочке” – “МК”), – в общем, самое банальное бессилие оправдаться, как-то ответить на сравнимом уровне, сплелись со своеобразным творческим зудом —

— и буквально на следующие выходные мы с Рашпилем и Бес(Т) представили Никитскому Кругу мюзикл. Написанный нами минут, наверно, за 20: “в три глотки, три руки”. Приблизительно в четыре часа утра, что назывался нами “час маразма” и даровал самые весёлые приколы творимым газетам-маразматкам.

Конечно, каков бы ни был “творческий подъём”, скоростное рифмование, умноженное на злость и обиду, ценным считаться не может. Но исторической точности ради я приведу его – хотя бы в качестве “нашего ответа Чемберлену”.

Учтите только, что это всего лишь либретто стопроцентно-музыкальной композиции:

ЛАЖБУРИНТ, или A NIGHT OF THE ОПЕРА

Вы пишете, пишете – мы читаем, читаем...
(*А потом вытираем – НЕ ВЗИРАЯ НА ШРИФТ!*)

ИНТРОДУКЦИЯ:

: *Сранные корреспонденты,*

которые заблудились

в собственных домыслах —

— казалось, не имели

*совести...*¹⁶

¹⁶ После оглашения подзаголовка следовало двухгитарное вступление из квиновской “The Prophet Song” с перефразированного альбома и первые такты голосового речитатива оттуда же – переходящие в текст Интродукции, исполняемый на три голоса.

УВЕРТЮРА¹⁷:

Во тьме пещер под звуки тлеющего плекса
 Чичака с примусом вступает в область секса
 Звенит башка, душа, стакан, пол-литра “экстры”
 И сталактитовый зелёный водокап...

Звенит интимная капель – вздыхая сладко
 Лежат попарно, параллельно и внакладку
 Лежит разрушенная чьим-то телом кладка –
 Следы вибрам, кайла, зубов, кошачьих лап...

А перед входом в сени девственного леса
 Т. Мальцев, действуя как душитель прогресса,
 Забывшим с перепугу цвет и запах плекса
 Писакам свежие комбезы выдаёт...

Их зубы клацают – в *расчерченной на клетки*
 Т. Вятчин схеме мрачно делает отметки;
 Завсегдатай, весьма классической расцветки
 Из входа мрачные советы подаёт:

*“Плита любая может там, где ходят группы
 Творить спасаловку и свеженькие трупы
 Попытки выбраться, конечно, будут глупы
 Тем боль из Подземли у нас, где свет и крик
 Распространяются – как в бане водолазы
 Иль как сожительство кайла
 с хрустальной вазой,
 И звук обвала здесь, увы, легко и сразу
 Быстрей проказы Жертву пригвоздит...”*

АКТ ПЕРВЫЙ:

– Затемно Андрей поднялся,
 Втихомолочку собрался.
 Уложил рюкзак, подлец...
 “Ты куда?” – спросил отец.

“Я в Никиты, – сын ответил, –
 Есть пещера на примете.
 Ты не жди меня к утру –
 Завтра к двум часам приду”.

– Был Андрюша не дурак, –
 Клал в объёмистый рюкзак
 Он фонарик непростой:
 С батареейкою одной...

¹⁷ “Для тех, кто не узнает”: в основе Увертюры – “Мексиканское танго” Мирзаяна/Бродского.

Тут звоночек в дверь раздался –
Круг друзей нарисовался:
Их порог вместил, как плац
(Все в костюмах “adidas”).

До пещеры путь далёкий,
И не близкий, и нелёгкий:
Вот уж вечер на дворе –
Подошли друзья к горе.

Завершающий аккорд:
Наш герой находит вход...
Тут им встретился Иван
Шкварин: *призрак-ветеран!*

– Сложим рюкзаки у входа
Перед дальностью похода, –
И добавил лихо-лихо им:
– ВСЕ ЗДЕСЬ ЗНАЮ ВХОДЫ-ВЫХОДЫ!!!

... Час проходит, два проходит –
: Ваня выход не находит.
Заползает в низкий грот –
Но никак не в Вупертот:
Грязный свод, у стенки нары...
: По всему видать – Подарок¹⁸;
На столе лежит записка:
Макарон подгнивших пачка.
Три часа орали песни...
Макарони были в плесени;
Пожевал Андрей и их –
*“Дёрнул ножкой... И затих.”*¹⁹

АКТ ВТОРОЙ – НЕ МЕНЕЕ ПОЛОВОЙ:

– День проходит, два проходят:
Скорбь родителей изводит...
Не сидится и не спится им –
Позвонил отец в милицию.

Трубку Ляхов поднимает,
Сявку в книжке вычисляет, –

¹⁸ Во время чтения статьи (версия Кува была нам тогда неизвестна) наиболее ожесточённые споры вызывало местонахождение “виновников торжества” – одни никитяне отождествляли по описанию грот Вупертот, что находился в 20 метрах от входа в Систему; другие полагали, что это Подарок – действительно находящийся в центре Никит, в Сетке.

¹⁹ Цитата из Владимира Васильева, большого друга Никитского Круга и одного из славных посетителей Никитской Системы.

Но напрасно греть трубу:
ЭКСТРАСЕНС НАШЁЛ ДЫРУ!

“Ах, в который раз подряд
Собираем спасотряд...”

: Снова, снова

снова, снова –

Собираем спасотряд!”²⁰

: Собираться не спешили –
Журналистов пригласили;
Вместо спуска в подземлю
Смаху дали интервью...

ИЗ РАЗГОВОРА СО СПАСАТЕЛЕМ, ВЫНУЖДЕННЫМ ЛЕЗТЬ ПОД
ЗЕМЛЮ НЕ ПО ЗОВУ СЕРДЦА, А ПО ЗОВУ СЛУЖБЫ:

: Полезли в дырку, словно сгнули в трясине –
По долгу службы нужно лезть теперь за ними...

т. Мальцев скрылся в непролазный щелюган –

– Я ВАШИ ВХОДЫ... (“В ТЕЛЕВИЗОРЕ ВИДАЛ”)

: Темно и холодно, мне грязь залила руки;

Стучу зубами, позабыв свои науки...

Потом в каком-то жутком прессе я застрял –

– Я ВАШИ ШТРЕКИ... (“В ТЕЛЕВИЗОРЕ ВИДАЛ”)

: Нашёл я грот – амфитеатр в ширь и в даль;

Присел у стенки – сел внезапно мой фонарь...

Хотел я встать, но поскользнулся и упал –

– Я ВАШИ ГРОТЫ... (“В ТЕЛЕВИЗОРЕ ВИДАЛ”)

: ПУСТЬ РВУТСЯ ТОЛ ВНИЗУ,

УРАН И АММОНАЛ –

— Я ВСЕ НИКИТЫ В “КОМСОМОЛКЕ” ОПИСАЛ!!!

ИНТЕРМЕДИЯ:

Старые каменоломни,

В которых заблудились

Пятеро школьников,

Призрак-проводник,

Два корреспондента

И пятнадцать спасателей –

*Казалось, не имели выхода...*²¹

– ТРЕТИЙ АКТ ГАЗЕТНОЙ СКАЗКИ:

НАСТУПИЛ МОМЕНТ РАЗВЯЗКИ –

²⁰ Эта фраза – на битловскую “Back in US...”

²¹ Почти дословная цитата из “перлоисточника”, положенная на музыку.

К нам в Никиты, как герой
Заползает геморрой...

— Ох, пардон, ребята, ой:

ЗАПОЛЗАЕТ МАЛЬЦЕВ ЗЛОЙ!

— Локти в глине, жопа в пене:

Он с трудом ползёт в Системе...

Ищет, ищет нужный грот

В закоулках... Не найдёт!

Лена с Дятловым стонали,

Обстановку нагнетали,

Видом душу теребя —

Обсирая всех и вся...

ИЗ РАЗГОВОРА С МАЙОРОМ ТРИЖДЫ ЛЯХОВЫМ:

— Все пещеры забьём динамитом:

Пусть завалит проходы земля!

И в Никитах, залитых ипритом,

Не останется ни короля!

В ЖБК пустим мирный наш атом —

Станут трупами штреки полны:

Смрадный запах пойдёт к Силикатам,

К обитателям каждой норы!!!

Отыскав командорово ложе,

Подожжём его с разных концов!

Все проходы бетоном заложим —

По примеру забытых Сьянов!

А потом, бросив шашку в Рожаю,

Мы наловим себе пескарей,—

И тогда — тут уж не возражаю! —

Все от счастья нажрёмся скорей!..²²

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ КРЯКАНЬЕ СЕЛЕЗНЁВОЙ:

бывшей володарской подстилки —

ныне образцово-показательной

комсомольской журнасточки

... Мне не нравятся Никиты:

Там такие, леди, плиты —

Залезаешь между них,

И уже ты полный псих;

А прочешешь грязный грот —

²² Этот фрагмент, понятно, орался на мотив “Марсельезы”. Остальное — чередование кантри, лубочных частушек и оперной партии из васильевского “Балета”.

СТОПРОЦЕНТНЫЙ ИДИОТ.

Но беседовали мы
 С очень разными людьми:
 Скажем, с Мальцевым Володей –
 Он спасателя навроде...

(О достоинствах его
 я поведаю легко –
 только *это* не для всех:
 не давать такому – грех!)

За беседой невзначай
 Долго кипятили чай,—
 Толковали сквозь пары
 О судьбе одной норы...

(Только больше всё молчали,
 И плечами пожимали
 В ожиданье кружки чая,
 Да без подвигов скучая.)

Порешили: не взрывать
 (Динамит нужнее рыбам)
 А держать и не пущать
 Спелеологов к Никитам:

Чтобы додики, как встарь
 Не смогли сажать фонарь
 Пред подземною дорогой...
 (Батареек в нём немного)

: Тонкий лучик фонаря
 Дан нам Партией не зря —
 Ударяет он *за-раз*
 Под землёю прямо в глаз

В темноте, где нету времени
 И вода стучит по темени,
 Зачерствевший хлеб лежит,
 Телогреечка шуршит,
 Ни один не слышен звук...

: Лишь спасатель
 – громко –
 — пук!..

ФИНАЛ – ХОР ОГОЛТЕЛЫХ СПАСАТЕЛЕЙ:

– В общем, гады-паразиты,
 Не стремитесь вы в Никиты:
 Двадцать секций КГБ
 Вас отловят на КП

И устроят геморрой,

Именуемый СТАТЬЁЙ!!!

**: звук спускаемой воды старого коммунального унитаза
с высоко расположенным бачком.**

ДЕВЯТКА

“Спали в логове. Называется – грот...”

: И. Салчак

..: Пережить 1982 год было очень тяжело.

А в иные моменты казалось невозможным — рухнули все мои экспериментально-подземные планы, и на любой моей работе, имеющей отношение к Подземле, можно было поставить крест.

Но оставались Друзья; оставались Никиты. И Творчество. За “Сказкой для Робинзонов” последовал цикл рассказов “Карма”, — часть из них спустя несколько лет была опубликована в журнале “Бумеранг”. «Под перестройку на халяву». *Отчего, когда нам особенно плохо – пишется особенно хорошо?..*

: Загадка. Из которой вовсе не следует, что Писателя, Художника и Поэта изо всех сил нужно мудохать и уничтожать — чтобы он “писал получше”.

: Данный тезис исповедуют исключительно сытые свиньи, к творчеству не имеющие отношения.

Наступила новая осень – снова удивительно солнечная и тёплая, столь кайфная для “продолжения до упора” верхнего кострового стояния, —

– что, как и год назад, никому не хотелось разменивать осиновый багрянец листвы и тепло кострового огня на уют и покой подземелий. У каждой группы наверху сложились свои места стоянок – в общем, аналогичные по географии положения имевшимся внизу гротам.

“Раскрытие ЖБК” подошло к своему логическому упору. Левая система и Сетка были заселены довольно плотно, — миниатюрный Вупертот, в котором наша команда провела предидущую зиму, просто не мог вместить разросшийся за лето ареал “уэмовской части” Никитского Круга.

Да и не было больше независимо-ходящих в Никиты групп в строгом смысле этого слова: все мы после выхода статьи “Лабиринт” именовали себя Никитским Кругом с гербом в виде лиры, сделанной из унитазного сиденья – в соответствии с тем, как были охарактеризованы в статье. Единственное деление было – по принципу ближайших друзей и возлюбленных. В соответствии с чем присматривались к подземным просторам: маленький уютный гротик на три-четыре персоны казался во всех смыслах удобней, чем огромное зальное пространство.

Поскольку прогресса в нашем “движении влево” не предвиделось – вновь обратили свои взоры в Правую систему. Я провёл на схеме Никит некую

окружность на расстоянии 100 метров от входа Эгипед и сказал: *грот должен быть в зоне этого радиуса. Чтоб не геморройствовать каждый выход с заброской и выброской трансов.*

Второе условие – от спального места до сортира пройти в полный рост. Пусть и согнувшись.

Третье – грот безусловно должен быть сухим, вентилируемым – и хоть в одном месте чтоб можно было распрямиться. Для переоблачения в комбез после сна.

И чтоб до водокапа не больше тех же ста метров.

: В моём радиусе такого грота не оказалось. Но мы с Крэйзи и Склизским Змеем прикололись к завально-крепяному бурелому неподалёку от правого окончания Централки, по которой можно быстро добраться как до Главного водокапа, так и долевой системы (далее – в ЖБК). В тоже время это место находилось на границе средней системы Никит – Сетки и было не очень далеко от входа Эгипед. Как и от системы Шкварина... В которой, к нашему полному удивлению, после его смерти открылся обильный капёж.

: “Система плакала”. Поначалу делать там водокап не решались, – “эффект кладбищенской земляники”, – но поколение наше было достаточно прагматичным. Силою времени и его поганых обстоятельств, –

: Романтика занимала в наших душах ровно то место, которого стоила. Так что – сделали.

И рядом были Бородинские Поля. В которых решили “строиться на зиму” Зелёный Змей со Светиком и друзьями из “глубокой команды”.

: Три выхода подряд работали “кувалдой, карандашом и Словом” по намеченному для преобразования в уютный жилой грот завалу. [Характерно – в духе исповедуемого рок-арта – назывались наши подземные инструменты: пятикилограммовая кувалда на металлической сварной ручке была Машкой, лом – Архитектурным Карандашом, кайло – Головоотяпкой. Скарпель и зубило именовались Большой и Малой хачи, японскими палочками для еды.]

Будущий грот назвали Девяткой. Ибо всё-таки Десяткой он был бы – попади мы в него без доводки кувалдой и ломом.

На второй выход отчётливо обозначились спальное место, стол и сиденья вокруг него. На третий проход в сторону тупичка, выбранного под сортир и место утилизации мусора, стал проходим если не в цивиле – то без сильного напряжения.

Сортир украсили приколоченным к стене большим велосипедным колесом (как *его* закатили в Систему, вещать не буду), и с этой минуты в лексиконе нашем вместо банальных “пойти пострять” или “погадить” появился новый эвфемизм: “Покрутить Колесо”. Ибо приколотили мы его так, чтобы оно свободно вращалось на оси. А потому каждый посетитель сортира его неизбежно-машинально прокручивал.

На четвёртый выход проход к Колесу приобрёл вполне цивилизные разме-

ры: все шкурники по пути были “творчески расфигачены”, завалы крепей и осыпавшегося плитняка разобраны и переведены “в более кулютерное” состояние,— совсем негодными обломками и образовавшимся (в изобилии) от разбивания плит щебнем замаскированы самые лютые и недобрые трещины-ловушки в полу. В самом же гроте — прямо по центру его, мешая всему и всем, осталась только одна плита: необычайной прочности сильно кристаллизованный известняк с вкраплениями кремня. Она торчала на уровне пояса из стены грота и, не касаясь пола, доходила до его середины — чем занимала половину потенциально жилого пространства. В ширину она была метра два, в длину “примерно столько же”; толщиной же — почти полметра (полметра со стороны метра).

— Что мы только ни делали с ней!.. Два выхода подряд, меняясь каждые десять минут, мудохали её десятикилограммовой кувалдой на металлической сварной ручке — пока кувалда не отделилась, подобно третьей ступени, от руконосителя — и просвистела в нескольких миллиметрах от моей головы,—

— сверлили, насколько хватало сверла, дырочки у самой стены коловоротом — но подобно туалетной бумаге, она только крепчала от этих дырочек,—

— нагружали плитами и камнями и домкратили книзу, отжимая от потолка — пока потолок не дал зримую трещину...

— Если грот не сдаётся — его уничтожают,— замечает Склизский, обозревая лопнувший прямо над его головой монолит.

— Если свод не садится... — мрачно парирует Крэйзи — и тут Рашпиль, решивший озвучить наши потуги “по созданию грота из ничего” очередной парой свежесочинённых дразнилок²³, осторожно произносит:

— Вообще-то мне цыганка нагадала под плитой умереть...

— Надеюсь, не кухонной,— острит Склизский Змей,— потому как это было бы чересчур символично.

— Крэйзи некоторое время задумчиво глядит на Рашпиля (должно быть, оценивая, сколько гениальных стихов и мелодий способно ещё исторгнуть, не умерев от обжорства, это тело) — и вдруг решительно объявляет:

— ПОЛЕЗАЙ.

²³ Сам Юлик, носящий титул “гранд-барда Никитской Системы” (кроме него этот титул в Никитах носили только Асисяй и Лещина — при том что владели гитарами и писали песенки многие из никитян) в специальном оборудовании грота не нуждался: любая никитская компания с радостью предоставляла любому из наших гитарных мастеров требуемый уют. Хотя Рашпиль отличался обильной прожористостью, Асисяй повышенным водкоупотреблением, а Лещина хронической меланхоличностью, смыкающейся с откровенной депрессией где-то на недостижимом для прочих смертных философско-космическом уровне.

– Че-его?

: Все немного ошарашены ‘крэйзанутым чувством юмора’. Даже я.

– ПОЛЕЗАЙ СЕЙЧАС, ИЛИ НОЧЬЮ ПОД НЕЙ СПАТЬ БУДЕШЬ. А там уж народ не подхватит, в случае чего...

«Не думал, не гадал он... Никак не ожидал он... Такого вот конца...» – на мотив похоронного марша начинает напевать Склизский.

: музыкальный слух у Склизского Змея отсутствует по определению. Голос ближе к Тому Вэйтсу.

– Вообще-то она предупреждала, что со мной погибнет группа товарищей, – пытается отмазаться Юлик: пятась кормой в сторону выхода из грота.

: дежа вю Ларкина встаёт перед глазами...

— и тут я увидел, как у неё идут пласты.

Потому что камень видеть, чувствовать надо. Ведь те, кто долбил в монолите эти штреки, были не сильнее нас: они просто знали и видели, куда нужно бить. И это увидел я. И снёс её молотком и зубилом за каких-то полчаса, не больше, –

: такой небольшой эпизод из нашего подземного строительства. Из, наверное, сотни подобных.

* * *

– Или, например, следующий:

Осматривая окрестности Девятки на предмет “всяко-разно интересного” со Склизским Змеем и Крэйзи, находим очередной никитский артефакт – выделанную известняковую ступеньку. Весом около полуцентнера. С одной стороны – вес небольшой. На поверхности любой из нас, не сильно напрягаясь, может её поднять и пронести на любое требуемое расстояние. Но то — на поверхности. В условиях наших шкуродёров задача становится неразрешимой.

С другой стороны, всем троим приходит в голову неизбежная мысль: не фиг ей валяться меж завального непролаза, лучше отнесём в Девятку и используем в качестве кухонного стола. Уж больно хороша ‘вещь’. Да и археологическая ценность несомненна. < Аналогичными соображениями руководствуются новые русские миллионеры, разоряющие древнегреческое наследие Панतिकопея и Танаиса. >

До Девятки от этого места около 100 метров очень неровной пересечёнки. Чисто никитской – буреломы крепей, шкурники и так далее. Включая пару лифтов. Какому расстоянию на поверхности это может соответствовать в физическом смысле (то есть в смысле тяговых усилий), я и представить боюсь. Наверное, ближе к 10 км.

Или 100.

Но мы начинаем Движение. Где получается лишь тащить – тащим. Где можно катить – катим. То есть кантуем. Как у нас в стране обычно катят квадратное.

Метров через 50 все трое приходим в очевидное “состояние нестояния”. Не

то что нательное бельё – комбезы наши мокрые насквозь. И от пота, и от грязи, в которой приходится кувыркаться. Но бросить жалко.

Для отдыха Крэйзи прислоняется спиной к стоящей в этот момент вертикально ступени. И начинает копошиться в комбезе.

– Что там у тебя случилось?

– Да понимаете, коногоновский блок в штаны провалился... Сейчас я его...

: Крэйзи носит головку своей осветительной системы не на голове, а в рукаве комбеза. Потому что от фиксированного на лбу света устают глаза, и никитские ходовые препятствия часто лучше подсвечивать с боков, чем по центру. Если нужно освободить руку – просто выпускает из неё головку: никуда она из рукава не денется.

Блок питания – смотка шести батареек “373” типа “Орион” (современный класс “D”) обычно находится во внутреннем, специальном кармане комбеза; провод от неё проходит через рукав.

При кувыркании по шкурникам со ступенькой этот блок вывалился и теперь сексуально выпирает в штанине.

Какое-то время Крэйзи борется с ним, но никакими наружными пассами загнать блок обратно не получается. Даже через ширинку.

Мы со Склизским отпотеваем, отдыхаем и радуемся случившейся развлечке.

– Ладно! Коль ты, сволочь, не хочешь лезть вверх — я тебя снизу из штанины достану!

: Пока мы со Склизским ошарашено перевариваем это решение проблемы и вытекающие из него следствия, Крэйзи встряхивает ногой (грязь со штанины и сапога распределяется в пространстве ровно меж нашими спинами), – блок вылетает наружу.

А за ним провод. На очень коротенькое, по причине длины провода, расстояние.

Мы со Склизским хохочем.

Не сняв комбеза, головку не просунуть в рукав. По той же причине не запихать обратно выпавший блок. Длина провода не более полуметра, и он стягивает манжеты рукава и штанины.

Двигаться в таком положении Крэйзи не может, распрямиться тоже – только сидеть, сильно скрючившись.

— впрочем, в данном месте лишь в таком положении и можно находиться.

Рвать провод – полное безумие даже для Крэйзи. Разъёма нет, чтоб исключить “лишний глючащий фактор”.

Раздеваться не хочется – но куда денешься?

: некоторое время Крэйзи кривляется и извивается как может, — пока не становится ясно: комбеза тоже не снять.

По крайней мере, без нашей помощи.

Конечно, мы не можем бросить товарища в столь смехотворно-жалкой позиции. Потому как он и до Девятки в такой позиции доползти не сможет –

: По Никитам можно ползать, аки Мересьев, без ног; можно (с меньшим успехам) попробовать ползать без рук. Возможно, кому-то удастся освоить перемещение без одной ноги и руки – в диагональном или продольном варианте. Принципиальных препятствий я лично к тому не вижу.

Но что точно не проканает никогда – ползание в скрюченно-связанном положении. В таком положении на шкуродёры наши лучше не смотреть, не то что втискиваться внутрь.

Мы естественно приходим на помощь. Но в качестве платы за неё привязываем ступеньку к спине Крэйзи, – уж больно органично они смотрятся вместе, – и в таком виде доставляем до Девятки. Удерживая от опрокидывания с двух сторон.

: Не знаю, как ползал Мересьев и как ползают заблудившиеся под землёй персонажи наших анекдотов — но что до Крэйзи никто в мире не ползал с известняковой ступенью на спине, да ещё по столь пересечённой местности – это наверняка.

Причём трезвым.

* * *

Никому не хотелось ладить нары из старых влажных крепей. А потому несколько напряглись – и уподобившись прашурам, завалили в наиболее густой части леса десяток осин. Которые разделали на трёхметровые крепи. И доставили до грота.

: *В условиях никитских шкуродёров это была не заброска – мало поддающаяся литературному осмыслению СпелеоПесня...*

: Более чем психоделического жанра. И сексопатологического содержания —

«Втяни свой конец на полметра!..» – «Ваня! Ты там предохранился? Я тебе палку кидаю...» – «Ты куда свой конец задрал???» – «Этот недоспелеолог Крэйзи Бешенный засадил своим концом мне прямо в морду!» – «Жопу! Жопу береги!!!»

— И так далее. “Кинули тридцать четыре палки в Девятку”, –

* * *

Вообще оборудование гротов в Никитах стало самым настоящим Искусством. Если наша компания в Девятке за отсутствием потребного для удобной стоянки места “всего лишь” создала грот на месте полунепроходимого завала – Зелёный Змей в Трёх Охотниках на метр углубил пол, повёл целую борьбу с сочащимся капелью сводом; затащив с поверхности новые крепи, сделал из них не только нары и стол – настоящий “полнодеревянный стол” против традици-

онно-каменного (до Змея подобный мебельный арт даже не приходил нам в голову!), но и бревенчатые стены с открывающейся на кованных петлях дверью (позже этот подвиг повторил в гроте Геошизик Хмырь). Мы оснастили свои спальные и сидельные места пенорезиновыми подушками от троллейбусных сидений; Асисяй и Боба для уютного сна в оборудованном ими Чайнике (позже за ряд специфически-экстрасенсорных свойств переименованном в Жопу) применили специально сшитую палатку-модуль,– поставили подобную палатку и мы в Девятке... И, конечно, каждый считал своим долгом принести в любимый грот полный комплект мельхиорово-фаянсовой посуды. И всякого другого кухонного сервиса.

: Алюминиевые и пластмассовые кружки, ложки и миски просто не принято было выставлять на стол. Изящный медный подсвечник на “-цать” свечей стал непременным атрибутом каждого жилого грота. Причём обязательным полагалось не наличие в гроте подсвечника (тут можно провести аналогию с сердцем человека: мы не полагаем, что наличие бьющегося сердца у живого человека есть какое-то отличительное свойство его Личности), а то, что он обязательно должен быть не конвейерно-штампованной, массовой природы — а самого натурального, ручного (эксклюзивного, как сказали бы теперь) происхождения. Что же до всевозможных полочек – у каждой из которых было своё, строго специальное назначение,–

: например – под “камнедробильный инструмент”, под остающийся после выхода “продовольственный неликвид” (не путать с обязательным для каждого грота “продовольственным НЗ”!),– “электрополочка” с севшими, но теоретически ещё на что-то годными батарейками, соединительными проводами, изоляцией,– полочка под всякого рода “побочные” предметы, что могли украсить грот или сопутствующую часть Системы,– полочка под аптечку, полочки под личные вещи (у каждого обитателя грота своя, + некая заначечная щель, известная только владельцу),–

— в качестве аллитерации уместно привести историю, озаглавленную мной в повести “Где дольше Света длится Тьма” **“РЕЧИТАТИВ ОБ АБСОЛЮТНО-ГОЛОДНОМ ВЫХОДЕ”**,–

: после некоторого комментария, касающегося одного из принципов формирования наших тогдашних групп. Комментарий прост: подобно героям О. Генри, каждый из нас располагал неким важным доступом к “кусочку спелестологического довольства” — у одного мама работала в столовой или в продовольственно-торговом секторе, что было в коммунистически-дефицитные годы залогом сытного выезда; другой славился умением мастерски “делать свет”; кто-то располагал модулем для комфортного жилья, кто-то примусом,– присутствие гитариста в каждой “подгруппе” Никитского Круга считалось делом столь же обязательным, как и специалиста по творческому приготовлению пищи, алкогольных напитков, чая и прочего —

: комментарий окончен. Оглашаю ‘речитатив’, случившейся на ноябрьском выходе в гроте Девятка.

* * *

— ДЕНЬ ПЕРВЫЙ:

... забросились, разобрали трансы. Еду – сразу на специальную “продуктовую полочку” (еды, ещё казалось, было в достатке); всё остальное на другие, в соответствии с назначением. В том числе и майонезную баночку с эмульсией ПВА, что Паша Мрак, работавший в типографии, уволок с работы специально для моих литературно-бумажных нужд. И принёс под землю, потому как в городе мы пересечься никак не могли. Поскольку грот был фактически выбит, выгрызен и выпилен среди безумных каменных наворотов – всевозможных щелей, нычек, нор, тайников, потаённых уголков (личных и общих), включая разнообразные полочки, в нём было в достатке. И все принесённые вещи – не смотря на кажущуюся миниатюрность грота – как-то незаметно распределялись по этим щелям: будто их не было. Буквально для каждой сущей мелочи в Девятке полагалось своё специальное место. И все безоговорочно это знали.

– ОТКАТ: были в числе принесённой снеди купленные на рынке в складчину свежие помидорки, огурчики и перцы – для салата: всё ж праздник... Не совковый, конечно — наш, праздник аж четырёхдневного общения с Подземлёй. «Гноябрьские иды», – как величал их Зелёный Змей. Но вот на сметану к салату (или на майонез) денег не хватило физически, ибо стоила вышеперечисленная флора в те годы – в ноябре! – столько... Масло же по обыкновению забыли дома.

ТЕПЕРЬ СЮЖЕТ:

Уходим гулять – через всю Систему в ЖБК к Сумасшедшему Барабанщику на целый день: “гулять, так гулять”. В гроте оставляем слабоватую для подобных прогулок бароновскую чайницу Ленку. Возвращаемся часов через восемь – уставшие, голодные – а в гроте просто праздник какой-то: всё чисто-убрано, стол застелен красной скатертью (“флагом-самобранкой”, ритуально скоммунированным по дороге с какого-то дома), – и посреди стола, как венец всего, в любимой моей миске — роскошный натюрморт: наши дорогие рыночные фрукты-овощи под майонезом... То есть – под ПВА.

Учтите, что посудой своей я пользуюсь исключительно сам, и никому никогда не позволяю притрагиваться не то что к своей миске – к вилке и ложкам (большой и чайной) тоже. Такая привычка, почти староверская.

В силу чего лицо моё меняется в своём выражении очень быстро.

– Где ты взяла ЭТО? – вопрошаю, надвигаясь на почти обезумившую от страха девочку: вдруг всё-таки – сметана? В крайнем случае – майонез: может, с собой принесла. А при оглашении “общего списка” сюрпризности ради смолчала...

– А там на полке стояла, какой-то дурак её вместо продуктовой к ‘железу’ вашему поставил...

– **Так вот: запомни на всю оставшуюся жизнь, – рычу я, – Я — НЕ ДУРАК!!!** – и пытаюсь накормить её этим безумным ‘натюр-воистину-мортам’.

: если бы не Барон...

* * *

— ДЕНЬ ВТОРОЙ:

Моя жена Ольга, наводя порядок в гроте и систематизируя всё недоеденное по принципу внешнего сходства, досыпает в мешочек с сахаром рассыпавшиеся таблетки ‘сухого вонючего’ – гексогена. И готовит замечательную овсяную кашу (очень её люблю), которую сластит этой смесью.

< “Овсянка, сэр...” >

: Есть невозможно в принципе. Я, грудью вставая на защиту супруги, выдаю каждому по таблетке алахола и но-шпы и зачитываю лекцию о том, что сухой спирт, он же гексоген, суть тоже самое, что технический, не очень чистый уротропин,— то есть лекарство,— а значит, навредить никак не может. В качестве примера съедая целых две ложки авангардно-фармацевтического блюда. Но даже вечноголодный Обжора в состоянии съесть только одну. И то – сразу бежит “вертеть колесо”.

— Остальных просто тошнит на месте.

* * *

— ДЕНЬ ТРЕТИЙ, УТРО:

: Скидываемся и посылаем гонца с одиннадцатилитровой канистрой наверх – на ферму за молоком.

: ‘Портвейн-и-водка’ достали всех окончательно,— хочется чего-то натурального, парного... На что не жалко даже денег, отложенных на обратную дорогу. (Не на электричку, разумеется,— на метро и местный автобус... Впрочем, тут тоже “были возможны варианты”,— а потому лучше так: *самых последних денег. И точка.*)

В спешке гонец – то есть Крэйзи – забывает от канистры крышечку. Канистра нестандартная: в горло чуть-ли не голову засунуть можно... Скорее даже, не канистра, а фляга. Причём без ручек. Но Крэйзи доносит её от входа до грота по всем шкуродёрам и лифтам, не расплескав ни капли. И гордый собой, протягивает её нам в Девятку из входа в грот (метровой высоты уступ) со словами, которые я здесь привести не могу, потому что такое звуко сочетание за всю историю человечества можно было сказать лишь раз; повторить ЭТО просто-напросто невозможно — *ибо в момент протягивания нам фляги он поскользывается, и фляга...*

– И все мы в вожделенном продукте. Мокрые, голодные, злые,—

* * *

— ДЕНЬ ТРЕТИЙ, ВЕЧЕР:

: Идём “ва-банк” – то есть с великими осторожностями (в этом деле Крэйзи просто нет равных) отлавливаем в Никитском дикую курицу < «отошла от дома более, чем на 15 метров»,– и тут же перефраз летит в голову: “спелестолог, погрузившийся в пещеру на 15 метров, считается холостым” >,– ошпыливаем, обварив кипятком – и варим самый натуральный куриный суп. В решающий момент все уже сидят за столом у своих мисок – все, кроме Ромки-Президента из Жуковского...

В Девятке тесно, грот маленький, и примус стоит на плите-ступеньке у самого стола. Сбоку от этой ступени – очень глубокая щель в полу: дна не видно. (О бесчисленных щелях и полочках-нычках в Девятке уже писал.) Туда мы бросаем разный мелкий неорганический мусор по мере его образования – чтоб в гроте не пакостить; заодно и щель потихоньку засыпаем. И Ромка, протискиваясь на своё место, естественно задевает задом примус со стоящим на нём каном с бульоном.

: Бульон, грохоча цыплячьими костями по стенам трещины, издаёт характерные унитазные звуки – но дело не в этом:

: *НИКОГДА ЕЩЁ НИ ОДИН ПРЕЗИДЕНТ В МИРЕ НЕ БЫЛ ТАК БЛИЗОК К СМЕРТИ. ДАЖЕ КЕННЕДИ.*

* * *

— ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ, ПОСЛЕДНИЙ:

– Есть хочется просто страшно. Собираем всяческие останки и нифеля от предидущих дней — крупы, ‘верную мишель’, супы в пакетах и, по-моему, даже картофельную шелуху в окрестностях Колеса,– всё идёт в дело. Варим в огромном десятилитровом кане – чтоб хватило на всех – и по психоделической готовности подаём к столу. В этот момент в гроте появляется естественно-голодный Обжора, что до того безуспешно странствовал по Системе в поисках еды. Ему и подаём первому: надо же на ком-то испробовать, прежде чем есть самим?

: Ест и нахваливает. «А что это было?» – интересуется по облизыванию ложки.

– Забульбень №4,– лаконично объявляет Крэйзи: не сомневаюсь, свежерождённое название.

– Архипронзительной силы и вкуса жидкость,– соглашается Обжора,– но каковы ингредиенты?

– Овсяные хлопья были...

– Супец ‘уриный’ всему – в пакете надорванный... В штреке взяли.

– Банка кильки в тавоте...

– Суп “пикантный” – полпакета, без пакета...

- Кубик блюённый...
- Риса полкило...
- Полбанки ‘мерзкой клопусты’...
- Одна картофелина целая с ростками...

: Каждый вспоминает, что клал. Кажется, перечислено всё. И тут заикающийся Президент характерно-мрачно добавляет:

– Т-ТУДА Й-ЕЩЁ М-М-МАНКИ Х-Х-Х-Х-ХУЙНУЛИ...

* * *

Дабы завершить кулинарную тематику тех лет, упомяну о двух эпизодах, крышесдвигающе подействовавших на никитский спелеум. Оба произошли осенью 1982 года; эпизод первый в никитской истории фигурирует под кодовым названием “КАНИСТРА”, эпизод второй – “ПОРОСЯТА”.

* * *

– ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ:

... Теперь уж не восстановить имя “крёстного отца идеи”, с чьей подачи Никиты однажды поставили рекорд по употреблению напитков “крепостью свыше сорока”. Согласно легенде, Мамонт и Асияй поспорили, что, мол, «не слабо принести в Систему канистру чистого спирта». И естественно выпить.

Поскольку дело происходило осенью, в один из последних “верхних стояночных выходов”, этим “приносом” решили отметить завершение надземного сезона.

Где Мамонт надыбил столько спирта – загадка. Но надыбил. Причём отменного качества. Канистра у него была самодельная, ёмкостью в 23 литра. Из нержавеющей стали.

Никто не верил, что он действительно принесёт *столько алкоголя*, – а потому каждый взял спиртного, как обычно. То есть водки, портвейна и пива. Согласно вкусам и возможностям. Для себя и на всякий случай для друзей, – вдруг кто приедет “сухим”? А заявлен был Праздник.

— Но Мамонт ПРИНЁС. И так как обычного бухла без этой канистры было взято “более, чем достаточно” – случившийся передозняк запомнили многие. Особенно дорвавшиеся до ‘халявы, плиз’. Годы спустя многие никитяне делили случившиеся в нашем мире события на “до Канистры” и “после Канистры”. В “Белом Камне” я попытался описать этот день – точнее, то, что из него запомнил совместно с Юрой Кириным – устами персонажа Сталкера; здесь от подробного описания воздержусь. < Не по причине скромности, а потому, что цитат из моих спелеовещей и без того достаточно, – желающий может самостоятельно экстраполировать свой случившейся опыт алкогольного переупотребления – не забыв умножить его раза в три-четыре — и

получить нужное представление об этом замечательном дне. Точнее – “ночи с пятницы на понедельник”. >

— Закуска к столь обильному возлиянию, как и положено в нашей стране²⁴, поступила чуть позже. Совпав с началом “подземного стояночного сезона” в оборудованных для зимнего пребывания гротах. И о ней –

* * *

– ЭПИЗОД ВТОРОЙ:

10 ноября 1982 года умер Л. И. Брежнев. Символ эпохи – позже, когда у власть предержащих развязались языки, названной “эпохой застоя”. Карикатурное подобие вождя, одной неспособностью мыслить и внятно прочитывать написанную для него на бумаге речь породивший столько анекдотов и стебых перефразов, сколько никакой другой деятель за всю историю человечества. Склеротик и маразматик, – серая марионетка, волей дворцового переворота поставленная у власти удельными коммунистическими князьками – постепенно ставший вечно полуживым символом “страны и эпохи”, их зримым проявлением, отражением и сущностью. *Казалось* – нам, выросшим под ежедневное скандирование газет, ТВ и радио его высочайшего имени — *навечно*. И хоть каждый понимал: власть коммунистов “не на всегда”, – вольно путешествующим по стране было видно, как экономика государства, – а с нею наука, промышленное производство и сельское хозяйство зримо скользят в страшнейшую и мучительнейшую агонию, – как это было видно всем, кто мог сравнивать темпы мирового развития цивилизации и декларируемые властью “успехи” нашей страны, —

: всё же не верилось, что реально можно дожить до крушения этого навозно-глиняного колосса. Как и до смерти его политического символа.

Но он умер, – и пару дней от народа держали в тайне это велико-радостное событие. Обсуждая тонкости “престолонаследия”.

Со смертью его как бы подтвердилась *наша правота*, – что не следовали по жизни *жополизам-навозникам*, – *но гораздо больше философских и политических знамений нас потрясло вот что:*

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕННОЙ КОНЧИНЫ ВОЖДЯ В НИКИТСКОМ МАГАЗИНЕ В СВОБОДНОЙ ПРОДАЖЕ ПОЯВИЛИСЬ МОЛОЧНЫЕ ПОРОСЯТА ПО ЦЕНЕ 2 РУБЛЯ ЗА КИЛОГРАММ — ЧТО НЕ МОГЛО НЕ СДВИНУТЬ КРЫШУ.

Особенно у тех, кто не привык наблюдать на совковых прилавках деликатесное мясо. Тем более – по такой цене. (На рынках того времени оно стоило до 25 рублей за килограмм...)

: Дефицитная тушёнка, за которой ещё нужно было “изрядно побегать” по совковым магазинам, была забыта. Два

²⁴ “Баня – через дорогу раздевалка”: помните?

месяца подряд Система вкушала поросятину. Тушка весила от двух до пяти килограмм, и это обеспечивало не только “достойно-мясной” ингредиент никитского кулинарного счастья, но и вполне приличное питание в городе. В антрактах меж посещениями родной Системы.

Не знаю, какие интриги вызвали к жизни это съедобное изобилие,— дело не в них.

Поросятину жарили, варили, тушили, готовили обалденный в условиях подземли холодец,—

: Это была эпоха истинного спелеогурманизма. Довольно просвещённого, кстати — ибо, поездив-постранствовав по стране, мы достаточно разбирались как во всевозможных южных мясных ‘притравах и специях’, так и в способах приготовления мяса. Не снисшихся авторам “красных книг о трудной и красивой пище” —

* * *

: 8 МАРТА 1983 ГОДА. < “МЖД8М” — как обзывает этот день Хмырь. > На плите у Журнала в привходовом гроте — букетик тюльпанов:

: Красиво и беззвучно.

Мы напрягаем все свои финансовые и прочие силы и решаем устроить нашим дамам Настоящий Праздник Под Землёй. Признанный Гранд-Малер Системы Юра Кирин рисует на стене Девятки картину: куст сирени в цвету. Специально приезжая на день раньше. На другой стене наша очередная газетамаразматка; тематика очевидна. На столе на чистой белой скатерти — фарфор, бокалы цветного стекла. Мельхиоровые ложки и вилки, маленькие серебряные стопочки; в центре — изящный медный подсвечник на семь свечей от ‘бессознательного иудея’ Рашпиля. Вокруг —

: Бутылка шампанского. Бутылка “котнари”. Бутылка “Алазанской долины” и бутылка “токая”. И, естественно, водки: “лимонная”, “зубровка” и “столичная” от СПИ — «не СПИ, а то замёрзнешь»,— ‘переводит’ этикетку Кирин.

— А также: сыр трёх доступных сортов, салаты под маслом и майонезом (история с ПВА ещё впереди), маринованная сельдь, огурчики, шпроты, сайра, батон финского ‘стервиблата’, блины, кабачковая икра в красной и чёрной пиалках, эмалированное корытце с заливной рыбой, пяток апельсинов — и даже торт ‘птичьи молоки’: совсем уж безумный дефицит того безумного времени, когда ВСЁ было сплошным дефицитом.

: За этим тортом я стоял в очереди у фабрики-пекарни на Херсонской с пяти часов утра,— получил же на руки около трёх дня... “Примерно так же” было и с прочими продуктами — это, чтоб отместить подозрения в каком-то особом благе,— равно как нынешние разговоры о том, что “раньше было всё — и всё было доступно...”

: ШИШ. *Не было ничего — и стоило это незримое “ничто” относительно наших тогдашних зарплат столько, что об этом лучше не вспоминать.*

... В двух сковородках на примусах марки “Шмель-1” томятся под гнётом местного белого камня и столь любимого всеми нами острого корейского соуса ‘сопьята табака’. Тоже дефицит дефицитов – не менее, чем водка от СПИ с сопровождающими её винами. И колбасно-сырной закусью.

А на моём двуглавом “Шмеле-3”, для удержания на нужной высоте и удобства равномерного переворачивания с двух сторон проткнутый шампурами ЖАРИТСЯ ПОСЛЕДНИЙ НИКИТСКО-БРЕЖНЕВСКИЙ ПОРОСЁНОК. Весом около пяти килограммов. Заботливо сохранённый Крэйзи в объёмистом домашнем холодильнике.

Поросёнок, под голодные взгляды всего грота, равномерно поворачивается над огнём, сдабривается абхазской аджикой – и прочими дефицитными для Москвы тех лет пряностями. Включая запиханные в него дольки чеснока, ягоды можжевельника (рецептура похищена у Рекса Стаута) и капли “копильной жидкости”, введённые посмертно-внутримышечно с помощью медицинского шприца. Для придания блюду “копильного вкуса”. *Дух от Девятки по Системе идёт просто заворачивающийся —*

Но самое главное – между мной и Рашпилем на почётном месте присутствует Наш Супер Дорогой и Желанный Гость Саша Цыпин, президент ташкентского клуба самодеятельной песни “Апрель”. Рашпиль специально в его честь – и в честь присутствующих дам – исполняет Песнь Дня: “Есть мнение такое...”

— В разгар исполнения Цыпин, обводя довольно безумными глазами стол и каменные навороты вокруг, наклоняется ко мне и доверительно шепчет:

– Теперь я, кажется, понимаю, что такое спелестология: *это возможность хоть раз в жизни по-человечески посидеть за Настоящим Столом...*

– Легенды об этом нашем застолье он потом рассказывал по всему Ташкенту:

– *Знаете, что делают сумасшедшие москвичи? Они набирают < далее следовал невероятно приукрашенный список всего перечисленного мной > – и со всем ЭТИМ забираются в какие-то грязные и тёмные норы, чтобы там без помех всё это сожрать!..*

* * *

Поскольку описывать чувственные удовольствия дело заведомо безнадежное, скажу одно: поросёночное изобилие на пару месяцев превратило даже самых копающих и странствующих никитян в адептов гротового застолья. Сопровождающегося, естественно, гитарными переборами, заслушиванием магнитофонных записей – и употреблением естественно подаваемых к мясу

напитков. Под столь неожиданно-дивные разговоры...

В качестве примера приведу фрагмент одного такого застолья — точнее, его окончание.

* * *

: Никиты, грот Девятка. Сидим после сытного и достаточно кайфного Поросьячьего Ужина – и треплемся.

: Только что был “заслушан без прений” из соответствующей акустической аппаратуры “Натянутый канат” В.С.В.,—

– Соответственно, брать в руки гитару никому не приходит в голову. Равно как ‘напрячься’ – и, презрев неизбежное “повторное чаепитие”, отправиться “на проходку”. То есть гуляние по Системе.

: Шкурники и свежепоглощённая пища – понятия несовместимые. А потому сидим в гроте и поддерживаем беседу.

: *Чем вообще отличается спелестология от прочих видов туризма — это обилием свободного времени. В самом деле: на поиск дров и “забивание крючьев головой в стену” время тратить не надо,— так же как на борьбу с непогодой, суевой разбивки лагеря – коль имеется заранее оборудованный грот,—*

: сидим себе, травим байки... Может, этим мы были особенно подозрительны в “те проклятые годы” власть предержащим?..

: Наверное. Свободным временем своим – и что тратили его на всякие интеллектуальные “вывихи”. Как, например, сейчас:

Разговор заходит о возможной экранизации одной из самых любимых в нашем Кругу книг – “Трудно быть Богом”. < До замечательно ублюдочной советско-немецкой киноверсии этого романа остаётся несколько лет. >

– Ну хорошо. Представь, тебе дарована *такая возможность*: снять этот фильм, как хочется.

– Ни в чём себе не отказывая?

– АБСОЛЮТНО. Всё равно ж – *на самом деле* – поставить так не дадут.

– Тогда...

: Следуют некие указания ‘общережисюрного плана’. Кстати – от себя, *из сейчас* имею заметить: что до Звука — без сомнения, музыкальное оформление мог бы потянуть лишь один человек. Конкретно – Вангелис; в идеальном случае подошла бы некая версия/смесь из его альбомов “1492” и “Эль Греко” (Если б можно было как-то вычеркнуть из истории *жуткую кинолажу* “Завоевание Рая”, что лишь на упомянутой музыке, да Депардьё и “выехала”, – правда, так и непонятно, куда.) “На крайняк” мог бы поучаствовать ‘Ж-М-Ж’ своей “Хронологией”. *Фоном же всей звуковой дорожки на грани слышимости — Диаманда Галас:*

– **Есть иные варианты???**

- Ну, а актёры? / Возвращаюсь в “послезастольную Девятку”. /
- Если “ни в чём не отказывая”...
- Ага. *Бери любых и из любого времени.* Не взирая на язык.
- “Кутить, так кутить”... Эх,—

: “Не взирая на язык” оказывается лишним. Потому как уже через пять минут выясняется: обойдёмся без “гнилого Голливуда”. И французского эстетизма с итальянским сексуально-политическим вывихом — ибо:

Король – без сомненья, *Леонов.*

Отец Кабани – *Калягин.*

Донна Окана – естественно, *Гурченко. Или Захарова.*

Дон Рэба – только *Гафт.*

Вага Колесо – *Быков.*

Арата Красивый – единогласно: **ВЫСОЦКИЙ.**

Отец Гаук – *Гринько.*

Дон Кондор – *Басов.*

< ‘Дон-Кондор-Басов...’ >

Дон Гуг – *Кайдановский.*

Мальчик Уно – тот, кто играл *Даньку* в “неуловимых” и *Иночкина* в “Добро пожаловать, или...” (почему-то никто не может вспомнить его имя).

“Благородные безденежные доны” – *Моргунов, Никулин, Вицин и Крамаров.* [«Крамаров – обязательно!!!» – скандирует “группа присутствующих”. Очевидно, реализуя подсознательное соотношение “Савелия в джинсах” с любимой гайдаевской *Троицей.*]

Дон Тамэо – конечно же, *Евстигнеев.*

Дон Сэра – *Бурков / “Не вижу, почему...” /.*

Дон Пифа – *Смирнов:* как единогласно постановляют присутствующие в гроте, “роль не вполне эпизодическая...” А потому кроме него просто некому справиться.

Будах – конечно же, *Плятт.*

Брат Аба – *Визбор.* (Конечно, очень трудное воплощение — но все понимают: или это *Фильм*, или — ... . Ведь *Истинную Трагедию* только так и можно сыграть – не на пределе, но чуть-чуть за ним. Потому проходных ролей в этом фильме просто не может быть.)

А значит – **дон Рипат**, осведомитель *Руматы* – **МИРОНОВ.**

И тут мы подходим к трём ролям, которые в предидущем обсуждении просто боялись трогать...

: **Дон Румата** – кто?

: Следует “бурное, продолжительное обсуждение” – в ходе которого несколько раз половина присутствующих проводит кандидатуру *Юрского*, но вторая половина заваливает её, апеллируя к *Хмельницкому* – пока кто-то ‘из принципа’ не предлагает *Герда*, – и тут одна из наших девочек тихо подсказывает [очевидно, устав от нашего зримого на сытый желудок кретинизма] — **только Даль.** И все соглашаются — не без

некоего обалдения.

Даже взаимообижённые поклонники Хмельницкого и Юрского – которым в качестве утешения рекомендуем вписать в сценарий пару соответствующих ролей или приступить к постановке сериала «Страна Багровых Туч». Причём Юрский будет играть персонажа, носящего почти аналогичную фамилию. Часть присутствующих интелов тут же удаляется в обсуждение очевидного для прочих вопроса: не был-ли Юрский прототипом Юрковского?.. «Да ёб вашу мать!» – хором реагируют банальностью на банальность Зелёный Змей и Мамонт — и трёп возвращается к последним, не охваченным актёрскими образами, персонажам:

: **Барон Пампа** – не столько спорим, сколь теряемся в недоумении, но Лещина неожиданно восклицает: – **ПАПАНОВ!** — и все соглашаются.

: очевидно, устав от споров.

– А вот на роль **Киры** так никого и не на-

ходим.

< Может, героиня “Романса о влюблённых”?..

: за отсутствием гербовой... >

..: В таких “интеллектуальных игрищах” мы проводили своё Подземное Время.

А так же – в концертах приглашаемых на очередной “подземный университет” поэтов, бардов и рок-музыкантов. Для которых в нашей маленькой рукотворно-уютной Девятке всегда находилось свободное гостевое место.

Как и в не столь просторных окоёмах грота – место для их поклонников-слушателей.

Но не стоит думать, что наше общение с Подземлёй сводилось лишь к интеллектуально-эстетствующим посиделкам –

: Каждому был свой досуг, свой подземный прикол и отдых. В соответствии с завещанным нам принципом SCO.

Кому нравилось *просто пребывать* в оборудованном с любовью подземном гроте – пребывал и не испытывал укоризны тех, кто за счастье полагал многочасовое гуляние по Системе.

Или раскопочные работы.

Кто восторгался поистине бездонными анналами самодеятельной песни – делал это в кругу сторонников; кто ловил неземной кайф от Звука Под Землёй – занимался конструированием электронно-усилительной аппаратуры и подземных влагозащищённых колонок.

Кому “медведь на ухо наступил” – находили свои подземные приколы и радости.

На этом принципе был основан Никитский Подземный Университет – СПУСК, о котором я рассказывал в “Человеческом Факторе”. Темы его каждые выходные сменяли друг друга по “принципу непохожести”: один субботний вечер мог быть посвящён спелеонавтике, другой тайнам древних цивилизаций, третий современному арт-року или авторской песне; четвёртый – конструиро-

ванию самодельных налобников или шитью удобных транспортных мешков²⁵, пятый диссидентскому движению, шестой технике проведения поисково-спасательных работ и оказанию медицинской помощи пострадавшему — причём занятия эти подкреплялись реальными тренировками как по преследованию-поиску “додиков-шатунов”, так и розыску “обездвиженных клиентов” — смело могу сказать: *проведение этих “спасательских университетов” не только предотвратило много возможных подземных “ЧП” в Никитской Системе, топлогическая сложность которой и обвалоопасность на порядок превосходили аналогичные показатели для любой иной помосковной пещеры-каменоломни — но и позволило разрулить случившиеся без привлечения “сторонних спасательских сил” или победы Костлявой.*

Иные “университеты” посвящались подземным концертам приглашаемых поэтов, бардов или рок-команд...

: Кому были интересны эти темы, приходил в нашу Девятку. Кому было интересно иное — занимался своими подземными делами.

Но все мы с радостью общались друг с другом, каким бы предпочтениям ни следовали.

Ибо объединяло гораздо большее.

* * *

— Здесь надо сказать о тех, без кого этот интеллектуальный девяточный уют был просто немислим,— да что “уют”! — самой Девятки, как грота, просто-напросто НЕ БЫЛО:

: ***Crazy-I***,— как он писался в Журнале,— или Ванька-Крэйзи, Крэйзи Бешеный, как иной раз звучало в гроте (для родных и близких — Иван Галкин) — подаривший, сам того не желая, немало дивных приколов моему персонажу Сталкеру,— впрочем, и под собственным именем фигурирующий в ряде эпизодов. Пришёл в Никиты осенью 1982 года. Мама его работала в известной “Кулинарии на Кутузовском”— что позволяло Крэйзи при каждой заброске вынимать из своего транса жестом фокусника то баночку моравских шпикачек, то вкусное лечо, то иной “демократический деликатес”. Но если кто вообразит, что “только за то и держали” — жестоко просчитается: *с Иваном меня до сих*

²⁵ В официальной совковой продаже тогда ни надёжных фонарей, ни аккумуляторов (хоть каких!), ни тем более налобных систем было не найти — умельцы-конструкторы и специалисты по доставанию радиодеталей, аккумуляторов и тканей для пошива трансов и анораксов, палаток, а также появившихся “пенки” делились со страждущими своим драгоценным опытом и знаниями — в результате чего буквально за пару месяцев все Никиты перешли на удобный и надёжный налобный свет и оснастились как необходимыми для подземной транспортировки вещей не застревающими и не рвущимися в шкурниках трансами с тягловыми лямками, так не менее важными для подземного комфорта бытия пенополиуретановыми ковриками.

пор связывают очень тёплые отношения,— достаточно сказать, что строки эти я набираю на компьютере, по специальному моему заказу собранному им и его женой Инной. В них – моя благодарность за удивительно замечательные и тёплые годы, проведённые “под одним девяточным сводом”.

: **Склизкий Змей** – Сергей Полковников,— обладатель неотразимой четырнадцатисантиметровой улыбки, неисчерпаемого добродушия и угрожающе-хрипловатого баса; в те годы – просто фантастический матерщинник < сейчас к губермановско-алешковским оборотам родной речи относится более, чем сдержано >,— мастер восточных единоборств и вообще человек просто невиданной крутости (при том, что по росту своему превосходит меня лишь на полтора жалких сантиметра),— первооткрыватель никитской системы УХА — она же Синеглазка. В Никитах с 1981 года. Чуть не убил меня при строительстве/оборудовании Девятки: укайдоханная его титаническими ударами десятикилограммовая кувалда, отделившись от сварной металлической ручки, просвистела в двух миллиметрах от моего уха... Что, конечно, ни капельки не отразилась на наших отношениях. Достаточно тёплых и по сию пору — на счету у нас несколько совместных никитских пребывания, попытки сведения европейской версии кетча и восточного ай-ки-до²⁶, долгие споры о разделяемом Сергеем даосизме и более близкой мне католической ветви христианства,— совместные вскрытия и прохождения завалов, километры пещерных ходов, отснятых в Никитах и Старице,— по одному из своих образований Змей – топограф... Конечно, многие черты моего любимого персонажа Пита принадлежат ему.

: **Васька-Вероника** – давшая название Девятке и обеспечившая своими усилиями Хозяйки грота прославивший его уют. В Никиты пришла в 1982 году. До сих пор ревниво относится ко всем моим знакомым женского пола; если девочка походит на неё — оглашает: «да, Командор, вкус у тебя с годами не ухудшается...» Начало нашей дружбы было положено в День Канистры. (И отчасти презентовано Сталкеру.)

: **Надя-Крэйзи**, или – до близкого знакомства с Ваней-Крэйзи – Ставрида, Надежда Ставровская – ванина спутница жизни в те годы. В Никитах с 1981 года.

: **Ольга-Ванна (Ольга Ивановна)** – моя первая жена, уведённая из зеленоградской компании Минотавра и сменившая Веронику (когда она вышла замуж за Великого Никитского Удава) на посту Хозяйки грота. Первый визит в Никиты – осень 1982 года.

— Это было “административно-силовое ядро грота”. Интеллектуальная же его часть включала очень плотно примыкающих к нам наших друзей:

Sap, или **Sapiens** – Серёжа Школьников,— замечательный звукооператор и

²⁶ В современных кинобоевиках возможность такого сведения с успехом демонстрирует Стивен Сигал. Кстати, второй раз Склизкий чуть не убил меня во время этих самых попыток на нашем Пребывании в Никитах в 1995 году – стремительное горизонтальное движение моего тела, запущенного Змеем из шикаки, остановила некстати подвернувшаяся стена грота.

электронщик, с которым я познакомился во время записи одного из концертов в ДК “Наука” в 1983 году, – много лет мы не только единой связкой озвучивали и записывали каэспэшные концерты и слёты, но и проводили совместные выходные в Никитах, Сьянах и старицких пещерах. Часть его подземных электронных разработок я подарил в своей прозе Егорову, – именно ему, а не фирме “Петцль” принадлежит изобретение налобника с лёгким блоком питания, носимым на голове на затылке, – а также самая сложная из когда-либо виденных мной под землёй осветительных конструкций: система с автоматически регулирующейся яркостью света, подключаемая без смены лампочки к любому возможному количеству батареек или аккумуляторных банок. Вместе с Сергеем мы создавали “Радио АЛА”; с ним (а также с Длинным Киной и Гарри) делали озвучку многих никитских, сьяновских и старицких праздников; вскрывали и топосъёмки старицкие Системы Калинка, Рябинка и Лисья. В те годы Сергей учился на физфаке МГУ, – его физфаковская компания замечательно “интеллектуально дополняла” более ‘подземлённо ориентированную’ часть Никитского Круга. По окончании Универа Сергей работал в компьютерной лаборатории Института Физики Земли им. О. Ю. Шмидта; он – один из соавторов замечательной сейсмо-компьютерной системы, позволяющей не только получать без долгой и кропотливой топосъёмки *объёмную карту любого лабиринта – но и установить местонахождение в нём людей*. Как и определить плотность и структуру любого завала, возможное продолжение за ним полости...

О том, что могла бы значить для исследования пещер (и поиска потерявшихся в них) такая система – коль была бы не изобретена под перестройку “на одной шестой части суши”, может без труда догадаться каждый спелестолог. Но – парадокс развитого социализма! – нашей горной промышленности она оказалась как бы без надобности.

Гарри – Игорь Брычкин – пришедший в Никиты, как и Сап, в начале восьмидесятых, всегда был в Девятке желанным гостем. Профессиональный электронщик, великолепно разбирающийся не только в каэспэшной и западной рок-музыке, но и в соответствующей звуковой аппаратуре. (Как и Сап, послужил прообразом моего персонажа Егорова.) Естественно, принимал участие в конструировании всевозможной подземной электроники. А также – в силу владения гитарой на весьма приличном уровне – в “девятичных песенных застольях”. *Абсолютно упёртый Козерог по зодиакальному знаку* (против моего сомневающе-колеблющегося знака Весов), Гарри во всём остальном просто удивительно походил на меня – включая внешность. Что позволяло нам весьма замечательным образом разыгрывать никитских чайников < «Братя, что-ль?» – «Однофамильцы!» >. От упёртости Гарри – ряд свойств моих персонажей: как Егорова, так и Пищера.

До сих пор вместе посещаем Никиты и старицкие пещеры; ему обязан цифро-звуковыми возможностями своего компьютера.

Барон – Бароненко Сергей – профессиональный электронщик, как Сап и Гарри (в 1986 году окончил МИРЭА по специальности засекреченные каналы связи). В Никитах с 1983 года. Соответственно, также послужил прототипом

для написания мной образа Егорова,— из реальных биографических эпизодов трёх этих моих друзей соткана его поведенная биография. Естественно, я не собираюсь “расшифровывать”, кому именно принадлежит та или иная история, “приписанная” мной виртуально-литературной личности. Отмечу только, что все перипетии биографии Сашки – истинны, ибо случились в реальной жизни с моими друзьями.

Лещина – Сергей Вальков. Мой соавтор и друг. О его приходе в Никиты уже сказано. Как и о том, что для меня значила его потеря. *Серёжины строфы и песни подарили мне под землёй самые тёплые и прекрасные минуты,— впрочем, не мне одному.* И не только под землёй.

Ромка-Президент – Рахмакулов Роман — пришёл в Никиты вместе с Пюлей в 1984 году. Человек, отличавшийся сильной пожизненной невезучестью, божественным даром джаз-рокового музыканта и примечательным оптимизмом. Окрашенным в силу природного заикания в несколько мрачноватый оттенок – любая, даже самая жизнеутверждающая фраза в его исполнении звучала слегка издевательски. К сожалению, не так давно Ромка увлёкся исламом,— на сём его интерес к джаз-року и миру Подземли кончился.

: Конечно, желанными гостями в Девятке были любые никитяне,— тем более, коль они владели гитарой иль Поэтическим Словом,— и уж подавно все мои друзья по “Уэму”.

Но тут нужно сделать небольшое разъяснение:

* * *

“УМ”, как отдельная команда, к тому времени растворился в окружающем Никитском Круге — Зелёный Змей со Светиком и своими друзьями построились в Бородинских Полях; Рашпиль и Бест не стали изменять центральной системе Никит – Сетке – и продолжали при посещениях Никит останавливаться в Соседе; Хмырь и Борода останавливались то у нас, то у Змея иль Юлика.

Деление на стояночные гrotы никакого реального разделения не отражало – оно было сродни разным комнатам в очень большой и густонаселённой квартире. И во многом определялось нашим складывающимся семейным бытом:

Первая “никитская свадьба” состоялась ещё зимой 1981 года – Золушка женился на Светке-Чебурашке; за ним, к полному удивлению всей Системы, в ноябре 1982 года окольцевался Мамонт,— чей образ и близко не ассоциировался с понятием о семейном уюте,— в январе 1983 года поженились Змей со Светиком, в феврале Хмырь с однокурсницей Юлей²⁷, в марте Юлик и Бес(Т), в апреле я женился на Ольге из зеленоградской компании Минотавра,— чуть позже Борода расписался с Олей Шашкиной, что влилась в нашу компанию ещё в 1980 году. И так же с интервалом в один месяц (известное время спустя) все,

²⁷ «Досиделись, блинн, за одной партией»,— прокомментировал это событие сам Хмырь.

кроме Змея и Светика, обзавелись детьми²⁸.

Никакого специального уговора, как и подражания, в этом не было – каждый, узнав о дате свадьбы приятелей (как и позже о рождении наследников), лишь удивлёно поднимал брови.

: *Перст Системы.*

И доказательство эзотерической неделимости Группы.

Ведь мы до сих пор вместе – кто остался в живых. И пусть, кроме меня, Бороды и Хмыря никто из “Уэма” боле не ходит под землю, – а из почти ста человек Никитского Круга начала восьмидесятых в Никитах и наших старинных выездах ныне можно встретить лишь Гарри, Сусанина, Ильича, Длинного Киру, Натку, Алину, Прохора, Ваню-Крэйзи, Сашу Никольского, Люську-Швейную-Машинку, Колбасу, Склизского Змея, Пашу-Прохвессора, Колю Минотавра, Диму Зэка, Папашу, КНЭД, Золушку, ЮДА, Сапиенса и Юру Кирина, а ещё Золотого и Асисяя – и “примерно столько же” наших друзей, пришедших в Никиты в середине восьмидесятых годов, – все мы, “никитяне восьмидесятых”, продолжаем встречаться в городе. И на слётах памяти Виктора Шагала.

И какие бы немислимые коленцы ни выкидывала иной раз наша судьба – и Серёжа Лещина до своей смерти, и Юлик Рашковский до своего отъезда из страны (случившегося не столь давно) регулярно приходили/возвращались в Никиты, радуя нас своими гитарными строфами. И до своей трагической гибели Ваня Мамонт навещал любимую Систему. Если же перечислить тех, кто влился в Никитский Круг в конце восьмидесятых годов – и продолжает своё славное подземное хождение — список вырастет раза в три. «Это не так уж мало!» – особенно, учитывая наш возраст. И весьма поглощающие городские дела и заботы. *В каких иных каменоломнях из ходящих в восьмидесятые осталось больше?..*

А вот мы – оставались и остаёмся.

К вящей славе того нашего времени – и любимой Системы, сложившей всех нас в неразрываемый Никитский Круг.

* * *

: Девятка, один из зимних воскресных выходов. Сапиенс привёл свою университетскую команду – а потому после естественного гуляния по Системе и обильно-плотного Ужина наступает традиционная самодеятельно-авторская часть Общения. С периодически готовящемся на примусе чаем, вкусным домашним вином изготовления Сапиенса и соответствующими ему закусочными шоколадками. Под девизом “сверим наши песни”. У пришедших ни одного гитариста, но большое желание петь и слушать; с нашей стороны из исполните-

²⁸ По большому счёту, Змей и Светик не нарушили этой закономерности – так как “в положенный срок” обзавелись *сразу взрослыми детьми: Колюней и Серёнькой*. О которых рассказано в “Человеческом Факторе”.

лей, владеющих инструментом, лишь Рашпиль, да я. Отпев традиционную спелеопесенную программу собственного сочинения, Юлик жалуется на “усталость и вообще” и удаляется в Сосед. К месту своего обитания. Часть гостей уходит с ним, часть остаётся. Потому как после Юлика гитару беру я и естественным образом продолжаю заявленную подземную тематику. После Юлика петь (как и играть на гитаре) сложновато – но, надеюсь, содержание исполняемых песен компенсирует дефекты моего слуха, дикции и анкелозно-неподвижные пальцы.

Через какое-то время хозяева Девятки (кроме меня) занимают спальные места в установленной в гроте палатке, предпочитая удобное горизонтальное положение сидячему.

Часть гостей также устраивается спать – Девятка грот достаточно миниатюрный, но при желании разместиться в нём могло человек десять. При очень, конечно, большом и сильном желании. Ибо создавали мы его вовсе не в расчёте на обильно-гостевые толпы. Одна чайница (не столь непривлекательной внешности) перед тем, как отойти ко сну, задаёт мне вопрос:

– Слушай, а ты кроме подземных песен ещё чего-нибудь знаешь?

: Из палатки слышится фыркание Крэйзи и Склизкого.

Ибо это “что-нибудь” можно оценить часах в десяти непрерывного исполнения.

Ограничиваюсь списком авторов. На фамилии “Лорес” девица делает стойку, замирает – и томно повелевает:

– ПОЙ.

– Что именно? У него масса прекрасных песен...

– ПОЙ ВСЕ!!!

Идея сумасшедшего культурно-психологического эксперимента тут же осеняет меня – говорю:

– Тогда я буду петь по циклам. Скажешь, когда остановиться.

– Не дождёшься.

– Спорим, дождусь.

– Лорес – мой любимый автор. Я его песни сутки готова слушать.

: Палатка стонет от ужаса явной угрозы лишения сна.

Змей цинично предлагает нам спорить “на спальник” – то есть на сожительство в оном. Девушка вздрагивает, но не реагирует на ничем не скрываемые намёки. Вид у неё, конечно, “более, чем цивилизно-приличный”, – но что из этого следует? Как показывает жизненный опыт, из этого в принципе не следует ничего.

А потому начинаю петь. Тем более, что Лорес – автор в высшей степени лирический. И действует на молоденьких симпатичных девушек весьма размягчающим образом. Соответственно, программу начинаю с более серьёзных его вещей – исторического, религиозного и философского циклов – оставив “про любовь” на естественно подразумевающийся финал.

В каждом цикле у Юры 10 ÷ 12 вещей, – как правило стих чередуется песней, что удобно для исполнения.

И восприятия ‘примерно на столько же’.

: Пою первый цикл песен – о детстве. По завершении интересуюсь: не замёрзла, не надоело?

– Продолжай.

: продолжаю, ожидая услышать из палатки кодовое «Да дайте же человеку поспать!»

– Не слышу. Наивно полагаю, что-таки заснули...

Пою исторический цикл. Полный вариант – даже с теми вещами, от концертного исполнения которых Юра по ряду причин отказался. Девушки они явно незнакомы — естественно, сердце её при знакомстве с новыми (для неё) песнями Лореса начинает биться на всю Девятку...

По завершении исторического цикла традиционно интересуюсь о холоде и усталости.

– Продолжай.

Пою религиозный. Затем наиболее сложный как для исполнения, так и для восприятия философский.

– Продолжай.

Продолжаю более коротким о “чёрных” и “белых” сенсах. Глаза у девушки разгораются, её зримо начинает трясти...

Как полагаю я – от холода. Ибо кроме нас двоих в гроте бодрствующих не видно, – примус поставить некому. А пою я уже третий (примерно) час.

Объявляю трёхминутный антракт, во время которого навещаю туалет и раскопчегариваю примус. Ставлю чай. Пока вода закипает, исполняю пяток очень ранних вещей Юры – которых девушка, конечно не знает. Что приводит её в ещё более экзотичный трепет. Где-то на грань меж понятий “вибрация”, “биения” и “колотун”.

: По-моему, её уже можно пользоваться для вскрытия монолита вместо отбойного молотка – причём без компрессора.

Пою девушку горячим чаем с элеутерококком. Конечно, Главный Заварщик Чая в гроте Склизский Змей; приготовление Чая в его исполнении – СВЯЩЕНОДЕЙСТВО. Но поскольку, как мне кажется, он спит – приходится занять его должность. Временно.

И возвращаюсь к песням. Спев первый из “девоубойных лиризмов”, вижу, что девушка не прекращает вибраций. Что ж – коль горячий чай с ‘коком’ не действуют, есть другой способ.

: В Никитах широко известный — ноги укутываются штормовкой, на пол меж них ставится примус, включённый на самый малый огонь. Через пару минут на человеке можно сушить даже очень мокрое бельё – и холоднее ему не станет.

Поскольку способ более, чем известный, без лишних слов и объяснений дотягиваюсь до свободной штормы и машинально изрекаю:

– Солнышко, раздвинь ножки — я тебе туда примус впендюрю...

: После только что звучащей “Осени” Лореса. Очень тонкой, судя по дрожи, эстетке, –

— ПАЛАТКА ВЗРЫВАЕТСЯ ОТ ИЗУВЕРСКОГО ХО-
ХОТА.

Ибо эти гады, конечно, не спали – заключив пари, на какой песне я ей “впендюрю”. Спорили в двух номинациях: конкретная песня и её порядковый номер. Но что в качестве “агента впендюривания” будет выступать примус...

: Вопрос о количестве солнечных ножек и их конкретном местонахождении преследовал меня, как спелеоастронома, каждый следующий выход в Никиты до конца года.

И до сих пор что Крэйзи, что Склизкий просто обожают рассказывать эту историю. Особенно в моём присутствии.

Вдвойне особенно – девушкам.

В контрапункте с ней поведаю эпизод, характеризующий самого Склизского. Один эпизод из, наверное, тысячи, о которых хотел бы поведать —

* * *

На одном из наших с Сергеем пребывания зашёл разговор об августе 1991 года. Я, стоявший тогда в первой линии обороны, у входа в VI подъезд, высказал недоумение по поводу некоего весьма важного момента. Дело в том, что когда подошли танки, я ясно увидел, как запаниковала толпа и чуть не бросилась врассыпную — но что-то в самый последний момент остановило её.

– До сих пор не понимаю, что это было? Какая сила вдруг вернула перекопившую толпу в строй???

– Так вот эта сила, – хмыкнул Змей, внимательным образом изучая закипающую в чайнике воду, – в моём, так сказать, непосредственном облике. Перед тобой. Да.

Я потребовал разъяснений.

Склизкий выдержал красивую паузу – ибо было Время Заварки Чая, а в это время он может заниматься лишь одним делом. Безусловно, важнейшим – против прочих.

Но когда дымящийся ароматом трав чай был налит по кружкам и Сергей пригубил его, пробуя вкус – и нашёл, что вкус хорош – возобновил прерванную фразу:

– Понимаешь, дождик моросит сверху и прочее гавно — стоят вокруг и мандражируют все... То-ли от холода, то-ли от страха. Один интеллигентик в шеренге со мной оказался: маленький, щупленький, росточком чуть выше твоего – в плащике и шляпе... Канонический образ, одним словом. Тихий, вежливый. И левая рука – парализована, скрючена. Однако же пришёл – встал своей щуплой грудью на защиту демократии от краснопёрых... И так мне его жалко стало – не описать, да. «Что бы такого сделать для поднятия духу?» – думаю. А в шмотничке у меня за спиной – аварийный комплект для срочного срыва куда угодно: тентик от дождя, примусок запрограммированный, чайная заварочка, сахарок, консерва... В общем, всё, что нужно. Ну, мы с другом Мамонтом

тентик мой прямо над асфальтом расчалили, примусок запустили – чайку горячего сварганить. Рашпиль бандуру свою расчехлил, Длинный Кира запалил плексину — пусть все видят наши счастливые хари — и грянули по никитскому репертуару: от “броня крепка” до “интеллигент – дворянин духа”... И прочие ‘какая сука возбудила Герцена’. Народ потеплел, начал как-то стягиваться, образовываться вокруг... А в самый решающий ‘момент’, понимаешь, та самая сука, что козлодоеву Герцену спать не давала, какие-то ебучие танки прямо на наш тентик гонит. И толпу перед собой — на мой чаёк. А он уж закипать начал, — самое время заваривать, тут ведь счёт на секунды идёт, чтоб грамотно заварить и не перепутать, в какой момент какую травку добавить... Но вижу — вот-вот снесут мой примусок вместе с канчиком. И прочей закусью. Встал я тогда в полный рост – и заорал, что было силы: «Да что ж вы делаете, волки позорные! У меня тут, понимаешь-ли, чай закипает – а вы от каких-то сраных танков на него прёте!!!»

И как-то враз это всех остановило, да.

— В августе 91-ого у стен Белого Дома собрался весь Никитский Круг. Три поколения: со своими знакомыми, учениками... «Какой дивный слёт нам власть организовала!» – заметил кто-то. Как обычно, скрывая за иронией чёрное ощущение Времени.

: Не хочу сказать, что “спелеологов-энд-каэспэшников-рокеров” среди добровольных защитников “БД” было более, чем других, — но так казалось. И относились мы к происходящему пободрее, чем представители иных социальных слоёв. Ибо экипированы были не в пример лучше –

: сказался многолетний никитский опыт. И опыт организации запрещённых и разгоняемых властью слётов и фестивалей.

* * *

В завершение этой главы процитирую эпизод с Ваней-Крэйзи, поведанный в “Эпитафии” голосом Пита.

... Сидим за девяточным столом и под чаёк, волшебным заваренным Склизским, ‘заслушиваем в прериях’ очередную мою музыкальную сборку: авторская песня, наш и западный рок в пропорции “всего понемногу”. Отдыхаем после дневных гуляний по Системе и очередных неувенчавшихся успехом копательных работ.

Вдруг от входа в грот – шум, будто от протаскивания по шкуродёру чего-то очень тяжёлого; характерные чайничьи вопли, отблески и вонь плекса...

< По поводу хождения с необёрнуто-копящим плексом в Никитах и нашего ‘более чем категорического’ отношения к этому вспоминается анекдот-интерпретация Склизским голливудовской “Первой крови”:

– *Ползёт Сильвестр с миномётом и факелом по штреку, и вдруг получает по голове. Отключается. Когда приходит в себя – слышит над ухом: «Сколько я раз говорил, что У НАС В ПРАВОЙ СИСТЕМЕ С НЕОБЁРНУТЫМ ПЛЕК-*

СОМ НЕ ХОДЯТ???)»

: Зелёная война в своё время на данной почве и разгорелась...

— оставляю эту байку,— как и заведомо бессмысленные попытки *передать на бумаге* удивительно точное изображение Склизским моего пронзительного фальцета >,—

: Пара чайников с трудом выпихивает на привходовой уступ тело Крэйзи. «Ваш?» — спрашивают чайники.

— Наш,— подтверждаю я — набирая дыхание для естественной реакции на необёрнутый плекс.

— МОЙ,— с непонятной гордостью уточняет Ставрида-Крэйзи.

— Тогда забирайте! — и на счёт “три” Крэйзи влетает в Девятку.

— Где вы его подобрали?..

— Да у Шагала, в Четвёртом Подъезде лежал.

: *На диаметральной конце Системы.* “Мда”...

— Как же вы донесли **это** досюда?..

— А так, постепенно. Видим — лежит. Ведь замёрзнуть же мог... «Откуда ты?» — спрашиваем. «Из Командорской Девятки»,— отвечает. А сам даже встать не может. «Помогите добраться, а то умираю,— просит,— тут, мол, недалеко — десять минут ходу». И мы понесли. А он дорогу показывал. Да только всё равно далеко оказалось... Но он обещал...

— *Что обещал?*.. — с напряжением интересуется Барон: предчувствуя беду. И предусмотрительно выключает магнитофон.

— А Командора довольного обещал показать...

— Сейчас я вам покажу “Командора”,— бормочу я, не отводя гневного взгляда от дебильного средства освещения — одновременно нащупывая за спиной ближайший отделимый от монолита предмет:

: *которым оказывается примус.* Включённый и со стоящим на нём каном. Почти закипающим уже...

— Уёбывайте, пока целы! — адаптирует для чайников внешне невинную фразу Склизский. И добавляет, подхватывая ручку кана:

— Уж больно он пламя плекса вашего ... А также Ваньку в данном состоянии... Того, значить. Не любит.

— Не по ранжиру сметливые чайники с визгом кидаются из грота.

А когда они уползают и я заношу над телом Крэйзи канистру воды — не смотря на гневные протесты Ставриды — Крэйзи открывает глаза.

— Ушли? — совершенно трезвым голосом неожиданно интересуется он.

— Сам не видишь???

Крэйзи оглядывается, затем спокойно встаёт и вынимает из-за пазухи бутылку.

— Чуть об свод не разбили, гады,— бормочет он,— и жопу намяли... Чтоб я ещё хоть раз в жизни по нашим штрекам на рикшах ездил!..

– Так ты это что... Не столь накушался, значить? – вопрошает Склизский.

– Не столь, – подтверждает виновник мемуара, – просто приняли чутка на грудь с Асисяем и Мамонтом... До Четвёртого из Весёлого дополз – а дальше в расслабуху попал. Совсем заломало пешком через всю Систему пилить, кайф растрчивать. «Подожду, – думаю, – попутной лошади», – и дождался. Не “Хэви Хорзес”, конечно, но...

– ТЫ У МЕНЯ ДОЖДЁШЬСЯ, – бормочу я, – позорище...

– Лучше прими, – ласково предлагает Крэйзи, – я вам от Мамонта гостинец привнёс... Потому как мы Мальцева поминали – а *такое* помянуть всей Системой нужно. Да. Так что прими — и сложное покажется простым, – на ходу выкручивается он. – Враз забудешь обо мне и всех неурядицах мелкой жизни...

– и ставит бутылку на стол.

– А что Мальцев... – озадаченно интересуется Барон, – неужели-таки помер?

– Не-е, – с грустью отвечает Крэйзи, – но мы-таки очень надеялись, да. Так что поминали экстерном.

ЭПИСТОЛЯРНАЯ ПАУЗА

*“Пишу тебе за три родины,
Моё долгое путешествие...”*

*“Пишу тебе за три посоха,
Моё главное приключение...”*

*“Пишу тебе за три космоса,
Моё тайное несогласие...”*

: К. Арбенин

Я долго колебался, прежде чем включил эту главу в своё повествование. Но позвонил Ваня Крэйзи – узнав о том, что я не решаюсь цитировать доверенные мне письма Нади, подверг меня полному разносу.

А Борода потребовал опубликовать “хотя бы часть” нашей внутриуэмовской переписки, как и армейских эпистол.

Возражения, что объём повествования не резинов и сюжетные обстоятельства чего-то могут не позволять, не принимались.

“ТЫ ОБЯЗАН!!!” – звучало рефреном этих разговоров.

Что ж: коль обязан, поведаю несколько “картинок никитского времени”, увиденных не мной, но моими друзьями –

— хотя бы в качестве некоего дополне-

ния.

Или ещё одного *свидетельства времени* – а то слишком много развелось “опоздавших родиться” ртов (точнее: шаловливо-интернетных пальчиков), что “со всей определённостью” заявляют: всё, что пишет Сом – враньё и бред, –

ничего, что он описывает, в реальности не было,–

: не буду спрашивать у интернетных говорунов, “как оно было на самом деле”, ибо в озвучивании домыслов не нуждаюсь. Да и не поведают они ничего – потому как ведать им по определению нечего. Лучше заслушаем в чём-то не совпадающую со мной точку зрения *безусловных очевидцев* событий.

* * *

14.4.82.

Comandor!

Распределение ролей у нас с тобой, какое сложилось сегодня (да и давно ещё, впрочем), меня устраивает: ТЫ – “главный болтун”, ведущий. Я – корректор (вставки, поправки и т.д.)

ЗначитЪ, такЪ: перед “лекцией” договариваемся вместе, как её провести, – составляем грубый план, – а на “лекции” — ты ведёшь, я поправляю.

НАСЧЁТ СЕГОДНЯШНЕЙ:

«Money» слушала Бес(Т). Хмырь – решал задачки, Змей и Светик рисовали в блокнотике. Раипиль – не понять. Ну, а ты, я и W-Pif это слышали...

Вторую вещь с этого диска не слушали Хмырь и Ведьма.

Сейчас сижу, думаю: «Meddle» они вряд ли одолеют.

«Meddle» – Светик снова рисует. Все остальные слушают. И Хмырь!!!

«Wall» – слушали ВСЕ! И Хмырь!

«Pigs» – тоже!

И «Sheep»!!

А вообще – надо было каждому диску посвящать вечер!.. (Или двум.)

«М. Ф.» ‘J-M-J’: Хмырь покорён «Полями»! Как я, и больше – никто другой.

La Barbe.

Б.! Когда Светик рисует – она слушает. Я знаю, это ассоциативное рисование. О своём восприятии не буду – в силу случившегося классического музыкального образования. Но оно в целом положительное. Университеты нужны, даже если вам с Comandor’ом может показаться, что кто-то вас “не слушает”.

О себе: МНЕ НА НЕКОТОРЫХ ВАШИХ СПУСКАХ ДУШЕВНО ТЯЖЕЛО. Как и Татьяна. Многим, думаю, тоже. Уж слишком много вы сразу “вываливаете”. Поймите: если вы в этом росли и это для вас очевидно – так далеко не для всех. И не полагайте, пожалуйста, что любимый вами рок – самая лучшая и передовая музыка. ЭТО ЗАБЛУЖДЕНИЕ. Многие, как я, воспитаны на классике (там доминанта – Мелодия, законы построения музыкальной фразы и тональностей; в роке – грубый ритм, который я не приемлю). Кто-то вырос на джазе. А его вы слушаете?..

Занятия по литературе и истории лучше музыкальных, но и тут: Татьяна

считает, что ваша фантастика против Настоящей Литературы – как рок против Классики.

Raupil

Ком! Пусть два следующих СПУСКА ведут Raupil и Бес(Т). А потом можно будет дать «Кинг Кримсон» и Маклафлина.

La Barbe.

Борода! Следующий СПУСК – по летнему Эксперименту; потом концерт Лореса. Потом газеты к Чимгану, Чимган, после Чимгана – ясное дело, по кассетам, которые запишем там.

Сом.

– НЕ ЗАРЕКАЙСЯ!..

Бес(Т).

* * *

Что пережить 1982 год мне было очень трудно – уже писал. И если б не помощь друзей...

– Да: коль человек не желает подняться, он не поднимется. Кто бы ни протягивал ему руку помощи.

Но никакого желания жить не хватит, коль тебе не на кого опереться. Способ подъёма себя имени барона Мюнзаузена не даёт результата; в лучшем случае дело окончится озлоблением на всё и на всех, за которым — окончательное падение.

: Наверное, я помог в этой жизни многим.

Но не меньше я обязан своим друзьям:

* * *

10. 09. 82. РЕЗКО И

в самой что ни на есть категоричной форме МЫ (т. е. Борода, а также все остальные) заявляем ВАМ,

Уважаемый Comandor!!!

1. Если хочешь, Серёга, перечитать «Затерянный мир» Конан-Дойля, то только скажи: “Да!” (или “Кар-р!”)

2. Ты ДОЛЖЕН дописать:

а) всё, что ещё не дописано,

б) всё, что ещё не написано.

3. Дать эти ВЕЩИ нам для перепечатки и размножения.

4. Появиться в Никитах в БЛИЖАЙШЕЕ время (и не один раз!!!)

5. Не придираться к словам и стилю данного Заявления.

6. И ВООБЩЕ — ТЫ ДОЛЖЕН!!! Ясно?

Так что – изволь!

(Сам знаешь чего!)

: с уважением и почтением БОРОДА.

PS – возможно, ты ДОЛЖЕН также ещё и ещё кое-что, что-то, нечто и кое-какое. У-учти.

+7. Мы – не “вороньё”²⁹. Как сказала бы Ведьма, «гад ты!» **Когда в Никиты???**

– Raupil + Ves(t).

+8. Присоединяюсь ко всему. Кроме №4. Сначала совсем приди в Себя. Мразь подуспокоится – тогда; либо – с телохранителями, коих, по надобности, более, чем ты думаешь (велели передать Змей с Мамонтом).

+9. “Никто никому ничего не должен” (по КГБ-шнику). Просто самая большая моя (и не только моя) просьба (больше ни к кому не было) — **ПИШИ**. Ложечку – за Юлика, ложечку – за Бороду... ‘Ты в ответе за ВСЕХ, кого приручил’.

СПАСИБО за уже написанное и за будущее. Хочешь или нет, но ты Учитель для многих.

Светик.

Скотина!

/ зачёркнуто /

Comandor!

Гадом будешь (т. е. – сам понимаешь, кем!), если Ты не продолжишь < хотя бы по памяти > «Via est Vita». Вплоть до VIII месяца с. г. н. э. о. р. х.

Борода лично с надеждой и в уверенности!

* * *

В процитированной записке имелась в виду литературная обработка дневников моих пребываний и хроника наиболее значительных наших событий и подземных выходов. В 1982 году во время подготовительного двухнедельного пребывания я начал писать нечто вроде “хроник Уэма”, назвав их латинским девизом «Via est Vita». Думалось, в “окончательно-достойный вид” рукопись придёт осенью – и естественно, как основной момент, включит в себя дневники нашего готовящегося Пребывания: что по условиям эксперимента был должен вести каждый из участников. В общем, “Эверест’82 от спелестологии”³⁰.

В апреле 1982 года я показал Бороде, Рашпилю, Светику, Зелёному Змею и

²⁹ Намёк на строчку из моего стихотворения. На самом деле, конечно, ни к кому из друзей она не относилась – ребята это прекрасно знали, просто хотели меня как-то поддеть, вывести из состояния ступора.

³⁰ Тогда ещё, кстати, не только не изданной – но и не написанной. Так что идея подобного рода рукописи ни в коем случае не являлась “дёрмом” или подражанием.

Бес(Т) завершённую часть – чтобы они внесли свои замечания и уточнили даты или обстоятельства тех или иных эпизодов.

Эксперимент был сорван.

Желания возвращаться к рукописи не было. Как не было никакого желания творить, жить, – заниматься “паршивой наукой”, –

: Хочется верить, что данная повесть – возвращение моего давнего долга ребятам.

: Моим друзьям. Без поддержки и помощи которых не только не случилось бы этих строк — обо мне, как о человеке, говорить не имело бы смысла.

* * *

– Привет, Иван!

В воскресенье приехала из Никит и нашла в почтовом ящике твою записочку. Я уже написала тебе по новому адресу, но ты, видимо, ещё не успел получить моё письмо. Только не вздумай сослаться на перебой в письмах и надолго замолчать.

Всю прошлую неделю по вечерам после работы шила спальник. Куколка получилась – просто прелесть! Разложила её на полу и стала восхищаться. Влезу туда – тепло, просторно; растянусь, побарахтаюсь, потом вылезу, оправлю чехол, похожу вокруг, полюбуюсь и опять вовнутрь. Так и ползала туда-сюда, всё никак не могла оторваться.

В субботу собрались с Сашкой в Никиты. Он заехал ко мне домой и привёз костюм сварщика. Я сразу поняла, чем это пахнет, но когда Шурик надел его и я разглядела этот костюм во всех подробностях, мне просто жутко стало: как же я из него комбинезон шить буду. Задняя часть костюма из такой же материи, как твой комбез, но весь перед двойной: брезент и сверху замша. Я попробовала проткнуть всё это дело булавкой и мне совсем плохо стало: такой костюм не булавкой, а шилом надо протыкать. Шурик стоял довольный, хвастался, – я, конечно, поддакивала ему и мужественно расчерчивала мелком, где что отрезать или ушить. Сейчас этот костюм лежит у меня дома, и я даже смотреть на него боюсь.

Пока провозились с костюмом, стало уже темнеть. В Домодедово мы приехали в шестом часу. Пока ждали автобус, купили целый килограмм пончиков, пошли в зал ожидания, сидели там, грелись и поедали пончики. Я поразилась нашей прожорливости: так быстро съели весь пакет, что Шурик не успел даже руки об него согреть.

У 21-ого встретили Золотого. Он возвращался в Москву и сообщил нам, что в Системе никого нет и мы можем идти в Ландыш, взять там немного плекса и бензина.

В Никитском уже снега навалило по колено. Лес стоит какой-то опустевший, мёртвый. Тишина. Только деревья стреляют от мороза и в Никитском собаки лают.

У входа нас встретила кошка Машка. В её обществе мы и доползли до Ландыша. Пока там расположились, пока поели, пока грели чай, в Ландыш приполз народ: Обжора, Мамонт, Кирка³¹ и мамонтова девица в очках. И тут случилось маленькое недоразумение. Нас с Шуриком поняли не совсем так, то есть совсем не так, как надо. Мамонт завёл со мной долгий, ни к чему не приводящий разговор, в котором мы с ним показывали друг другу свои характеры. На прощанье я пообещала Мамонту приходить в Никиты когда захочу и с кем захочу, и мы с Сашкой перебрались в Вупертот.³²

Утром приползла целая толпа чайников под предводительством одного “знающего” мужика с картой Никитской Системы работы “SF”. Они долго базарили, пытаясь разобраться в этой карте. Мы их напоили чаем со зверобоем, они угостили нас вкусными слойками. Потом мы решили довести их до ЖБК. Долго-долго гуляли до Шагала, там посидели, помолчали у Свечи, а потом Шурик сунул их в лифт. И самый толстый, конечно, застрял: зацепился за Женскую Радость³³ ремнём от аккумулятора. Я прошла первой и уже лежала на Монте-Кристо³⁴, когда со стороны Шагала до меня донеслись страшные крики. Когда я вернулась к лифту, этот парень висел вниз головой, весь в поту и красный, и кричал, чтобы ему дали нож.³⁵ Истерика была страшная. Общими усилиями мы его успокоили. Я заползла сбоку и, когда Шурик его чуть-чуть подтянул за ноги вверх, сняла ремень с этого проклятого кола. Кое-как довели их до Чёртова икурника и там нежно с ними распрощались – напомнив, что осклизлые светлые крепи по вкусу похожи на несолёную квашенную капусту.

На обратной дороге распевали с Шуриком революционные песни. Наружу выползли, когда уже совсем стемнело. Был жуткий ветер; автобус опоздал, я думала, что мы его совсем не дождёмся, – так и замёрзнем на остановке. Но ничего, дождалась автобуса, и очень удачно сразу сели в электричку. Я только немного поскулила, когда начали отходить руки.

На Белорусской в метро встретили Асисяя, Бобу и К^о (они ездили в Кисели). Дошли с ними до Гульбария. Там постояли, поболтали. Твоё письмо Асисяй получил, только не успел ещё ответить. Записали для тебя песню. В следующее воскресенье собрались все вместе ехать в Никиты.

³¹ Длинный Кира.

³² Раздражение Мамонта понятно: не прошло месяца, как Крэйзи загремел в сапоги – а его девица является в Систему с новым мужиком. Что бы ни говорили о “каменоломной свободе нравов” иные — у всех у нас были конкретные моральные принципы, нарушение которых не приветствовалось.

³³ Персональное именование крепи, по-подлому торчащей из пола внизу лифта перед его Г-образным изгибом.

³⁴ Широкий (диаметром около 10 м), но низкий (высота свода около 40 см) округлый грот в центре Сейсмозоны. В нём пересекались “ходовые магистрали”, проложенные нами через Сейсмозону.

³⁵ – Вы хотите сделать себе харакири? – Нет!!! Я хочу выбраться отсюда!.. [“Воздушные приключения”.]

Видела Вадика. Такой милый стал: приоделся, ходит в институт на подготовительные курсы. Тебе передаёт большой-пребольшой привет. И вообще: все тебя любят и помнят.

Вот и всё. Живи, служи, не унывай.

PS. Ну вот! Вчера запечатала письмо, а сегодня утром получила твоё. Господи, это ведь ужасно: теперь у тебя нет ни усов, ни дырявых зубов – где ж ты теперь значки прятать будешь?..

Пока. Надя. < 8. 12. 83. >

* * *

– Привет, Ванька!

Как здорово, когда время летит “чёрт его знает как”, когда можно посылать к чёрту целые дни. А у меня время тянется с ужасающей медлительностью. Установилось какое-то стабильное жизненное равновесие. Вроде спячки. Не скучно и не весело. Как-то уже втянулась в чередование однообразных дней. Правда, иногда утром просыпаюсь с каким-то светлым радостным чувством. Стараюсь вспомнить, что мне приснилось – и не могу, не помню. Но кажется, что мне снилось море. Хожу, смеюсь, пою, но постепенно однообразие дня затягивает, снова всё блекнет, становится серым, будничным. И обидно, что не могу, не знаю как удержать эту радость. Соскучилась очень по теплу. Не хочется его суррогатов, тёплых комнат и батарей. Чтобы можно было задрать голову, зажмурить глаза и почувствовать на лице солнечное тепло. И чтобы тёплый ветер пахнул травами, и в полдень, в самую жару стрекотали кузнечики. А вообще можно фантазировать до бесконечности – на улице холодно, солнца давным-давно уже не видно. Скоро Новый год, а я как-то даже и не жду его. Хотя раньше очень любила этот праздник.

Но я не унываю, развлекаюсь по мере сил. Недавно обнаружила в нашем районе прекрасный кабак. Это на Яузских воротах, если знаешь. Двухэтажный дом, на первом этаже пивной бар с извечной толпой галдящих мужиков, а на второй этаж ведёт дверь с маленькой надписью «кафе». Если в эту дверь постучать и терпеливо под ней выстоять, то она откроется и тебя проведут наверх, усадят за столик и предложат свои услуги. Это и есть кафе, которое днём работает, как кафе – а вечером, как кафе-бар. Довольно большой зал, отделанный под дерево, разделённый перегородками, с деревянными фресками на стенах, с чугунными узорчатыми решётками на окнах. Полумрак, только на столиках горят крошечные настольные лампы, икебана в стеклянных вазочках [...].³⁶

На следующий день (в субботу) мы поехали в Никиты. Забавная игра

³⁶ Теперь, конечно, подобных заведений “более, чем полно”. В те годы открытие такого зала приравнивалось к открытию Колумбом Америки. А потому следующие две страницы письма естественно были посвящены подробному описанию надиного похода в это чудесное заведение.

контрастов: вчера ещё мини-юбка и серьги до плеч, а сегодня грязный комбез и коптящий плекс в руке. Ну, пусть не коптящий – потому что грамотно обёрнут бумагой. А вместо деревянных панно – такие знакомые ползанные-переползанные камни.

В Никитах был разгул. После долгого перерыва съехались все, кто только мог приехать. Я хотела было встать с Асисяем в Чайнике, но по дороге узнала, что там стоит целая толпа: Асисяй, Боба, Пионер, Квадратик, Мальчик (это теперь кличка твоего Вадика) и ещё кто-то. А нас было пять человек – Сашка, я, Рыжий, Гришка и Лёша – парень с сашкиной работы. В Девятке стоял Склизкий с какой-то девицей; в Бородинских Полях Зелёный Змей со Светиком и всей своей компанией. Мы заволокли вещи в Вупертот, да так там и остались.

Весь вечер просидели в гостях в Чайнике. Была куча выпивки; хозяйничала Квадратик – взвизгивала, отдавала распоряжения, разливала, – народ сидел, галдел. А я всё время не могла оторвать взгляд от Асисяя. Не видела его толком целый месяц и была поражена – как он изменился. Сильно похудел, тёмные круги вокруг глаз, даже голос изменился, стал хуже петь, только играет по-прежнему. И ещё странное выражение его глаз: как у тяжело больного человека. У меня сердце заныло, когда я к нему пригляделась.

В Чайнике ещё продолжали пить, а мы с Асисяем ушли гулять в ЖБК. На Острове Сокровищ долго сидели, говорили о тебе и о Сашке.

А в Чайнике в это время буйствовала Квадратик. Лёшка (сашкин друг) в шутку спьяну дал ей сзади леца, она развернулась, влетела ему пощёчину и стала кричать Шурику, чтобы он увёл своего друга. Пионер заорал на неё, Ольга разрыдалась и стала уговаривать Шурика остаться, и т.д., и т.п.

Сашка с Лёшкой всё-таки ушли оттуда Я встретила их на Монте-Кристо, когда возвращалась из ЖБК. Ребята ползли в Че-Гевары, а я жутко устала после Чёртова шкурника и решила подождать их на Второй Лесной³⁷. Потушила плекс, свернулась клубком и стала ждать. Сначала просто сидела и думала о чём-то своём. Потом стала прислушиваться. Казалось, что прошёл уже целый час, а ребят всё нет и нет. Стало страшно. Спичек у меня не было, а без света дойти до Шагала мне и думать было нечего. Был такой дикий ужас, что я не могла даже заплакать. Только сидела и звала Сашку, сначала шёпотом, потом стала кричать. А они. Как оказалось, сидели и курили в Че-Геварах. Вот поросята!

На обратном пути встретили Асисяя. Сидели в Русской Америке с компанией Минотавра и он пел свой “Костёр”. В Вупертот вернулись уже в шестом

³⁷ Грот в Сейсмозоне около Монте-Кристо. Название происходит от металлической таблички с надписью «Проход на Вторую Лесную и мясокомбинат» – мы сняли её в Джанкое, когда в 1980 году возвращались на товарняках с Гриновского фестиваля. Что характерно – сняли “на малом ходу” поезда, не дожидаясь остановки: мы с Дубль-Пифом успели не только соскочить, добежать до увиденной таблички – но и сорвать её, после чего вскочить в последний вагон... И тут поезд, так и не остановившись, внезапно прибавил ходу.

часу утра, смертельно уставшие. Уложили Лёшку и завалились спать. Но выспаться нам, конечно, не дали. В девятом часу приползли Боба, Рыжий и ещё куча народу. Стали будить Асисяя, достали заначки. Несмотря на наше сопротивление, опять напоили Лёшку. (Бедный Лёшка! Первый раз попал в Никиты – и угодил в самый разгул...)

Потом Сашка долго укладывал Бобу. Вовка тоже в последнее время как-то скис, поглупел. Взгляд сонный и тупой-тупой, доходит всё, как до барана. С Ланкой у него что-то разладилось. Не выпрашивала подробностей, но в Никитах её уже давно не видно.

Как только все успокоились немного, разлеглись, приползли ещё гости. Потом ещё и ещё.³⁸ Бардак был полный: кто-то спит, кто-то ищет водку, кто-то кипятит чай, кто-то уходит, кто-то приходит. Наконец мы с Шуриком плюнули на всё и на всех, заползли в мою куколку. Народ кругом галдел, копошился, а нам было так тепло и уютно, не хотелось вылезать – так и пролежали до самого вечера. В Гульбарий всё равно не могли ехать – Лёшка никак не трезвел.

Вот такие дела. Возвращались на последнем автобусе. Ужасно устали, в понедельник я даже поленилась сходить в бассейн. [...]

... Насчёт песен совсем туго, особенно насчёт “Костра”. Ведь Асисяй не аккордами аккомпанирует, а ведёт мелодию. И вообще у нас группы (и авторы) много лучше, чем “Машина Времени”, только выступают для более узкого круга зрителей. Из песен могу прислать тебе что попроще – например Лорес. Также “из области далёких воспоминаний”:

Пять веков картине, городок старинный –
Помнишь, ты жила когда-то в нём...

Ты писал, что кто-то из ваших ребят играет на гитаре. Может, он и нотную грамоту знает? На всякий случай посылаю тексты с гитарными аккордами и нотами. Не ручаюсь, что всё правильно – снимала по памяти, Шурик до сих пор не починил мою гитару.

Надя, 18. 12. 83.

* * *

– Привет, Иван Александрович!

---

³⁸ Вупертот – самый ближний ко входу Эгипед грот; причём мимо Вупертота пройти было сложно. Естественно, что каждый проходящий хотя бы заглядывал в него; видя весёлую хорошо знакомую компанию, “естественно притормаживал”. И хотя в гроте едва-ли могло одновременно поместиться больше пяти человек – проникал внутрь. Эта подлая гостеприятияющая черта Вупертота за сезон стояния в нём достала нашу команду — ну буквально каждое наше движение становилось общественно-видимым и значимым — в результате чего осенью 1982 года мы удалились глубже в Систему и оборудовали Девятку.

Получила оба твоих письма. Я послала тебе сигарет, правда не “Столичные”, а “Яву”. [...]

Ну а я после Нового года зачастила в Никиты. Прочно обосновалась в Чайнике, мой спальник теперь там остаётся.

В Никитах сейчас совсем не грязно. В Москве – слякоть, в Домодедово – слякоть, а сходишь с 21-ого – снег по колено. Ослепительно-белый ровный покров. Морозно и тихо-тихо. Над домами струйки дыма. Снег под ногами хрустит, как леденцы. Рожайка уж замёрзла, но есть полыньи, и мы всё ещё ходим в обход, мимо Родника. Вода в нём ледяная, дыхание захватывает. Пальцы сразу становятся даже не красными, а багровыми с синевой. И снова накатывает восторженное ощущение своей силы, молодости, здоровья.

А вообще в Никитах в последнее время творятся страшные вещи. Начались повальные бракосочетания. 31 декабря была свадьба у Удава с Вероникой, после Нового года Мамонт сочетался с Мерзавчиком (той интеллигентного вида девицей в очках). Золотым обручальным кольцом хвастается Зелёный Шляп, а Обжора водил знакомить со своими родителями Таньку-стеноляпку. Так что за закольцевавшейся нашей Правой системой наступил черёдлевой.³⁹ Вот такие дела. Народ гуляет, Система пустует – больше десяти человек редко когда бывает.

В позапрошлый раз стояли в Чайнике вдвоём с Асисяем. Тогда мы приехали в пятницу на последнем автобусе и ещё в Домодедово встретили Веронику с Удавом. Васька щеголяет своим новым положением, как новым платьем. То и дело снимает с руки обручальное кольцо и трёт его о рукав, “чтоб не потускнело”.⁴⁰

Весь вечер просидели в нашей родной Девятке. Без тебя – пусто, не могу там стоять. Всё напоминает о том, что было. Хоть вой. Но Асисяй притащил свою гитару из Чайника; пели, пили, трепались. Больше всех выступал Удав. Строил из себя этакое лихого одесского парня. У меня так и не прошла неприязнь к нему, хотя внешне мы в прекрасных отношениях. Но всё-таки посидели хорошо. Асисяй взял гитару и Удав смолк. Пели Розенбаума, потом вспоминали старые никитские песни – “Осень” Лореса, “Чёрного быка” Стрижа...

В Чайник вернулись уже под утро. Асисяй здорово напился – они с Удавом на двоих спирт распивали. И утром у него был страшный отходняк. Он мог только лежать, стонать и пить водичку. Так и просидели всю субботу в Чайнике, в палатке. Вели странные разговоры, выводили рискованные философские истины, насвистывали бесконечные импровизированные песенки,

³⁹ Склизский Змей – последний некольцованный представитель Девятки – в эти дни познакомился с Бабой Леной, своей будущей супругой. (О первом её визите в Никиты Надя упомянула в одном из предидущих писем.) Добавлю, что в том же году состоялась одна из значимых и эпохальных “никитско-югозападных” свадеб – Длинного Киры с Наткой.

⁴⁰ Не вполне понятно, к кому относится эта фраза: к Веронике или к Удаву. Ибо Удав “по паспорту” – Васька; Вероника – Васька по никитскому нику.

сочиняли сказку. К вечеру Асияя стало немного лучше и он уснул. А я пошла гулять по Системе. [...]

В Вупертоте стояли два очень интересных мужика, видимо альпинисты. Поили меня чаем со сгущёнкой и всё рассказывали про горы. Интересно рассказывали, я у них весь вечер просидела. Потом опять пошла гулять. С кем-то встречалась, с кем-то смеялась, потом с народом сидели в «Кафе», слушали проснувшегося Асияя. [...]

А в прошедшее воскресенье и Шурик в Никиты выбрался. Поехали в субботу утром и угодили прямо в автобусный перерыв. Пришлось ехать до моста на 33-м, а потом топтать ножками. Но я, честно говоря, была даже рада этой неожиданной прогулке. Был ясный безветренный день. На дороге, на придорожных деревьях сидели вороны и при нашем приближении чинно, не торопясь, разлетались. И Шурик всё доказывал мне, что твои родственники не только галки, но вороны с сороками тоже. И даже грачи.

Когда мы переодевались у входа, на свет божий выполз Обжора и поспешил нас обрадовать, что в Системе никого кроме него нет. Так втроём и доползли до Чайника. Расположились там; ребята сползли за водой, я прибралась в гроте, собрала и вынесла две сумки мусора, перемыла посуду. Посидели, поговорили. И вдруг приползает Мамонт. Мы ещё до Нового года с ним поругались (помнишь, я тебе писала – Мамонт неправильно воспринял моё появление в Никитах с Шуриком). И вот теперь я сидела и с любопытством смотрела на него. Но всё было нормально, видимо Мамонту уже сообщили, что к чему. Он подошёл, поздоровался, с улыбкой протянул руку – и вопрос был исчерпан.

Потом Мамонт послал Обжору в Акулий за канистрой “с очень клёвой штукой”, а меня с хитрой улыбкой попросил сползть к выходу, говорил, что там для меня сюрприз. Поползли мы с Обжорой: Обжора в Акулий, а я на дальше выход. Выползаю наверх и у самого выхода на снегу нахожу шоколадную конфету, а под конфетой записку: «Угостите смелую девушку. Лыжник». Возвращалась в Чайник и всю дорогу улыбалась. На душе потеплело от этой конфетки.

Вернулась в грот, наскоро приготовила закуску, и по кругу пошла гулять кружка с мамонтовкой. Ребята распивали кружку на троих и мне оставляли чуть-чуть, “на доньшке”. Пили за никитских Иванов, потом Мамонт пил за меня, всё желал мне «быть бабой, но не дурой». После третьей кружки мы почувствовали, что такое мамонтовка: Шурик пополз в палатку надувать дутик, да там и остался. Мамонт с Обжорой решили “набуянить по Системе” – наутро выяснилось, что их воспоминания кончились на второй кружке. Я была лучше всех, но тоже хороша. У меня хватило сил только немного прибрать на столе и уговорить ребят вытащить Шурика из палатки и стянуть с него комбез. Вот так. Ты уж прости меня, жулика и алкоголика.

Наутро у Шурика был отходняк. Я поила его чаем и откармливала салатиком. Потом мы свернули вещи и поползли на выход. По дороге завернули в Ландыш. Там лежал и стонал Обжора (Мамонт уже уехал, – торопился к

молодой жене). В Ландыше мы просидели добрых два часа, ждали, пока Обжора наденет комбез и возьмёт сумку-транс. Сидели, болтали, рассказывали разные смешные истории. Пели песни. Без гитары. Но от души.

И так с песнями, чуть ли не с плясками, доползли до Вупертота. Там, как всегда, стояла компания чайников. Оказалось, что времени всего два часа дня и мы сидели у них до автобуса. Меня представили, как последнего и очень ценного экземпляра фамилии Крэйзи. Оказалось, что эта компания уже наслышана о ваших подвигах, особенно твоих и Бобы⁴¹. [...]

Ну, вот и всё. Привет от Обжоры и Мамонта.

Надя, 26. 01. 84.

* * *

– Ванька, привет!

Получила твоё письмо в пятницу вечером. При полном параде – с рюкзаком и гитарой боком выползла из лифта, заглянула в почтовый ящик и извлекла оттуда письмо с треугольным штампом. Я мужественно подавила желание тут же прочитать его, сунула письмо в карман и поспешила на вокзал, потому что уже опаздывала на последний никитский автобус. Прочитала письмо в электричке. Сидела, глядела в окно и улыбалась. На Коломенской моё внимание привлёк человек с рюкзаком, прошедший мимо окна, у которого я сидела, и вошедший в вагон. Он сел недалеко от меня, чуть впереди, и я исподтишка разглядывала его. Совершенно незнакомый парень, но только взглянув

⁴¹ Боба назывался также Крэйзи Второй; ещё в Никиты ходил их приятель и одноклассник Лёша-Крэйзи (то есть Крэйзи Третий). Как и для Бобы, его Первой Системой были Кисели; в Никиты он пришёл в 1983 году вместе с другими киселистами. И в дальнейшем своём подземном хождении не сильно различал две эти Системы – во многом столь замечательно дополняющие друг друга, что делать выбор “в пользу” какой-то одной Системы (а ведь ещё были прекрасные Старицкие пещеры, и казавшиеся просто безразмерными против остальных каменолюмен Бяки) полагал психопатическим нонсенсом. Недостойным даже носителя столь одиозного ника. После школы “без отрыва от Подземли” он поступил в Институт Стран Азии и Африки при МГУ; также без отрыва от спелестологии окончил его. После чего презрел гарантированную работу в МИДе (распределение пророчило Лёше Вьетнам – в принципе, учитывая постперестроечные торговые реалии, распределение “было не столь и плохо”, – но карьере азиатского дипломата Лёша послал “примерно туда же”, куда за пару лет до того Серёжа Молчанов послал карьеру северокорейского журналиста). В начале девяностых Лёша погиб в автомобильной катастрофе. Его сестра Инна после смерти Нади Ставровской стала женой Вани Крэйзи. Боба сейчас возглавляет известную торговую фирму; многие никитяне в годы демократической бескормицы работали у него продавцами. В том числе Асияй и Ваня-Крэйзи.

на него, я уже была абсолютно уверена, что он направляется в пещеры – либо в Кисели, либо в Никиты. Ленинскую проехали. Когда подъезжали к Домодедово, он взял рюкзак и направился к тамбуру. Я выскочила вслед за ним и решила действовать напролом. Подхожу к нему: – В Никитское? – утвердительный кивок и мой ответный кивок: – Значит, вместе. И сразу стало веселее. Двое – уже компания.

Когда мы вышли из электрички, часы показывали ровно 20.20. Мы прыгнули с платформы, перебежали пути и понеслись к автобусам. Навстречу нам величественно выезжал 21-й, разворачивался и уже собирался следовать по своему маршруту. Мы сразу стали похожи на две ветряные мельницы – так яростно замахали руками, пытаясь привлечь внимание шофёра. Автобус остановился, передние дверцы раскрылись и мы влетели внутрь запыхавшиеся и счастливые, на потеху публике.

В автобусе успели познакомиться поближе. Оказалось, что моего попутчика зовут Лёша, он из старой киселёвской компании, ходил с Кэмами, с Проглотом, а сейчас едет к Асияю с ответным визитом вежливости (Асияй на прошлой неделе ходил в Кисели).

Вылезли мы из автобуса – темень непроглядная, все фонари перебиты, только у магазина светит одинокая лампочка. Мороз. У меня сразу стали замерзать уши. Пока мы шли, я всё время тёрла их варежками. Рожайка уже намертво замёрзла и через лёд мы дошли быстро, а то бы я без ушей осталась.

Просмотрели записи в Журнале. В Эретике стоял Хмырь с Ильичом, Феликсом и Питом; в Девятке Командор. Ещё была записана куча левого народа, а Асияя не было. Лёшка страшно расстроился, обиделся – я его еле успокоила.

В Девятке сидели Командор с Лещиной и куча каких-то чайников⁴². При нашем появлении возникло весьма натянутое молчание, но когда мы отдохнули и собрались идти дальше, Командор очень вежливо освободил проход и даже помог дотащить гитару до Б-Чердака.

В Чайнике нам в нос ударил милый родной запах плесени. Весь стол был покрыт белым налётом, валялись консервные банки. Видимо, кто-то стоял здесь в прошлое воскресенье и не очень позаботился за собой убраться. Но зато двадцатилитровая канистра была почти полная, так что за водой нам идти не пришлось.

Пока я очищала стол и мыла посуду, Лёша натянул палатку и, разобрав свой транс, выставил на стол три бутылки андроповки. Я вытаращила глаза, а Лёшка пояснил, что водку вёз для Асияя, что потребности Асияя он знает и поэтому даже сомневался: не купить ли четвёртую? На всякий случай прихватил с собой пятёрку⁴³. Я сказала Лёшке, чтобы он не расстраивался –

⁴² Это была физфаковская компания Сапиенса. Признаться, когда я увидел Надю в сопровождении незнакомого парня, опешил не меньше Мамонта в аналогичной ситуации. Но “вдаваться в подробности” при посторонних не стал.

⁴³ Спустя годы замечу: потребности определяются предложением. А вообще-то вот он: механизм спаивания никитских бардов восторженной публикой. В действии.

потому что завтра придет очень толстый и очень милый человек по имени Шурик, который любит водку.

А пока мы решили устроить маленькое пиршество. Сварили кашу с колбасой, порезали солёные огурцы, колбасу, корейку, разогрели баночку тушёнки.

У нас нашлась неисчерпаемая тема для разговоров. Оказалось, что Лёша – геолог, учится на третьем курсе геофака МГУ и уже четвёртый год ездит в поле с поисковыми партиями. Я слушала его, разинув рот, хотя он не бог весть какой рассказчик. Так мы сидели и, не умолкая, трепались. Делились воспоминаниями. Мы словно забыли, где находимся. Про Кисели и Никиты не было сказано ни слова. Под каменными сводами звучали рассказы о Северном Урале и о Карпатах, о ночёвках в тайге и о закарпатских каштановых рощах, о маршрутах, о голодовках, когда запаздывал вертолёт, о скорых поездах, о горных майданах, о весёлых вертолётчиках, о грандиозных пьянках. И тосты у нас были соответствующие – традиционные, геологические. Правда, я всё-таки вернула под шумок тост за тех, кто сейчас служит в армии. Лёшка горячо меня поддержал. Пил он, конечно имея в виду Проглота и Кэма-Младшего. Кого имела в виду я – ты, наверно, догадываешься. Иногда я брала гитару и пела. У Лёшки оказался довольно приятный голос и он подпевал.

Часов около 12 в грот ввалились Асияя и Шуня – маленький толстый человек из Киселей, страшный любитель лимонада. Ты его должен знать, – вспомни наш поход в Кисели на проглотовский день рождения.

И Шуня, и Асияя были уже изрядно навеселе. Асияя сразу вцепился в гитару, Шуня стал что-то бормотать про лимонад, я налила ему водки – и он сразу забыл про свой любимый напиток, стал подпевать и в такт гитаре засучил ножками.

Накушались они здорово. Как дорогим гостям, Асияю и Шуне мы лили по полной. Потом они поползли за вещами, которые остались в Акульем – и обратно уже не вернулись. Видимо, сил не хватило. Но мы их особенно долго не ждали и с чувством выполненного долга (ведь Асияя всё-таки напоили) завалились спать.⁴⁴

Утром я проснулась первой и начала с того, что тихонечко затащила верёвкой изголовье лёшкиного спальника; конец верёвки продела в кольцо от молнии, чтобы он не мог растянуться. Потом вылезла, налила в кружку воды и почистила зубы – правда, без зубной пасты, но всё равно здорово. Пока

⁴⁴ Кратчайшая дорога к Акульему лежала через Девятку; когда Асияя и Шуня шли в Чайник, нас в гроте не было. Когда Шурка шёл за вещами к Акульему, мы как раз вернулись с проходки из Дальней системы и ЖБК. Стали варганить Ужин, – Лещина расчехлил гитару... А тут и Шурка с Шуней подошли. Естественно, они на пару часиков тормознулись у нас. И хотя в Девятке к алкоголю более спокойное отношение — как можно было не выпить за встречу?.. И в высшей степени было бы странно, если б Асияя после меня и Лещины не исполнил перед МГУ-шными интелеями своих замечательных песен. После чего сил у него осталось ровно столько, чтоб дотащить Шуню до Акульего. И упасть – надеюсь – не мимо спальника.

я умывалась и причёсывалась, проснулся Лёха и стал барахтаться в своём закупоренном экспедиционнике. Я закончила заниматься собой, выпустила Лёху и мы доели остатки вчерашней роскоши.

Не успели разогреть чай, как в грот ввалился тот самый очень толстый и милый человек, который любит водку. Мы вылили остатки водки Шурику в кружку. Потом сидели и гадали: куда же мог исчезнуть Асисяй. Наконец мы решили, что если у Асисяя не хватило сил дотащиться до Чайника, то уж до Ландыша он дошёл наверняка. Убрали посуду, надели комбезы и поползли.

Асисяй действительно был в Ландыше. Они с Шуней уже проснулись и теперь лежали и хлебали лимонад из канистры.

Мы расположились рядом и начались разговоры... Долгие, неспешные. Никитские. Наконец решили сходить в магазин и на лёшкину пятёрку купить водки. По дороге Шурик откололся и пополз к Руки Вверх, а мы доползли до выхода, вынырнули из дыры – и нас оглушил гул голосов и восторженные вопли. Не успела я съехать с привходовой горки, как меня уже кто-то схватил и начал целовать. Поднимаю глаза – Рыжий, рядом Боба тискает Асисяя, вокруг толпа народа. Стоят сумки с тортами, бутылки “Байкала”, водки, вина, валяются рюкзаки и т.п. оказалось, что у Рыжего день рождения, он собрал компанию и приехал отмечать в Никиты.

Пока они разбирали и упаковывали свои вещи, мы пошли в магазин. День стоял изумительный, солнечный и морозный. До магазина, чтобы согреться, мы почти бежали. Дорога скользкая, пока шли, я несколько раз шлёпалась, потом у самой остановки, к великому удовольствию местных, мы упали втроём. Сначала поскользнулся Асисяй, об него споткнулась я, уцепилась за Лёшку и мы вдвоём пали на Шурика.

Когда вернулись ко входу, народ уже пролез. У Журнала мы нашли вдребандан пьяного Бобу с развалившимся трансом и с его вечными потребительскими наклонностями: «Ребята, дотащите меня с вещами куда-нибудь, куда скажете, туда я и пойду».

Мы закинули его вещи в Вупертот и поползли дальше. Руки Вверх был забит народом и трансами. Пока я сидела и ждала очереди на проход, приполз Боба, вцепился в меня и стал ныть. Сидел и ныл, потом как-то незаметно уснул. Я его оставила отсыпаться, а сама поползла дальше.

В Девятке сидела куча народа и Командор с гитарой. Стол был завален всякой снедью. Мне страшно хотелось кушать. Я пролезла за стол и не столько слушала Командора, сколько рылась в пакетиках на столе. Наконец нашла огромный кусок варёного мяса с чесноком. Наелась, попила чаю и только приготовилась слушать – как Командор начал всех выгонять из грота: они собрались уходить⁴⁵. Я выползла из Девятки и пошла гулять по Системе.

Штреки забиты народом, шагу нельзя ступить. Кругом валяются вещи,

⁴⁵ Увы! Мало того, что вначале из-за беременности наших жён, а после из-за рождений детей вся наша команда была вынуждена “сократить своё никитское присутствие” – так ещё, если и удавалось вырваться под родные своды, приходилось делать это не больше, чем на сутки. Было и обидно, и жалко...

трансы, рюкзаки и всё это зачем-то перетаскивается с места на место.

Заползла я Парашиют; там Асисяй играет на гитаре и дразнит Шуню:

Мальчик Шуня,
Чего тебе надо?
Ничего не надо,
Кроме лимонада!

И т. д. Потом в Парашиют приползла Ланка и утащила Асисяя в Ландыш, сказала, что у неё день рожденья и в Ландыше сидят Обжора, Ромашка и какой-то Камаз, – что все ждут Асисяя и что у них есть. [...]

К вечеру Система начала затихать. Кто выходил – вышел; кто пришёл – разместился, наконец, по гротам. Рыжий и к^о заняли освободившуюся Девятку. Пошатавшись по Системе, я приползла к ним. Там полным ходом шли приготовления к Праздненству.

Шурик пополз на выход встречать парня со своей работы, который должен был приехать на последнем автобусе. Этот парень, Лёша, уже один раз был в Никитах, ещё до Нового года. Помнишь, я тебе писала: Сашка привёз парня и тот сразу попал в самый Никитский разгул. Это дело ему, видно, понравилось и вот он решил приехать снова.

Итак, Сашка пополз встречать Лёшу, а я поленилась, осталась сидеть в гроте и от нечего делать принялась создавать Лёшке рекламу: вот, мол, такой парень должен приехать, прекрасный-распрекрасный, стихи здорово читает, и смелый: как-то раз застрял в лифте Шагала и никаких криков, никаких истерик – упорно лез вперёд и читал Высоцкого, кроме того (это я добавляла исключительно для дам) он очень симпатичный, 19 лет и он ещё не имеет дамы сердца... И дальше в том же духе – публика была от восторга. Все с нетерпением ожидали сашкиного возвращения и гадали: приедет этот мифический Лёша или нет? Наконец Сашка вернулся. Он просунул голову в Девятку и был буквально засыпан градом вопросов: «Ну как, приехал? Ты один или не один? Ну что ты молчишь? Он приехал или нет???» По-моему, Шурик даже не понял толком, в чём дело, чего от него хотят. Но тут я увидела сзади подползающего Лёшку и объявила, мол, вот он, пришёл! «Ур-ра!!» – подхватила публика. Лёшку посадили на самое удобное место и тут же про него забыли: началась торжественная часть вечера. Были извлечены торты и бутылки; дамы целовали Рыжего, мужики жали ему руки. Именинника засыпали пожеланиями всяческих благ. [...]

Мне сказали, что Шурик с Лёшкой пошли в ЖБК, и я тоже решила прошвырнуться до ЖБК и обратно – тем более, что в руках у меня был какой-то левый фонарик: шикарная штука, не фонарик, а прямо-таки фара.

Доползла до Чёртова шкурника, спустилась в ЖБК – и вдруг шестым чувством поняла, что я совсем одна в этой огромной отдалённой системе, что никого тут больше нет. И мне стало страшно, жутко до дрожи. Я прошла по Бродвею от Базы до Первого завала. Посидела там, покричала Сашку и пошла обратно. Это было не возвращение, а позорное бегство. Со страху я неслась, как угорелая. Прибежала на Вторую Лесную, посидела, отдышалась и тут

услышала стук камней и голоса. Я потушила фонарь и притаилась. Это были Шурик с Лёшкой – я каким-то образом обогнала их. Я не придумала ничего лучше, как загавкать на них из-за камня. Потом мы вместе пошли в ЖБК. [...]

Вернулись в Чайник страшно усталые, побитые, сил хватило только по спальникам расползтись.

А в воскресенье, перед самым уходом, мы с Обжорой решили дойти до Шкварина. До самого места гибели Шкварина мы не дошли, но забрались довольно далеко. Как потом оказалось, мы были совсем рядом со Шквариным, просто Обжора плохо помнил дорогу и полез не в ту дырку. А вообще мне эта система очень понравилась – какие там причудливые нагромождения камней, изумительные каменные маркера... Вообще здорово, не хуже, чем в ЖБК.

Но домой я вернулась страшно усталая, совершенно разбитая. Даже Гульбарий не достояла до конца. И Шурик тоже ушёл домой, у него разболелся живот. [...]

С 10-го на 11-е февраля с.г.,
Надя.

* * *

– Привет, Ванька, привет, толстый!

[...] Праздники у нас прошли непривычно тихо. Часть народа ездила в Ленинград, часть пропадала неизвестно где. В Никиты поехало всего несколько человек. Из Ленинграда особых эмоций никто не вывез. Скорее даже наоборот (“саблинские песочницы” никитян сильно разочаровали; местные спелики какие-то скучные и страшно разобщённые). Впрочем, в Никитах – тоже самое. Вот хорошее доказательство того, что сила и радость народа – в его единении. В общем, праздники провели бестолково.

В Никиты мы поехали вдвоём с одной девчёнкой⁴⁶. Вместе работаем в ГИВЦе, – наслушалась Татьяна моих рассказов и напросилась поехать в места не столь отдалённые, но загадочные.

По дороге встретили киселёвского Лёшку. Так втроём и жили все три дня. 8 марта отметили двумя бутылками шампанского и получили от Лёшки в подарок по букетику мимозы.

⁴⁶ Не без удовольствия отмечаю, что Надя (как и большинство никитян) пишет это слово так же, как и я: через “ё”. Вместо неудобоваримого совкового “оканья”. Они ведь даже слова “тавно” и “чёрт” пытались нас заставить писать через любимое “о”!.. Как заметил один из замечательных никитян Саша Никольский (первый Президент РОССА и организатор Старицкой спелестологической международной конференции – также профессиональный приборист-физиолог “со спелеонавтическим уклоном”), «слово **СОВЕЦКИЙ** обязательно надо писать через “Ц” – ибо проверочные слова **МУДАЦКИЙ, ПИЗДЕЦКИЙ**».

: СовеЦкую орфографию в Никитах никто не жаловал.

Кроме Чайника во всей Системе был обитаем только Ландыш. Там стоял Кира Длинный со своей компанией. Насколько мы стояли тихо, мирно и дружно, настолько киркина компания жила крикливо, вздорно и безалаберно. [...] Они понуро выслушивали мои ругательства и упрёки, искренне раскаивались в содеянном – а через несколько часов всё начиналось снова.

Но в целом время мы провели достаточно интересно. Водили Таньку по Системе, рассказывали ей о Шкварине и Шагале, о Дзуликой и Белом спелеологе. Лёшка умудрялся вворачивать киселёвские варианты легенд. Забили голову Танюхе всякой всячиной, а потом заставили изрядно попотеть в лифте Шагала. Довели её до Чёртова шкурника, и пока она там барахталась, мы с Лёшкой посидели, поговорили и решили, что уже поздно, что мы достаточно набегались, устали и вообще пора возвращаться. Крикнули Таньке, чтоб она возвращалась. (Так она и не увидела ЖБК с настоящими никитскими просторами.) Беденькая, она ещё не знала, что самое худшее её ждёт впереди. На обратном пути мы сказали ей, что кроме как через лифт Шагала другой дороги домой нет. Пока она пыхтела, пролезая лифт снизу вверх, я успела замёрзнуть и отсидеть ногу. Но честь и хвала Таньке – пыхтела она упорно и без единой жалобы.

Утром она призналась, что всю ночь ей снились кошмары в виде камней, наступающих на неё со всех сторон.

Потом мы отправились искать место гибели Шкварина. Я твёрдо знала приблизительно две трети пути. Дальше никогда не ходила. Так что, дойдя до границы освоенного, пришлось устроить настоящую поисковку. Усаживали Татьяну с плексом на какой-нибудь камень, а сами расползались в разные стороны. Место гибели нашёл Лёшка. Приползли туда, поставили свечку. Посидели, помолчали.

Да, Ванька. Кирка нам тут рассказал одну историю. Если не наврал, то такие вещи заслуживают самого пристального внимания.⁴⁷ Дело было так:

Совсем недавно, то-ли во вторник, то-ли в среду – в общем, среди недели, Кира и ещё двое ребят, которые похаживали в Никиты от случая к случаю, привели в Систему несколько чайников. Водили их по Системе, показывали местные красоты. Потом решили пропустить всех через лифт Шагала. Собрались все в гротике у места гибели Шагала – конечно, поставили Свечу – и в лифт полез первый чайник. Из дырки торчали только ноги, как вдруг все услышали, что он закричал. Чтобы его скорее вытащили оттуда. Ухватились за его ноги и выдернули парня наверх. Он был в нервном шоке, весь трясся, не мог двух слов сказать. Наконец его немного успокоили и начали расспрашивать. Оказалось, что когда этот парень наполовину пролез в лифт, он уронил вниз плекс, – протянул руку поднять его и вдруг откуда-то сбоку высунулась

⁴⁷ Не наврал. Подтверждаю это годы спустя – ибо узнал неизвестные тогда Наде подробности от непосредственных организаторов этого спелеошоу: Васи Тихонова и Киры Длинного — главных “юго-западных моховиков-затейников”, устроивших данный шухер, дабы “встряхнуть народ, заскучавший без большого серьёзного дела”. [Встряхнули. Баллов на восемь/девять.]

человеческая рука, схватила его за кисть, резко вывернула – и вырвала плекс. Плекс сразу потух и большие этот парень ничего не видел. Он тут же закричал и его подняли наверх. Долго ещё ребята сидели у Шагала, обсуждали происшествие, прислушивались. И верили, и не верили. Всё вокруг было тихо и привычно. И тут кто-то подал мысль: а плекс-то? Ведь если этому парню всё привиделось, плекс так и должен валяться внизу у Женской Радости. Немного побазарили – кому лезть вниз. Всё-таки страшновато было. Наконец Кирка сам спустился в лифт. Плекса не нашёл. Тут уж всем стало по-настоящему страшно, и они быстренько смотались к выходу. На свежем воздухе да на солнышке, как водится, произошла реакция. Страх превратился в смех. Ребята расхрабрились до того, что на следующий день снова приехали в Никиты. Приехали втроем с глобальным количеством фосфора, серы и с канистрой бензина.

Как потом Кирка объяснял, они хотели разобраться во вчерашней истории, пошарить у Шагала. (Будто их кто там сутки дожидаться будет...) В общем, маялись дурью от безделья в будние дни. Вошли через Эгипед и до водокапа шли весело и бодренько, ржали и кричали во всё горло. Но миновали водокап, Перекрёсток, ДНД – и в душу к ним стал закрадываться страх. Даже не страх, а какой-то панический животный ужас. Смех стих, даже разговаривать стали шёпотом. Шли осторожно, осматривая каждую щель и поминутно оглядываясь назад. В душе каждый из них был готов повернуть обратно, но они боялись признаться друг другу в собственной трусости. И медленно продвигались вперёд. Где-то в районе Серой Радости у всех возникло отчётливое ощущение, будто кто-то смотрит им в спину. Так, преследуемые этим взглядом, они дошли до Четвёртого Подъезда. Нервы были на пределе, и ребята даже обрадовались, когда увидели у Шагала свет. Заползли в грот – и видят на месте гибели горящую Свечу. Совсем свежая свеча, только что зажжённая, не успела даже обтечь воском. Кто мог зажечь её сейчас, в будний день, в пустой Системе? В Журнале никаких записей о входе не было.

Скованные ужасом, ребята сбились в кучу у места гибели В. Шагала и не знали, что делать дальше. Сидели, затаив дыхание, прислушиваясь к звенящей тишине. И вдруг – явственный шорох в лифте. Не долго думая, Кира хватается канистру, плещет вниз и кидает спичку. Вспыхивает пламя и ребята и ребята быстренько убираются из Шагала. Уже на спуске в «Четвёртый Подъезд» Кирка оборачивается, делает два шага назад и нагибается, чтобы поставить заградительный волок: отрезать путь в Четвёртый от Шагала. И вдруг прямо перед собой видит листок бумаги, – чистый, непрямый и сухой – будто только что вырванный из записной книжки. И на листке простым карандашом всего две большие буквы: «В. Ш.»⁴⁸. А ведь ребята только что проходили здесь и готовы были поклясться, что буквально несколько секунд назад у входа в обходняк ничего не было!

Вот, собственно, и вся история. Конечно, ребята тут же вылетели из Системы, ставя за собой жуткие волокни. После всего, что произошло, у Киры

⁴⁸ Ну да: Ваня Шкварин, Виктор Шагал...

осталось ощущение, будто они сунули нос в совершенно не свой вопрос и их не оттолкнули, не ударили – нет. Им просто тихонечко погрозили пальцем и они тут же убрали свои любопытные носы и впредь зареклись совать их куда-либо. Вот так. Кстати, ещё одна интересная деталь: примерно в это же время засыпало проход в Бородино. Осталась только узкая щель из Колокольни. [...]

Пока. 16. 03. 84.

* * *

Сбойку меж Бородинскими Полями и Системой завалил сам Зелёный Змей, которого *достало* чайничье любопытство и постоянные гости. Не добавлявшие желанного уюта и кайфа в то понимание/постижение Подземли, что было ему ближе. Потому что «Три Охотника», что он оборудовал в Бородинских Полях, были у самой этой сбойки. Прямо у магистрали, ведущей через штрек Колокольни от Эгипта в Систему. И каждый входящий через Эгипед (и выходящий из него) считал своим долгом заглянуть-отметиться:

– Привет! А что это вы тут делаете???

Так что “нежелательные гостевые визиты” к Змею следовали неизбежно – с не меньшей частой, чем любопытствующее заглядывание в аналогично расположенный Вупертот.

: Это в случае, когда хозяева обнаруживались в гроте. Но если нет? Ведь мы не только “более, чем тщательно и с должной любовью” оборудовали свои стояночные гроты – оставляли там ценное подземное снаряжение. “Которое не из воздуха брали”. Прийти и застать – после, скажем, двухнедельного вынужденного отсутствия – свой грот загаженным и испакощенным какими-то чайниками (и не обнаружить оставленных вещей и продуктов) никому не хотелось.

*– Хорошо иметь свой грот,
Эретик иль Вупертот, –
проживать в нём без забот
круглый год...
Но однажды ты придёшь,
Весь в дерьме его найдёшь –
По иному, хошь не хошь,
Запоёшь!..*

: Из Асисяя.

Оттого Змей перекрыл прямой проход к Трём Охотникам, оставив лишь спортивную тектонику. Ему она трудностей не создавала. А потом вообще перебрался в Жопу – подальше от входа.

Но дело было не только в случайно являвшихся чайниках –

: *Череда наших “кольцеваний” сыграла злую роль в жизни никитского слеуема.*

Кто-то полагает, что дело было в некоем “взрослении”, — я лично не смешиваю понятия “взросление” и “мещанство”. Ибо со взрослением приходит мудрость, рассудительность; устанавливается ровное, спокойное отношение к Миру. Ничего этого в мещанстве нет и не может быть в принципе — бо понятия это разные.

— Иные говорили, что дело в годе. Мол, не даром Оруэлл выбрал его в качестве названия-символа своей замечательной книги,—

: Не знаю. В какой-то степени, может, это и так — и пусть по социально-творческим циклам 1983/1985 гг. были *годами подъёма и роста* — загнивающий наверху совковый социум брал своё: не мытьём, так катаньем. Смердящее дыхание гэбухи напоздало на всё: подтянутые мальчишки со стеклянными глазами без страха и попрёка среди дня вылавливали в магазинных очередях “отлынивающих от работы”, — повсюду зримо закручивали гайки и от самого воздуха, казалось, веет серой тоской и безисходностью. И какие бы строки ни писались нами и нашими любимыми авторами — Розенбаум торжествовал на немногих уцелевших от погромов каэспэшных площадках и сценах,— на фестивале в Казани его поклонники освистали Туриянского... Футбольные фанаты побоищами отмечали выступления любимых команд, по улицам Москвы открыто маршировали фашисты.

КГБ тянул шаловливые ручки к психотронному оружию,— создавались сверхзакрытые экстрасенсорные лаборатории.

И всё дорожало, дорожало. Кроме водки — удивительно низкого качества, но относительно дешёвой. В народе прозванной “андроповкой”. Что по-своему было знаково. Так что чернуха, без сомнения, имела это место и время. Пусть и чисто совкового, а не творческого происхождения:

Потонули в любви мои братья по духу и прозе, из которой рождались стихи на нездешнем морозе — короли афоризмов, подземные аристократы — для которых я, кажется, так и не стал младшим братом.

: *Чья-то кровь с молоком ещё бродит у царственной бронзы по фольклёрным названиям гротов, харчевен и снов. Я ничей; я случайный снежок, уцелевший под солнцем: позабывший значенье Бог весть где заученных слов —*

... Поднимались стволы: в перекрестьях и сердце, и струны. И мелькали в досье ритмы Битлз — и даже Иисус! — и тянуло коричневым тленом вдоль стен неуютных, и сжимая гитару я думал, что скоро проснусь,—

...: уцелевшие руки — в верёвочных, трепетных венах — наливаясь теплом, покидали колючие стены; безымянные пальцы вплелись в золотые объятия и сквозь грустный туман улыбались мне старшие братья — повторяя под небом тяжёлым, под небом безвестным наши старые, добрые, кайфные спетые песни...

< А потом — эти песни играл королевский оркестр; лишь тому, за что жили мы, в них не оставили места. Снова золото было — во рту, на ушах и в

карманах; позже тех ‘златоустов’ я видел среди наркоманов >

Я озвучивал тех, кто законом объявлен придурком, кто на лестничных клетках в рассвет собирает окурки, — кто всего-то желал невеликого странного счастья: разбудить в своём ближнем хотя бы немое участие. Но кого повинешь, если все объяснения плохи, что спасенье рассудка порою лишь в чашечке кофе?

: Поколение детей, столь излишних в родимых пенатах, стало жертвой сетей, возведённых отцами когда-то. И спешат невода по московским вечерним бульварам (за характер картин и гитарного репертуара), — но длиною волос не измеришь конфликт поколений, как не спрячешь навоз за года “негативных явлений”: коль на свет извлечён с полстолетья пылящийся китель, ухмыльнётся в гробу подзабытый усатый учитель. Только зренье отцам заслонили прекрасною фразой три великих слепца, проплывавших над площадью в праздник... И колотится в сердце струна пеплом жжёной бумаги — и глядишь, как страна с каждым днём превращается в лагерь...»

: Строки Серёжи Лещины об этом времени. В котором тонули мы сами, “вплетая свои пальцы в золотые объятия” — за квартирными, рабочими и бытовыми проблемами и хлопотами...

Но любое общение друг с другом и Миром Подземли давало в тысячи, в сотни тысяч неизмеримых раз больше, чем городское прозябание.

: Эту истину знал каждый из нас. Как и то, что стоит только впустить в себя городскую хмарь — завязнешь, утонешь. Не выплывешь.

: Сессия бывает два раза в году. В прочее время выходные можно посвятить друзьям и Никитам.

И как бы ни засасывал быт — всегда можно выкроить воскресенье/другое для отрыва от него. Хотя бы для того, чтоб сражаться затем с ним, проклятым, с новыми силами. Или просто оторваться от его нерешаемых проблем — на сутки, на двое. А значит, прибавить эти дни к своей подлинной жизни.

Общеизвестно также: оставленное без присмотра дело разваливается; дом, где не делается уборка — зарастает грязью.

И были те, кого мы приручили.

*: За них **мы** были в ответе.*

А потому не ходить в Никиты было нельзя. Хотя “через раз”, — через два воскресенья на третье, —

: Занятый семьёй, в ноябре и декабре я практически не был в Никитах. Как не были в них Хмырь и Рашпиль, Борода и Бест, Золушка и Гарри. Зелёный Змей и Светик — ходили. Склизкий Змей тоже. Как и Ванька Мамонт.

Но Крэйзи забрали в армию.

Надя без него не желала стоять в Девятке. Вероника, расписавшаяся с Удавом, на дух не переваривала будущую жену Склизского.

Мамонт с примкнувшими к нему стоял в Сейсмозоне, в старом своём гроте Весёлый. Зелёный Змей со своими друзьями — в Бородинских Полях. Диагонально разные части Системы. Которая вновь начала распадаться на “лево” и

“право”. С той лишь разницей, что никакой разницы меж ходящими не было. Университет не проводился; прекратились концерты и мощно организуемые сейшены.

: за отсутствием некоего общего смысла хождения или объединяющих идей оставалось то, что хорошо описано в письмах Нади.

: Никогда не осуждал пьянство. Кому нужно напиться – сделает это где угодно: в лесу, в пещере или в городе — в любое время дня и года. Кому пьянство не нравится, может бороться с причинами, его вызывающими: тоской, скукой, серостью, – etc.

За январь/февраль мы с Хмырём, Лещиной и Рашпилем посетили Никиты по одному разу.

И ещё по разу в марте/апреле.

С Сапиенсом и Гномом говорили в городе о возможности подпольного продолжения спелеонавтических пребываний. Гном укорял меня тем, что я отошёл от научной работы. Я парировал: *как можно в нашей стране на месяцы уходить от регламентированной работы на “госку”, – а если и можно: на какие шшии?*

– Есть отпуска, – говорил он. – И студенческие каникулы. Аппаратуру можно склепать самим.

: Это да. К этому мы привыкли. Но коль “всерьёз” заниматься подземной наукой было нельзя — был-ли смысл в дилетантско-любительском самоудовлетворении?..

В городе с Лещиной и Рашпилем поддерживали его в “Сокольниках” – последние месяцы существования клуба. Никому, по большому счёту, уже неинтересного и не нужного.

На ходжикентские “поминки по Чимгану” ездил со Змеем и Светиком. И ещё несколькими никитянами. *Потому что не поехать – не мог.* Ибо лучшее, что видел, помнил и знал *вне Мира Подземли*, заключалось в этом слове. В клубе “Апрель” и создавших его Саше Стрижевском, Саше Цыпине, Илюше Ершове, Косте Цветкове, Андрюше Троицком, Мишеле и Игоре Бяльских — наших друзьях по Чимгану:

Сказочно-волшебному фестивалю, растоптанному пятой дуры-власти. *Под смехотворным предлогом “эпидемии Ящура” –*

А потому не поддержать далёких, но близких друзей не мог. Пусть раз в год.

: Так думал не я один в Никитах.

По возвращении из Ходжикента впервые всей семьёй – с трёхмесячной дочкой⁴⁹ и женой – выбрался в родную пещеру. Стояли на поверхности; в стороне от всех. Подальше от шума и гама, за пионерским лагерем.

Приближался день памяти Виктора Шагала.

---

⁴⁹ Не могу не похвастаться: зачата Иришка была на вершине Чимгана 1 мая 1983 года, во время первого нашего “поминания” любимого Фестиваля. *Это был мой личный вклад в борьбу с мировой энтропией.*

В ночь накануне с Асисаем и Сусаниным печатали эмблемы; штамп, как обычно, резал Сусанин – мы с Шуркой накатывали оттиски на подготовленную клеёнку. Чисто никитская технология, разработанная Мишей. Рисунок произвели на свет совместными усилиями; кажется, это одна из самых красивых наших эмблем. И значащих.

Впрочем – не значащих эмблем мы не делали.

Уложив детей спать в соседней комнате, с Татьяной и Рашпилем сотворили новую газету-маразматку. После семимесячного перерыва — казавшегося мне годовым. Да и остальным тоже. < Предидущий выпуск под названием «Души прекрасные порывы!» выпускали на “ноябрьские иды”: как раз, когда случился “голодный четырёхдневный выезд”... >

— В полночь у памятника встретились все: кто теперь ходил в Никиты, и кто носил в себе никитские воспоминания. Скованные детьми, традиционный “большой костёр” объявили на нашей стоянке – слишком далеко, чтоб все пришли на него.

Пришло человек 50. И стало ясно, что *запустить Никиты нельзя*.

Единодушно постановили: по осени возобновить Университет и концерты.

С Сапиенсом, Бароном и неожиданно заинтересовавшемся Мамонтом решили сделать несколько неофициальных длительных погружений. «Насрать на работу!!!» – прорычал Мамонт.

: имея в виду работу совковую. Не позволяющую уйти под землю более, чем на неделю.

Копательные дела отложили – Склизкого весной загребали в сапоги; остальным казалось, что Никиты подошли к своим тупикам. По крайней мере, прежде чем ломиться-биться наугад в непройденные завалы, следовало разобраться с тем, что внутри. Меж ними – и внутри нас.

На “мещанство и пьянство” широким жестом отпустили оставшуюся часть лета. Всё равно, мол, “мёртвый сезон”. И вообще: кто хочет дела – найдёт его себе без руководящих указаний.

: Каждый в Никитском Кругу был равной прочим Личностью.

Часть ребят летом съездила с Гномом и Женей Романюк в Подолию и на Понеретку. Кто-то ездил в Питер, кто-то с “Минотаврами” в Старицкие пещеры. Кто-то посетил “вертикалки” Кавказа, Урала и Крыма.

Прикованный семейными обстоятельствами к Москве, я с женой и дочкой приезжал только в Никиты. Становились в стороне от обычных мест – на другом берегу Рожайки. Ближе к полузасыпанной, полусъеденной карьером Изюминке. Стоянка наша называлась “У Того Парня”. Парень был хорош — здоровенный деревянный идолище. Место тоже “под стать”: красивейшая поляна над обрывом лесного оврага. С трёх сторон – тремя разноцветными клиньями – сходил лес: берёзовый, ольховый, сосновый.

Неподалёку родничок.

Иной раз с нами выезжали Хмыри и Рашпили.

Лещина с Алёшей Кругловым, Сашей Руснаком и Сашкой-Шерифом уехали в Ярославль. Попытка создания Театра равнялась попытке создания Мира.

Мы с Юликом работали над “Сказкой для Робинзонов”. Развалясь рядышком на пенках, под ласковыми лучами солнышка – птичьи трели и шум ветерка в кронах деревьев – “в два голоса, две руки и две ручки” правили текст и писали новые главы.

: Матрасничали отведённое до осени время. Создавая-придумывая *Мир Свой* –

Ближе к осени кто-то заметил, что наша стоянка вновь стала “центральной”. Хотя от Никит до неё было чуть-ли не три километра.

– Ну, два.

Всё равно “не комильфо”. Не набегаешься под землю в краткие часы сторожения ребёнка супругой (или супругом).

: Пришлось возвращаться “в народ”. Отдохнули, оторвались “от проклятого социала” — и ладно.

Вот два последних письма Нади об этом времени. О том, как его видели другие.

* * *

– Привет, Иван!

Давно не писала тебе. Писать в общем-то не о чем, хотя событий много. Больше месяца проходила с “Печками-Лавочками”. Я уже писала тебе об этой группе. Ходила с ними на слёты. Интересно, много новых песен. Но слёты кончились до осени, а походные пьянки у этих ребят отличаются ну прямо-таки удручающим однообразием. Надоело, но связи не теряю, ведь с осени снова начнутся слёты. Там и посмотрим.

Сейчас езжу с туристами-дикарями. Познакомилась с ними в одном из походов. Простые серьёзные ребята, правда немного скучноватые. Но мне с ними легко. Рассказываю им о Никитах и пою песни. Удивительно, но о существовании подмосковных каменоломен и клубах самодеятельной песни они впервые услышали от меня. И конечно, были очарованы песнями и заинтересованы Никитами. Но я так старалась заинтересовать их не просто, а с тем расчётом, чтобы на Шагала всем вместе поехать в Никиты. И они поддались на провокацию.

Поехали мы в пятницу, 22-ого числа. Ехали с комфортом, на машине. Правда, пришлось поломать голову над тем, как удобнее подъехать к никитским лесам. Решили ехать от Взлётной, по той дороге, где мы шли когда-то с Бобой и Виталиком, – помнишь?

Пока провозились, вычисляя дорогу, уже совсем стемнело. В темноте, со включёнными фарами, ехали по этой неровной размокнутой дороге. Несколько раз застревали, потом свернули не в ту сторону, и вообще каким чудом мы добрались до места – я не понимаю. Просто ужасно повезло.

По дороге, когда ехали полем, из травы прямо в свет фар выскочил заяц. Ребята сразу заорали: «Давай! Жми! Гони!» Дали скорость, а бедный заяц

почему-то никуда не сворачивал и бежал прямо по дороге перед машиной. Чуть не задавили его, но машина вовремя въехала в лужу, забуксовала и заяц, конечно же, дожидаться нас не стал. Но настроение он нам поднял. Воспрянули духом, оживились.

Подъехали к реке, быстренько разбили стоянку, соорудили костёр.

Пировали до рассвета. Пиво, вино, креветки, шашлыки, яичница с салом и т.д. Я объелась креветками, но всё равно было здорово. Пели, пили, смеялись, – даже искупались, хотя Рожайка в этом месте по колено.

Утром пошла осматривать окрестности. Оказалось, что мы встали очень удачно. Минут 15 хода от поляны Шагала вверх по Рожайке.

После завтрака пошли на родник за водой. Чуть-чуть не дошли до высоковольтки – и тут нос-к-носу столкнулись с Асисяем и Гришей. Пьяные в дым, они прямо через заросли ломились на скальник. Мы сходили к роднику, потом ребята с водой пошли на стоянку, а я свернула к скальнику. По дороге, естественно, заблудилась (как водит этот лес, ты знаешь) – зато набрела на полянку, сплошь заросшую земляникой. Из двух лопухов сколола кулёк и ползала, пока не набрала полный. И пока сама не наелась. А запах какой! Нанюхалась до одури.

Больше не плутала и сразу вышла на скальник. Никитская стоянка предстала во всей красе: на куче одеял валяются Сусанин и Кирка, вокруг разбросаны какие-то тряпки, кружки, миски. У палатки сидят Эк, Старый, Лариска – жена Пыльного и Асисяй расковыривает бутылку водки. Мой кулёчек с земляникой был растерзан в одно мгновение, даже лопухи облизали. Потом Асисяй сказал, что я пахну земляникой и вылил мне за шиворот стакан водки. Я сидела, выжималась и ругалась, а Шурка ползал вокруг и говорил, что теперь от меня пахнет гораздо лучше и что меня будут облизывать.

Допили водку, посидели, поболтали и решили с Асисяем идти в гости к нам на стоянку. Со скальника спускались в том самом месте, где вы падали прошлым летом. Асисяй рассказывал, как вы с ним летели и как он тормозил рукой. На этот раз мы были близки к повторению вашего трюка, потому что Асисяй еле стоял, а меня от асисяевских рассказов разобрал такой смех, что я тоже едва держалась на ногах. С горем пополам, цепляясь друг за друга, спустились со скальника, потом по дороге забрели в какую-то грязь, перемазались, спустились к Рожайке и отмывались асисяевской рубашкой. Наконец добрались до стоянки, а там ребята уже обед приготовили. Борщ, жареная картошка, салат, какао.

И тут Асисяй задал им целое представление. Пустил в ход весь свой богатый арсенал вывертов и ужимок. Я хохотала до слёз, а ребята, не привыкшие к таким шуткам, не знали, что им делать. То-ли смеяться вместе со мной, то-ли гнать Асисяю вон со стоянки. Чтоб разрядить обстановку, я сунула Асисяю гитару. И он пел, пока не стемнело. Потом прибежал Сусанин и сказал, что приехал Командор и сейчас все пойдут к памятнику Шагалу.

Церемонию у памятника ты, наверно, себе представляешь. Было как в прошлом году – тихо, скромно, только для своих. Без больших концертов и

толп. (О чём кое-кто жалел.⁵⁰) Положили букет красных пионов, зажгли свечи, постояли, помолчали. Командор пошел никитские песни. Вот, собственно, и всё.

После все пошли на большой костёр, Асия побрёл на скальник отсыпаться, а мы вернулись к себе.

На следующий день перед уходом забежала на стоянку к Командору, взяла эмблемы.⁵¹ Видела Ваньку Мамонта. Поболтали с ним. Уже в августе он собирается стать папой. Вообще как-то спокойнее стал, мягче. Кстати, ещё один наш общий знакомый в августе будет папой. Знаешь, кто? Рыжий. 3 июня у них со Светкой была свадьба. Вижу его в Гульбарии. Бегает весёлый и до обалдения счастливый. Передаёт кучу приветов и спрашивает, когда у тебя будет отпуск.

И вообще все сейчас в делах: Асия музицирует, Обжора со Стеноляпкой уехали в Прибалтику, Лягушка работает в Питере, Змей Зелёный завербовался в Магадан в геологическую партию, Людмила сдаёт экзамены (опять у неё что-то не ладится с институтом). Заехала к ней на неделю, привезла послушать чимганские кассеты. В начале месяца была у твоей мамы и на время попросила твои кассеты – страшно соскучилась по ним. Каждая песня – какое-то воспоминание, словно окно в старый родной мир. Заслушивалась Луферовым. Помнишь его посвящение Грину? «... женицын, пляшущих в ночи и с гитарами мужчин...» Или про музыканта: «в колодезный квадрат двора...»

Вообще в последнее время без гитары, без музыки, без песен не могу. Кстати! Уже хвасталась Людмиле Павловне, теперь тебе похвастаюсь: я поступила в музыкальную школу. По классу гитары. Конкурс был – 36 заявлений на 12 мест. Прослушивали нас 25 мая. Когда туда шла, трусила ужасно. Огромная пустая комната, в углу рояль и стол, покрытый красным бархатом.

⁵⁰ Для жаждущих концерта был Большой Костёр на нашей стоянке: Зэк, Старый и Мамонт пели на нём. Как и Рашпиль с Лещиной, и много других ребят: кто владел инструментом. Конечно, жалко, что не было Асия и Нади – но, как я понял, они уже выступили. И вполне успешно.

⁵¹ Когда Надя заходила к нам на стоянку за эмблемами, я высказал ей “некоторое фи”, что она не пришла на Большой Костёр, – в ответ услышал “фи” гораздо больших размеров за то, что мы не взяли её в этом году с собой на Чимган. То есть – в Ходжикент, на “поминки по Чимгану”. Конечно, мы препинались иронично... Тем не менее, некоторая взаимная обида “имела место быть”. В мой адрес не вполне справедливая: кто хотел из никитян поехать на Чимган, всегда ездил. Например, в следующем году, когда мы с Ольгой не наскребли нужной на авиабилеты суммы (на поезде же не успевали по времени: жмотливое государство из четырёх официальных календарных майских праздников один день объявило субботником, а второй просто оторвало и “приплюсовало” к отпуску – предоставлять же честно заработанные отгулы негласно было запрещено) часть никитян, в том числе младший брат моей жены Ольги, смогли поехать. Я – нет. О чём ни на кого не ругался. < Разве на паскудную эпоху и не менее паскудную власть. >

На столе цветы, а за столом 14 человек приёмной комиссии. И все в ожидании смотрят на тебя. Страшно. Я пела “Окрасился месяц багрянцем” и переминалась с ноги на ногу, чтоб незаметно было, как колени трясутся. Со страху пела громко, вдохновенно и с чувством. Понравилось. Меня даже до конца прослушивать не стали, сразу сказали, что зачисляю.

Сейчас бегая по нотным магазинам в судорожных поисках нужных учебников. Оказывается, это страшный дефицит. Пока купила только нотные тетради. А ведь у меня ещё и гитары хорошей нет. [...]

Надежда, 29. 06. 84.

* * *

– Привет, Ванька!

[...] В эти выходные подбила я своих туристов опять съездить в Никиты. Обещала сводить вниз и показать Систему. Они для вида поломались, но согласились. Всё-таки любопытно. Привезли с собой кучу плекса и какие-то совершенно неподъёмные аккумуляторные фонари. Видимо рассчитывали, что будут ходить по огромным подземным залам с натёками, сталактитами, сталагмитами и прочими пещерными атрибутами. Пришлось их разочаровать и сказать, что с такими фонарями они сразу же на входе и застрянут. Так что они были вынуждены махнуть рукой на вредность и идти на плексе.⁵²

Ты бы видел, с каким скептическим видом они осматривали вход! Весной Эгипет замыло и теперь он стал совсем узеньким. Ребята не решались сунуться туда головой и, вопреки моим советам, полезли вперёд ногами. Конечно же, разворачиваться беднягам пришлось в той луже, которая набралась во впадине входного шкурника. Потом сидели у Журнала и чертыхались. Их можно было понять – для непривычного человека поваляться в грязи не совсем обычное и не очень приятное ощущение.

Когда сидели у Колокольни, Димку смертельно перепугала кошка Машка. Как тень, неслышно вышла у него из-за спины и вспрыгнула на колени. У Димки сделалось такое лицо!.. будто по меньшей мере тигр на него прыгнул.

Сводила ребят до Шкварина (теперь я сама туда дорогу знаю, вот! Похвали меня). Поставили свечу, посидели. Потом ходили к Водокапу, посмотрели Унитаз. Заглянули в Подарок. Там я рассказала ребятам “страшную историю про то, как одна девочка заблудилась в Сетке и уползла в дальний

⁵² Пресловутая “вредность” испарений горящего плекса – миф. Во время никитской борьбы “плексуал-озабоченных” с “плексуал-шовинистами” мы провели несколько полноценных химических исследований, в результате которых выяснили: *все продукты горения нормального, “правильного” плекса – H₂O, CO₂ да C. В самом чистом виде.* Желаящих опровергнуть это моё утверждение посылаю в любую лабораторию органической химии; пытающихся ходить вместо плекса на полистирольных обломках или кусках плекса со впаянным в край поливинилхлоридным кембриком — к психиатру.

грот Ловелас”⁵³.

Ползали мы часов семь, все коленки посбивали. Вообще-то Никиты на ребята здорово подействовали. С них очень быстро послетали насмешливые ухмылочки. Они сразу сумели почувствовать основное: полную отключённость от внешнего мира, отрешённый замкнутый дух Системы. Обычно сдержанные и серьёзные, они веселились, пели, хохотали до упада. А в кошку Машку просто влюбились.

Кстати, Димка очень здорово ориентируется под землёй. Прирождённый талант. От Шкварина сам, без единой подсказки дошёл до Б-Чердака, сам узнал Руки Вверх и дальше, не тыкаясь в стороны, дошёл до Журнала. И только тут, у самого выхода он свернул не в ту сторону и полез в Эретик.

Вылезли мы часов в семь вечера. И сразу как в тропики попали. Пока были внизу, прошёл дождь. Воздух горячий, влажный. Травы высокие, выше пояса, мокрые и тёплые. Раздвигаешь их, и прямо в лицо жаркая душистая волна. Парит. С деревьев капли падают. Солнце уже на закате, лучи красноватые и всё вокруг сверкает. Красотища! И так здорово стало, что мы живые, молодые. Резкий приступ любви к жизни. И какое-то щенячье настроение. Скатились с пригорка, прямо через мокрую траву выскочили на дорогу и побежали к роднику. Бежали, поскальзываясь на размокшей глине, – смеялись, пели. Подбежали к роднику, скинули комбезы, одежду и друг за другом побультыхались в Рожайку. Перед плотиной, где поглубже. Плавали, пока от холода гусиной кожей не покрылись.

Когда возвращались на стоянку, опять пошёл дождь. Тёплый и светлый, настоящий летний дождь. И так хорошо было, что мы даже капюшонов не подняли. Или и мокли. На стоянку явились – выжимать можно. А там Ольга нам уже обед сделала, чай, а к чаю целую литровую банку земляники насобира-ла. Достали сухое вино Чёкались кружками, пили и всё смеялись, смеялись, никак не могли успокоиться.

Уже когда стемнело, я схватила Ольгу и мы опять пошли на Рожайку. Залезли в заросли, сняли купальники и плескались гольшом.

Ночью все заснули мгновенно. Так сладко всхрапывали, пушкой не разбудишь. Ольга во сне губами чмокала и тихо-тихо поскуливала, а в ногах периодически дёргался и тоже поскуливал её щенок.

А я как-то сразу не заснула. Может, слишком возбуждена была, не смогла быстро успокоиться. Лежала и думала.

Я уж привыкла к тому, что после таких всплесков лёгкого радостного настроения в голову лезут довольно-таки невесёлые мысли. Точно также бывает, когда я сталкиваюсь с чем-то таким, что вызывает воспоминания. Например, с Никитами. Поэтому стараюсь, ради собственного спокойствия,

⁵³ Нетрудно догадаться, кто это был. Два часа вся Система стояла на ушах – а она спокойно сидела в Подарке... Названном ею Ловеласом потому, что в самом Подарке никаких надписей на стенах нет. («Где там моя ловеласиха?» – частенько после этого случая вопрошал Ваня-Крэйзи, появляясь в Девятке.)

бывать там гораздо реже. И желательно с чужими людьми. Так проще. [...] не хочется, чтобы напоминали о прошлом. [...]

А вообще равнодушным легче жить. Полужизнь, полусон. Дни одинаковые, быстро-быстро бегут, совсем не запоминаются.

Сейчас всё ещё ношусь по магазинам, никак учебники не найду. Зато купила гитару. Ленинградского производства в шикарном непромокаемом чехле. В общем-то гитара, конечно, не классическая. Обычная штамповка. Но звучит вполне прилично. И мягкая. Когда выбирала её, продавца замучила. Штук десять гитар пересмотрели. Но в целом я довольна, на первое время сойдёт. [...]

– Пока. Твоя Надежда. 22. 07. 84.

* * *

Станным и непостижимым образом складывалась наша спелестологическая жизнь в середине восьмидесятых. “Катахреза” и “калейдоскоп” — эти два слова приходят на ум, когда я пытаюсь сколь-нибудь кратко охарактеризовать её. В самом деле:

Хаджи под эгидой “Сокольников” (точнее, под руководством и в компании Гнома и Жени Романюк) в гипсовые гиганты Подолии – Оптимистическую, Озёрную, Кристальную, Млынки, Золушку,— и с группами SCO на Чатыр-Даг и Караби-яллу. Физиолого-биоритмические погружения с Гномом и Женей в Понеретку и самостоятельные поисковые хаджи по Новгородской области в поисках исчезающих под землёй речек и новых заброшенных каменоломен. Исследование монастырских подземных ходов в Коломне и Владимире, Радонеже и Новом Иерусалиме, поездки с ветераном спелестологии, давшем ей Настоящее Имя, Игорем Юрьевичем Прокофьевым в Вороново,— биоэнергетический поиск тамошних подземных ходов,—

: по завершении “лозоходного образования” тут же применённый с успехом в Старице —

: Поездки в полюбившуюся никитянам Старицу следовали одна за другой. Какое-то время даже было: в Старицкие пещеры мы ездили чаще, чем в родные Никиты.

: Каждая поездка туда давала километры новых Систем — против “как бы затупиковавшихся” Никит.

После прекрасных Чимганов и их поминаний в Ходжикенте – экспедиции-продолжения на плато Акбулак, сулившее трёхкилометровой глубины пещерных рекорсменов. Кто-то в “свободное от Никит время” увлёкся Кавказом; даже успел побывать в Снежной. Кто-то ездил в КиЛСИ, в Кап-Кутан.

Крымские и Подольские пещеры воспринимались на том же уровне, что родные Никиты и Старица.

Ежегодная летняя каунасская экспедиция – дивное сочетание “военно-исторического следопытства”, спелестологии, детективного расследования – и

кейв-дайвинга.

Осенняя московская спелеонавтическая конференция 1984 года, проведённая у меня дома, дала зримый стимул нашим подземным Пребываниям. Манили загадки САЯ и неуловимых, но явственных космических ритмов Планеты,—

: Ритмов всего живого,—

— естественно, новые никитские пребывания, групповые и одиночные, не заставили себя ждать.

Знакомство с чешскими и немецкими (и чуть позже — со шведскими, финскими, французскими, голландскими и американскими) спелеологами не только сделало Никитский Круг интернациональным, а записи в наших входных Журналах “многоязыковыми” — открыло нам Чешский клуб на улице Фучека. И в годы, когда обычные московские ДК были “намертво закрыты” для спелеовечеров и концертов самодеятельной песни, в этом клубе чередовались спелеовечера со снятыми нами подземными слайдфильмами, и выступления признанных бардов. [“Иваси”, например, годы после этих концертов не без радости вспоминали про то, как они выступали “на территории Чехословакии”,— однако, это не вполне соответствовало истине: территория Чешского клуба хоть и была неподвластна репертуарному руководству гэбухи, юрисдикцией посольства не обладала.]

При этом у меня дома и в “родных Никитах” возобновил свои семинары Подземный Университет и, несмотря на семейные оковы, были продолжены квартирные и подземные концерты приглашаемых бардов и рок-музыкантов,—

— один за другим следовали прекрасные подземные сейшэны, выпуск новых газет-маразматок, поездки на слёты — в том числе на любимые никитянами слёты МиД, что устраивали в подмосковных Опалихе и Аникеевке “Маркиз-и-Друзья” — так плотно сошедшиеся с Никитским Кругом, что многие приходящие на этот слёт не различали: это слёт каэспэшников или спелестологов,—

: триумфальное выступление Никитского Круга в 1985 году на осеннем слёте “Яузы” —

: *“ПСИХООЛОК” Асисяя и Мамонта. Рождённый из утреннего прикола-импровиза на слёте памяти Виктора Шагала в 1985 году,—*

— О, сказочный взлёт 1985 года! Сколь светлого было в нём, сколь общего для всех и радостного!..

: по космическим тридцатишестилетним циклам этот год был — Год Единения. Год подъёма.

Год творческого взлёта —

— парения, роста.

Имена — и какие Имена! — всходили на песенном небосклоне и занимали положение звёзд: Мирзаян, Устинов, Бережков, Семаков, Берг, Ткачёв, Якимов, Лорес, Болотин, Стриж, Басин, Певзнер, Луферов, Капгер, “Васильев из Харькова”, «Иваси» — “Иващенко-и-Васильев”, “Жуков-с-Калашниковым”,—

— поднявшие Слово автор-

ской песни на высоту истинной Музыки, и музыку – на Высоту Слова.

: песни многих из них, даже если были написаны раньше, именно в эти годы оказались нужны и востребованы. Не единицам ‘эстетов от жанра’ — людям.

*“Официально” движение самодетельной (точнее: авторской) песни не существовало — Московский городской клуб был разогнан в 1981 году вслед за почившим Грушинским фестивалем, Рижским и Питерским КСП; в следующем, 1982, наступила очередь Чимгана. Причём власть, обратившись к борьбе с самодетельной песней по завершении “официального разгрома” диссидентского движения, не сильно напрягала извилины для изобретения причин разгона: привыкшая врать, врать и только врать – и верить, что любое сказанное ей слово обсуждению и сомнению не подлежит (ибо врала она и себе – как же без этого), власть совков разогнала Ленинградский городской фестиваль “исходя из экологической обстановки”; Грушинский “в связи с проведением Олимпиады” < лично я до сих пор не могу уловить связи – тем более, что Липочка должна была состояться только через месяц и за полторы тысячи километров >; Рижский “за отсутствием места для проведения” (при том, что химкомбинат в г. Олайне был только за проведение фестиваля и ежегодно предоставлял как то самое место, так и аппаратуру для озвучки и подсветки концерта) — Чимган же, перепробовав несколько психопатических версий (от “метеоусловий”, предсказанных за три месяца, до “селеопасной обстановки”, о которой местная КСС слухом не слыхивала), разогнали под вовсе невиданным предлогом: **эпидемии ящура, внезапно вспыхнувшей на поляне слёта. СРЕДИ ЛЮДЕЙ** – которым, чтобы локализовать эпидемию, было приказано срочно “разойтись в разные стороны и больше двух не собираться”...*

— но что нам было “официально”?.. Как известно, к развитию жанра и написанию Авторами новых песен официальные “клубы самодетельной песни” имели не большее отношение, чем официальные секции спелеологов к поиску и первопрохождению глубочайших и величайших пещерных Систем. А посему домашние концерты следовали один за другим, и каждые выходные – замечательные лесные слёты: “такие неаполитичные, такие неофициозные”...

Чередуемые с новыми подземными открытиями и свершениями, дивными перформансами и праздниками.

: Жизнь вновь казалась наполненной и прекрасной. Ощущение развития, роста переполняло её. И кто бы каким пальчиком нам не грозил – преломили совковую вяжущую серость. Обороли её в своих душах.

И душах друзей.

— Какие чувства испытывали они, вырванные армейским чёсом из бытия Никитского Круга тех лет, можно представить по следующим письмам:

*Гитара в вагоне плачет –
 Что это, братцы, значит?
 Плохо ли гитаристу
 Или друзьям его плохо
 Или на чьём-то пороге
 Душу свою заначил —*

Неопределённо.

*И ничего конкретного
 В грусти той солдатской,
 Но болит мелодия тоской*

Стекает

*Тонкой струйкой голоса по пальцам
 В пространство общего вагона
 Голос из репродуктора:
 «До ближайшей узловой станции...»*

Моноotonно

*Будто не выспался крайне
 Тишина. Если стук колёс
 Можно назвать тишиной
 И гитара: «Я вернусь, мама...»
 Снова противная плачет –
 Что это, братцы, значит?..*

– Здравствуй, дружище!

Думаю, ты уже всё понял из адреса. Ну то что местность полностью соответствует названию – можешь не сомневаться. Сижу в тайге, и кругом мишстые кочки, берёзы, ольха, чуть-чуть камыша и великолепные пушистые сосны. У нас до сих пор идёт снег – хотя, впрочем, тебя этим удивить трудно. Ты бывал в таких краях, где два месяца осени, а остальное – матушка вьюга. Как сюда попал? Сказал одному cretino с полосками-просветами, кто он, только и всего. Первые дни здесь тоже описывать не буду. Ты опять всё прекрасно поймёшь. (Стал избегать длинных пояснений.)

Как у тебя со временем, Comandor? Честное слово, я прямо не знаю, удобно ли. Не посчитай меня нахалом – очень прошу. Если не сможешь, так и напиши. Я же знаю, как вам там нелегко приходится. Только здесь появилась такая возможность!.. Понимаешь, есть магнитофон. Совершенно новенькая (с 0) “Нота-203-1”. И вполне реально до неё добраться. Только если будет трудно, то ничего не нужно, хорошо? Можно же и потерпеть. Конечно, возникнет финансовый вопрос. Созвонись с моей мамой, она в курсе. Это же замечательно может быть! Представляешь, два года не теряются – я с вами. Пусть хотя бы на плёнке. Авторская песня настолько со мной, что... Услышать, снова, голоса Лореса, Луферова, Стрижа и многих других. Которых слышал мельком в наших Никитах или не слышал совсем! Что же ты сотворил

со мной, а? Дикая ностальгия по нашим вечерам и походам под землю, – никогда я не жил так полно, как в последние месяцы перед армией, никогда.

Не хочу выплёскивать горечь в письмах к тебе, но это получается невольно. Достаточно обмолвиться раз и потом поток уже трудно остановить. Просто опять один. Постоянно убегаю от одиночества, и чем больше убегаю, тем всё больше его не хватает. «Толпа, идущая в метро...»⁵⁴

Ты очень натурально пишешь. Что, как, чем вы сейчас живёте? Нужны ли мы вам по-прежнему? Вот дурак, будто ищу каких-то гарантий для возвращения. Не обращай внимания, просто, наверное, устал...

Бывают у меня такие приступы великой депрессии.

Пиши. Жду. Жму лапу.

Мой адрес: 633350, Новосибирская область, г. Болотное-4, в/ч 21661.

В. К., 9.05.86

* * *

– Странно и необычно устроен мир!

Ты просто не представляешь, Серёжка, как я рад. Вышел на омское КСП, совершенно случайно познакомившись с замечательным парнем. Нашёл меня он. Просто обнаружил как-то в моей тумбочке одну паршивую брошюрку о теологии, подошёл ко мне, разговорились. И столько всего сразу: индийская философия, КСП – и много, много чего ещё. Долго объяснять, но я наконец понял, к чему шёл так долго, так бессистемно, влекомый одним подсознанием.

У этого парня (его зовут Борис Алхимов) есть довольно стройная теория взаимодействия биополей – а главное, он стремится к тому же, что и для меня является первоосновой; тем, для чего я должен жить и жил, в общем-то, до этого. Ты, конечно, слышал о Художниках жизни (думаю, ваш Никитский Университет – явление того же рода). А почему бы не воспитывать их в нашей обстановке? Получается же у тебя в Никитах. Мы не тешимся иллюзиями – прекрасно знаем, на что идём и что это от нас потребует. Это не фанатизм, это добрая вера в человеческие возможности и свойства души. И что самое главное, это диктует само время. Никогда ещё не складывалось такой благоприятной обстановки: люди стремятся объединяться, появляется масса клубов, сект и Бог знает, чего ещё. Именно стремятся – творчество возросло невиданно (ты сам говорил на последнем – для меня – подземном Университете о циклах истории, социальных и творческих, – и знаешь, ты, видимо, прав: сейчас именно такой цикл, творчески-положительный). А ведь Творчество и есть основная функция подсознания, реализация духовного “я”. Извини за примитивность высказанного и за то, что повторяю, как попугай, вещи, тебе прекрасно известные. Просьба: пришли свои исторические выкладки по “большим циклам”, нам это очень нужно.

Борис шёл к разделяемым тобой идеям аналитическим путём; я чисто

⁵⁴ Цитата из Ю. Лореса, «Поминки по Арлекину».

интуитивно. И всё-таки мы встретились. Ты отлично представляешь, что это такое в армии. Это какая-то сверхъестественная канва – вначале наша с тобой встреча, теперь моя с ним.

НЕ БЫВАЕТ ТАКИХ СОВПАДЕНИЙ “ПРОСТО ТАК”.

Боря – “очень турист” и “очень песенник”. Хорошо знает Устинова, Ланицберга. Но это не столь важно, в конце концов, это не рекомендательное письмо. Просто в Омске рождается очень интересная форма КСП – свободный клуб любителей песни, который, слава Богу, не дался в руки ни одной официальной организации. У них есть связь с Москвой, но очень ненадёжная и тоненькая. Им очень сложно выйти на вашу верхушку и на серьёзных авторов. Они ещё очень мало знают – но главное: **хотят и уже делают**. Им очень нужно помочь. Я дал твой адрес, так что скоро жди писем. Будет лучше всего, если ты пригласишь их представителей на ваши слёты. Представляешь, они очень интересуются Луферовым и совсем не слышали Лореса (!!!).

Честное слово, волнуюсь, как ребёнок, и тороплю, тороплю почту – чтобы это письмо дошло как можно скорее. И, Командор, очень необходимы хотя бы тексты, – гитара здесь есть.

Обязательно напиши о том, как вы съездили в этом году на Поминки по Чимгану. Собирались ведь всем Никитским Кругом, – получилось? Много ли было народу из других городов? Твоего письма об этом пока нет.

Да, самое главное: Борька уже полгода здесь, в части, пробует что-то делать – и знаешь, люди стали думать. А теперь нас двое!

Очень хочется верить, что когда мы с тобой встретимся, я посмотрю в твои глаза и скажу, что это время прошло не зря. А сколько ещё предстоит “на гражданке” ...

Привет нашим фантастическим Никитам. (Показал твоё письмо с описанием старицкого выезда на АНГ⁵⁵ – и Борис, кажется, не прочь посетить Мир Подземли. Уж очень заразительно ты “шкрябаешь”. Продолжай в том же духе – и спелеологов в Нашем Мире прибавится!)

Пиши. **ОЧЕНЬ ЖДУ!!!**

В. К., 15.05.86

* * *

“Прекрасной музыка была...” И прекрасной была эпоха. Не та, что догнивала на поверхности — что творилась в наших подземных окоёмах и душах.

Но у любой прекрасной эпохи бывает конец.

⁵⁵ Астрономический Новый год.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ: ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ ЧЁРНОЕ

“Вот какая странная эпоха...”

: А. Галич

Движению самодеятельной песни ликвидация существовавшей “официальной системы” пошла только на пользу. Жанр избавился от балласта комсомольских руководителей и их трёхаккордных протезе — не удивительно, что подлинный *творческий взлёт* этого движения пришёлся на годы, когда ни одна государственная структура (за исключением очевидной) к его развитию никакого отношения не имела.

: точно также было на пользу спелеологии отсутствие хоть какой-то официальной организации. Разлагавшей бы нас, как официальная кормушка разложила “организованную советскую спелеологию”.

Презрев совковые мороки, мы сами творили свою жизнь — и были счастливы.

Но в то же время: с каждым годом всё более ощущалось незримое присутствие *Чёрной Тени* —

: *тех, которым до всего в этой стране было дело. Кто придушил диссидентское сопротивление, отрапортовал об успешном завершении “борьбы с инакомыслящей песней” — и придумал себе новое дело по плечу:*

БОРЬБУ СО СПЕЛЕОЛОГИЕЙ.

Ибо мы не только не пожелали “легализоваться”, влившись в стройные ряды официальной “послепереворотной” спелеологии, и не отказались от ‘странных’ спелеонавтических идей и не менее ‘странного’ образа жизни со всякими подземными университетами, концертами, газетами, слётами памяти погибших друзей — выяснилось:

: живём себе и процветаем. Прибавляем к мировому пространству новые подземные километры — не спиваемся, не занимаемся взаимной грызнёй и спелеовоинами... И даже как-то поднялись и вновь “принялись за старое” — хоть ещё в 1982 году получили внятное и последнее ‘совеЦкое предупреждение’: *оставьте свои эксперименты, будьте как все* —

И продолжаем трепыхаться-ерничать в “Сокольниках”, нагло выползая на официальные спелеосцены со своими юморными программами и песенками (добро б ещё — только на каэспэшно-лесные подмости), — срываем овации официальных туристических залов и всячески демонстрируем: *нас не сломать!*

Чего нам с Лещиной и Юликом стоили эти выступления, знали лишь мы сами, — через что приходилось перешагивать в душе, оживляя своими голосами и струнами мёртвые официальные мероприятия — после срыва с таким трудом подготовленного Пребывания и погромной “комсомольской статьи”, —

: приходили на них ради Гнома и Жени, ради помощи прессуемому официальной спелеосволочью любимому клубу — прекрасно зная: все наши выступления и слайдфильмы идут в зачёт именно тем, кто

ненавидит нас лютой ненавистью. Надеяться: пока мы доказываем им, что клуб жив, и пока даём возможность ставить те самые “галочки” в графе проведённых “общественно-массовых мероприятий”, разогнать клуб не посмеют.

— Наивные! Гавномешалка набирала обороты, и влиять на её вращение, тщательно подбирая репертуар и удаляя неугодные прочим акценты, можно было с тем же успехом, что на вращение Земли вокруг Солнца.

Одного не понимали ведущие борьбу с нами: что своими до странности дурацкими действиями лишь прибавляют нам сил. Соединяют нас вместе и придают осмысленность существованию —

Ибо ничто так не сплачивает, как Общий Враг. “Против кого дружите?”

: замечательный вопрос. Очень ёмкий.

«Если бы официального спасотряда не было, его стоило выдумать»,— изрёк Мамонт после помойной публикации в “Комсомолке” в наш адрес.

– дофилософствовался.

Я лично предпочёл бы, чтоб этих врагов у нас не было. Чтоб никто не мешал нам заниматься наукой – или просто посещать полюбившуюся пещеру. Потому что параллельно со всеми нашими пребываниями-экспериментами, открытиями новых Систем, экспедициями, концертами, газетами и праздниками происходило следующее:

* * *

: *Очередная экспедиция Гнома и Жени в Подолию была сорвана.* Сорвана “как бы нашими товарищами и коллегами” – легализовавшись былыми “теневицами от спелеологии”, влившимися в официальный Краснопресненский клуб туристов. В его спелеосекцию, что только с приходом бывших нелегалов и начала, собственно, называться спелеологической. < Чем она занималась до того – не вполне ясно. Однако “с отчётами” всё было в порядке. >

Экспедиция была задумана Гномом, как многопрофильная и комбинированная по составу участников; официально она проводилась двумя легальными спелеоклубами – “Сокольниками” и Краснопресненским. От “Сокольников” ехала сборная Кисели/Никиты. Ни Гном, ни Женя, ни мы в разрешениях МКК для этой поездки не нуждались – Подолийские пещеры контролировали наши друзья и единомышленники, в грош не ставящие “официальных москалей” с их справочками-разрешениями *на посещение чужого спелеорайона.*

: Если бы не Гном с Женей, краснопресненские спелики вообще бы фиг оказались там — какими бы бумажками московского производства ни оснастились.

Но Гном хотел, чтоб “всё было официально-правильно”. Возможно потому, что этим продлевал существование созданных его трудом “Сокольников”,— с которыми официальная тогдашняя московская МКК вела самую настоящую

войну. Возможно потому, что преследовал этой экспедицией *свои спелеомедицинские цели* — и нуждался в официально-корректно оформленных бумагах.

Для официального признания проводимых им исследований.

: Физиология стрессовых нагрузок, энергетический баланс организма, сбалансированное питание в условиях подземного пребывания и прочие достаточно важные моменты интересовали его, как профессионального спелеомедика. Пирометрию планировалось изучать в Золушке, углекислотная составляющая которой превышала норму чуть-ли не в сотню раз — и сравнить эти данные с аналогичными измерениями, проведёнными в Млынках и Кристальной. А также с данными, полученными за год до того в засифонной части Понеретки. И в наших подмосковных каменоломнях.

Планировалось параметрическое отслеживание общей физиологии во время работы в гипсовых пещерах — не столь, конечно, плотное, что можно было позволить себе на постоянном пребывании — но по крайней мере по основным параметрам, что интересовали Гнома.

Заезд участников производился в три очереди: первыми должны были прибыть “квартиреры” из Краснопресненского клуба (под руководством Жени Романюк), за ними ещё два отделения оттуда же (под руководством Гнома) — потом сборная команда краснопресненцев и никитян с киселистами. Основной состав экспедиции.

: Женя сделала всё для нормального взаимодействия москвичей с местными ребятами. По сути, это была *первая такого рода экспедиция московских спелеологов в Подолию* — всё, что было до того, можно именовать “пиратскими рейдами в стиле Илюхина”: стремительно приехал, побегал по пещерам, пока не поймали и не начистили едальник — и делать ноги в Москву. Где, безумно привирая, рассказывать о своих подолийских спелеоподвигах.

Работать экспедиция должна была одновременно в пяти пещерах, плавно чередуя состав участников: чтобы “все осмотрели всё”.

— замечательная разработка, не правда-ли?

: Отделение ‘грязной плесени’, что должно было ехать с нашей командой, на стрелку не явилось. Отделение, что приехало с Гномом, отказалось работать по плану и отправилось в ту Систему, что им показалась интересней для посещения.

Они должны были встречать нас в Черновцах и проводить до экспедиционного лагеря. Тратить время на поездку в Черновцы не захотели — прекрасно зная, что “своих” из Москвы более не приедет.

Осмотреть фантастически красивые пещеры было важнее. Соответственно, измерения и исследования Гнома были посланы “в одну полость”. Не карстового происхождения.

Плюс ко всему ещё одно отделение этих клубных орлов устремилось не в ту пещеру, что была запланирована для работы — а в другую. И “потерялось” по дороге.

: ВОТ ВАМ ПРЕИМУЩЕСТВА РАБОТЫ С КЛУБНЫМИ СПЕЛЕОЛОГАМИ.

: Клубные интересы стали важнее совместной подземной работы. Потому что от вождя гуляния по всем возможным пещерам Подолии с обязательным отчётным фотоувечиванием их сильно отвлекали гномовские планы. И какого такого хрена им нужно вместо гуляния по пещерам мотаться в Черновцы?.. Ради “презренных катакомбистов”???

: Гном считал, что экспедиция была сорвана специально. Ибо руководство краснопресненскими отделениями кто-то “проинформировал”⁵⁶, что третья группа всё равно не приедет, “и это доподлинно” – Гном же, мол, занимается всякой хернёй, на которую нет смысла отвлекаться уважающему себя спелеологу. А потому “работайте, ребята, так – будто никаких никитян и гномов не существует в природе”. “Вы обязаны только родному клубу, и более – никому”.

: Вот как.

Но даже если это не так — экспедиция была сорвана СИСТЕМОЙ. Бессознательно-машинально. Просто потому, что иначе быть не могло.

Окончилась она дракой Гнома с одним из краснопресненских руководителей: тем самым, по вине которого “заблудилась” в Подолии подчинённая ему группа. Заблудилась во время своего “вольного гуляния” вместо оговоренной в Москве работы по официально утверждённому плану. Что было последней каплей, переполнившей терпение Саши.

* * *

Считать этот эпизод началом *чёрной войны* или последним действием *войны коричневой* – не знаю. Но факт: далее пошла эскалация.

— и здесь я должен сделать некоторое отступление.

: Понятно, что из профессионального стукача трудно “на заказ” сделать хорошего спелеолога. Спелестолога подавно.

Но можно запустить “обратный процесс”. Посылами, лестью или угрозами – зависит от конкретной ситуации. Но факт: МОЖНО. К сожалению. И можно поставить человека в такие условия, что он будет вынужден отказаться от любимого дела.

Например: Барон учится в МИРЭА по специальности “засекреченные каналы правительственной связи”. Конечно, государство должно быть абсолютно уверено в каждом, кто получает диплом по данной специальности. КГБ же, без сомнения, давно ведёт наблюдение за Никитским Кругом – я знал это и от отца, и от Л. Н. Жданова, и от В. И. Борзова — от многих людей, в общем. Причин не

⁵⁶ По мнению Гнома (он ссылаясь на частную беседу с Юрой Степанниковым, руководителем одного из отделений краснопресненцев), информировал руководство краснопресненского клуба конкретно Саша Лившиц – тот самый деятель мальцевско-вятчинского “спасотряда”, что пригнал мне на работу в МОГИФК ‘гэбэшную телегу’.

верить которым у меня нет решительно никаких. По крайней мере в подобных вопросах.

Да и мои вызовы в “контору” подтверждали это.

Сомневаться мог только последний даун.

И вот Барона вызывают в деканат, и отечески-ласково намекают: *уверен-ли он, что определился в своём жизненном выборе? Может, пока не поздно, ему лучше по-хорошему перевестись в какой-нибудь МГРИ: ходи себе в пещеры, и не путай жопу с пальцем... Кстати: папа твой живёт на служебной жилплощади; он отставной военный, к тому же в разводе с твоей мамой, а это “не приветствуется” – тем более, что она пишет на него соответствующие письма в политотдел, требует раздела квартиры... В общем, Серёжа, подумай: желаешь-ли ты зла своим близким – и себе в первую очередь???*

: Барон смелый человек. И честный. Несмотря на явную угрозу, приехал ко мне – и всё рассказал. Смотреть на него при этом было страшно. Человек терял друзей, терял Никиты.

Я сказал ему:

– Не звони и не ходи. Гавно вопрос. Получишь диплом — тогда будет видно. Что совок не вечен, сам знаешь. Переждём пару лет.

В деканат МГУ вызвали, одного за другим, компанию Сапиенса. С примерно такими же разговорами. Кроме Сапа, все побоялись приехать ко мне и сказать об этих беседах. Просто перестали звонить и ходить в Никиты.

Сделав выбор “в пользу диплома”.

После вызова в деканат Вася Тихонов сам послал физфак МГУ “на просто фак” – заявив при этом, что официальный план занятий и всякие бессмысленные семинары-зачёты-лабы только мешают ему получить настоящее образование.⁵⁷

: Вызывать в деканат Хмыря, завершавшего своё обучение в МИСИ по специальности подземного гидрогеолога, с подобной мотивацией было бессмысленно — его специальность была самой настоящей спелеологической, и посещение рукотворных подземных полостей получению официального образования никак не препятствовало.

---

⁵⁷ Послав на фиг учёбу, Вася демонстративно остался на кафедре простым лаборантом. “Из принципа”. Что интересно: когда через несколько лет руководство факультета слёзно стало умолять его *восстановиться на курсе*, – было послано Васей туда же, причём, обидевшись, что к нему цепляются “с какими-то прогулами рабочих дней”, Вася вообще уволился из МГУ – перешёл в частную контору. И чуть-ли не до середины девяностых годов, прекрасно понимая, какого потенциально замечательного выпускника потеряло “в угоду политическому моменту”, руководство кафедры раз в год продолжало звонить Васе и уговаривать его восстановиться. Это говорит не только о его принципиальности – но и, в очередной раз, о том, что *дураки в Никиты не ходили*. Не нам было нужно государство со всеми своими бирюльками — но мы ему. Как отдельные представители этого государства в последствии поняли. Но, как говорится, “было уже поздно”.

— Запугать Мамонта, Змея, ЮДА и меня было невозможно. Змей избрал в общении с гэбэшниками замечательную тактику: когда прямо в экспедицию (работал он тогда под Бухарой с археологами) за ним на “козле” приехали гэбэшники, приложился ко фляге со спиртом. И взял её с собой с машину, “будто с водой”. Хорошо хлебнув перед въездом в город.

Так хорошо, что из машины сам вылезти не смог.

– Какой “допрос”?..

Ванька также разыграл перед ними образ “пожизненного никитского алкоголика”. Причём сами гэбэшники в эти образа свято верили – привыкши врать сами себе, привыкши представлять нас *именно такими* — не могли не поверить.

Но для работы с “особо крепкими” были другие способы.

* * *

Летом 1985 года в нашей компании появился некий Максим. Он быстро вошёл в полное доверие ко мне – по-видимому, сделать это было не сложно. Достаточно оказалось пропеть осанну всем моим проектам, идеям и мировоззрению. И при этом ненавязчиво и точно “указать” на тех, кто изнутри разваливает Никитский Круг.

Слава Богу, у Максика случилось пара проколов. Ибо Никитский Круг был много шире, чем представлялось в ГБ. И связывало нас нечто большее, чем, скажем, простую компанию городских знакомых. Или любителей совместного подземного киряния.

: мы уже прошли Зелёную войну. И 1985 год был *Годом Единения*. А не распада – как, к примеру, предидущий.

Потому раскрутить Максика было не сложно. Тем более, когда мы поймали его на том, что он пытался подсадить часть никитян “на колёса”,–

: байка, что в Никиты ходят наркоманы, уже гуляла по московскому спелеомиру. Например, Миша Сохин всерьёз верил в это. И не он один – что отталкивало от Никит и наших исследований тех в московской спелестологии, кто мог сотрудничать с нами.

Откуда ползли такие слухи – не вопрос.

Я отмудохал Максика, предварительно заведя “к Шкварину”. И взял с него подробный письменный документ с описанием его славной деятельности “на благо конторы”. А также – кто там нами занимается и какие планы “имеет в виду”.

: “Хороших людей” в конторе не держали.

И ‘по определению’ настоящий человек не мог замарать себя сотрудничеством с гэбэшной мразью. *Макс был полное сыкло и гавно*,– заложил всех и всё. Документ этот до сих пор хранится в никитском архиве: “на всякий случай”.

И не думайте, пожалуйста, что мы, такие наивные, рассчитывали на эту

бумажку, как на некий “вещдок”, что можно использовать в суде — “признание, вырванное под принуждением” не имеет доказательной силы. Да и о каком “суде” можно было говорить при советской власти?..

: Это был документ против Максика. Ибо в конторе не любят, когда их сотрудники закладывают диссидентам производственные секреты.

Тем не менее, устоять в навязанной нам борьбе было сложно.

Потому что многие становятся стукачами или проводниками “злой воли ГБ” помимо своего желания. Например, трендя направо и налево в искреннем заблуждении под девизом “а кому, мы, на хер, нужны?!”

Трендя в компании, по телефону, или оставляя на столах письма и дневниковые записи — не важно.⁵⁸

: Можно стать доносчиком из банального страха. Будучи пойман на каком-нибудь мелком “социально-опасном проступке”,— или будучи *подставлен* на него,— из страха “загреть в сапоги” (стукачам давали отсрочку),— в общем, путей довольно много.

В “Где дольше Света длится Тьма” я поведал о Третьем Круге (иные называли его “Серый Круг”). НЕ ОТКАЖУСЬ НИ ОТ ОДНОГО СВОЕГО СЛОВА — да, столь пакостное явление “имело место быть по полной программе”.

Многие, официально не являясь стукачами, по жизни своей были проводниками воли ГБ. Например, я никогда не считал, что Володя Мальцев был стукачом. Или А. Вятчин. Как, скажем, и вождь официальной спелеологии Илюхин. НЕГ. *Все они искренне делали своё дело, как его понимали.*

И поскольку эти “дела” шли на пользу ГБ, нам во вред — фореиторы их конторой поддерживались во всех своих начинаниях. По этой схеме был поддержан Илюхин, когда в конце шестидесятых годов московская спелеология должна была объединиться в “единое целое” с чётким спортивным уклоном — а Прокофьев не только не пожелал “спортивно-вертикального уклона” в единой до того спелестологии и спелеологии, но настоял на обособленности спелестологических исследований. В результате чего из “официальной спелеологии выбыл” — перейдя в нелегалы-теневеки вместе со всей своей Группой Краеведов-Спелеологов.

Так ташкентский филиал Комитета поддержал Ирину Хилкову, когда понадобилось развалить клуб “Апрель”; для развала московского КСП был поддержан Каримов.

: Если в неуютном ГБ круге общения заводился какой-нибудь поганец, он лелеялся и пестовался. Ему помогали на всех уровнях. Причём иной раз он сам мог об этом не знать.

---

⁵⁸ Борода из армии слал Пифу письмо за письмом; сидя на “контроле” корреспонденции, он был искренне уверен, что его письма цензуру минуют. Это так. Но Пиф просто складировал их на своём столе,— и однажды его мама (правоверная психопатическая коммунистка), наводя порядок в комнате сына, заглянула в его корреспонденцию. И в ужасе потащила эпистолы Бороды “куда следует”. *И такое бывает...*

Да и “поганцем” зачастую не был — просто стремился к своим целям. Понимая по-своему и общий Подземный Мэйнстрим, и пресловутое русло эпохи. Толерантностью в котором не пахло.

Профессиональных стукачей в Никитах практически не было — но та немногая мразь, что ходила в Систему “не по зову сердца, а по зову службы”, активно шептала на ушко любителям сплетен всякие гадости. И эти любители делали работу за профессионалов. Так в 1981 году Чук настропалил Малого Хенка и его друзей на мордобой “зарвавшегося меня”. Мордобой, как я уже поведал, не состоялся, — но случались и вполне успешные попытки.

Андрюша Череп рассказал в Комитете всё, что знал о подготовке слёта памяти Виктора Шагала в 1982 году — в обмен на посылы помочь со спелеокарьерой. < Мамонт, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не загреметь “по мокрой”, дал ему за это в грызло — больше мы Андрюшу не видели. Но спелеокарьера его, как я уже написал, стремительно “пошла в гору”. Только: *где он теперь, и где его выдающиеся спелеосвершения?*.. Да там же, где прочие бойцы невиданного афронта совковых лет: в полости, не столь отдалённой. >

: Максик успел нашептать в мои и мамонтовские уши о том, что ЮДА “доподлинно работает на Комитет”; Мамонту — что я и Зелёный Змей являемся стукачами-провокаторами. Когда стал бормотать Зелёному Змею “примерно тоже самое”, Змей молча выслушал. И приехал ко мне “разбираться”.

К сожалению, науськанные Максиком, мы с Мамонтом к тому времени уже успели “разобраться” с ЮДА. Такой вот грех.

После визита ко мне Змея Максик был подловлен в Никитах. Дальнейшее — описано.

Но это был один, явный. Которого вовремя “поймали на слове”. Хоть и в самый последний момент: столь хрупко-тонкий, что до грани, за которой могло начаться то, о чём мне не хочется думать, практически ничего не оставалось.

: Прочие работали чище.

* * *

Осень 1984 года прошла в Никитах не только под знаком возобновления Университета, ‘маразматическо-редакторской’ деятельности и спелеонавтических пребываний.

Осень была ознаменована “никитско-жуковской войной”.

По Системе поползли слухи и волокиты; правая часть Никит вновь стала смотреть с подозрением налево — равно наоборот, — но, как уже сказал, “мы были не те”. Несмотря на “упадочный год”, практически мгновенно вычислили, “кто портит в Никитах воздух”.

: Они никогда не умели работать по-настоящему. Делая ставку на наглость, нахрап, подлость и опираясь в своей работе на разных гавнюков, *по определению не могли выиграть*. Но крови попортить — весьма и весьма изрядно — были

в силах.

Чем и занимались. Хотя, как обычно, с “несколько мудаковатым уклоном”:

Ведь только гэбэшникам могло прийти в голову заставить заниматься спелестологией официальную бригаду комсомольских помощников партии – были тогда такие, наследие Олимпиады: *комсомольские оперотряды*.

В данном случае из города Жуковск. Московских, наверно, не решились посылать из-за боязни случайного опознания. Никитский Круг – он широк и непредсказуем. Не из одного Юго-Запада столицы состоял, – слава Богу. И как уж поведал – не только из “любителей одной пещеры”.

Но Жуковск не такой большой городишко. Хоть и центр подмосковной авиакосмической промышленности.

: Пуля и Ромка-Президент были из Жуковска. Они и опознали ребяташек. Как КГБ мог прохлопать это дело – “уму не растяжимо, товарищи”. Наверное, в силу своеобразного для этой конторы непрофессионализма. Привыкшие всей мощью своей репрессивной машины обрушиваться на тех, кто в принципе не мог оказать сопротивления, – утонув в фальсифицированных “делах”, они были просто не пригодны для настоящей работы. Читайте диссидентов – например, Буковского. Везде и всюду, где у кого-то доставало смелости не сидеть перед ними таким загнипнотизированным кроликом — удавы ГБ буксовали.

Так было и в нашем случае.

Мне говорили потом: ну что ты в своих вещах их так принижаешь, – пойми: говоря, что враг слаб, ты обесцениваешь свою над ним победу.

— Нет, нисколько не принижаю. Они были сильны, *патологически сильны и всемогущи* – что и подвело их в конечном итоге. Безданность и уверенность в своих силах не позволяла им передуть нас, как котят – а не наше, пусть и вполне реальное, внутреннее превосходство.

Что же до *лёгкости победы* — и победы особой не было, и лёгкости.

Хотя: как сказать. Что мы-таки отстояли родные Никиты – Победа. Что не сломались, не ссучились – тоже. Да только...

Кто-то вразумительно сказал: «Говорят, что счастье – в борьбе. Но если борьба состоит в том, чтобы увёртываться от плевков — какое же это счастье?...»

* * *

*: Победителей не судят.
Победителей — не судят,
Потому что их на свете
Не бывает никогда:
Лишь окончится сраженье —
Обернётся пораженьем
Для обеих стран и армий
Время ратного труда.*

*Победителей — не будет.
 Победителей забудет
 Поколение, которое
 Ещё не родилось —
 Ежели ему случится
 На свет Божий появиться,
 Неужели всё наследство —
 Нетерпение и злость?..
 : На измученной планете,
 Расчертив её на клетки,
 Всё играют в игры дети,
 Закалённые в борьбе.
 Затвердив из всех понятий
 Только “свой” и “неприятель” —
 — Ах, из мыслимых занятий
 ЧТО МЫ ВЫБРАЛИ СЕБЕ?..*

: строфы Серёжи Лещины, передающие *наше отношение* к навязанной нам “войне” — по крайней мере то её понимание, что сложилось после.

По-моему, Сергей сказал удивительно точно и ёмко. За всех нас.

Спустя какое-то время. Но поскольку я веду свой рассказ о времени ином — буду вести его так, как мы тогда думали. В том эмоциональном ките и той лексике, что неизбежно следовала из него.

Ибо любое “переписывание событий” — пусть даже не в фактическом, в эмоционально-нравственном отношении — ЛАЖА.

Попытаемся её избежать.

* * *

: Мамонт засандалил стоявшим в Хате жуковцам *такой волок, что мощность его можно было измерять в терамарсах*⁵⁹. Или в гигатопорах.

Одна беда: по сложившейся тяге воздуха всё это добро понесло по Централке в сторону МЖД8М (столб радикально чёрного дыма с желтоватыми и зеленоватыми сполохами валил из входа в Систему около трёх с половиной часов) — жуковцы вышли через Эгипед.

В волок попала пара наших ребят: Македонский и Индикатор.⁶⁰

⁵⁹ “Марс” — садовая дымовая шашка, применяемая для окуривания плодовых деревьев и кустарников от вредителей; в Силикатах служила основной единицей измерения мощности волока.

⁶⁰ В волок всегда попадают не те, кому он предназначен — а совершенно посторонние люди.

Визуально от негров их было не отличить. Выдавала речь. То есть мат, что следовал непрерывно.

Уходя, жуковцы в Журнале написали, что покажут Мамонту, где раки зимуют с помощью “кислотного слива от самолётов”.

: затаив дыхание, никитяне ждали следующих выходных. И готовились. Основной вес рюкзаков был – сера, бертолетка, ПХВ, целлулоид, фосфор, нюхательный табак, старые мамонтовские носки и около 10 кг сваренного Змеем “холодца”: “фирменного никитского блюда”, в состав которого входила пенорезина, пропитанная варёной в скороварке смесью бензина, серы, нитро-краски, парафина, бертолетки и фосфора. Не буду разбирать, что делал в данной смеси каждый ингредиент и как он влиял на физиологию организма, попавшего в холодцовые миазмы,–

– дабы не разлагать подрастающее поколение спелестологов. Как не буду описывать технологию приготовления этой смеси: не зная её, рецепт повторить не удастся. Скажу лишь, что применение “холодца” под землёй во многом аналогично ядерному взрыву на поверхности.

В качестве личного оружия применялись короткие алюминиевые трубки, герметичные с одного конца и имеющие маленькое выходное отверстие в противоположном. Заткнутое охотничьей спичкой. Внутри трубки была магниевая стружка с бертолеткой.

Были и более крутые средства.

: Жуковцы не пришли.

Мы ждали их на выступе холма над входом в Систему,– не спускаясь внутрь,– и весь выход нас нещадно поливал дождь. Вначале мы не зажигали костра из-за маскировки.

: Потом, когда лагерь “поплыл”, стало поздно.

Это была “самая прескверная ночь в тоскливом октябре”.

Но она окончательно сплотила Никиты.

«Даже если б жуковцев и не было, их стоило выдумать»,– стуча от холода зубами, под утро произнёс Мамонт.

: Фраза становилась ‘бестсерриром’.

Жуковские комсомольско-оперотрядные спелестологи не появлялись в Никитах довольно долго: месяца два. То-ли действительно “переконили” наших бойцов спелеохимвойны – сочли, что никакие запущенные в оборот сплетни не стоят погубленных лёгких,–

То-ли, выполнив определённые предписания партии, стали временно не нужны. А может, “и то и другое вместе взятое”.

Потому что этот период с нами работали по-иному. В качестве примера приведу историю, случившуюся за год до того –

* * *

3 декабря 1983 года умер мой дед; организация похорон и забота о бабуш-

ке, маме и её сестре выпала на мою долю. Родители мои родом из Ставрополя. Пришлось срочно лететь туда – тем же вечером, как пришла телеграмма. Ближайшим рейсом самолёта, заняв деньги у соседей.

На следующий день с утра позвонил по межгороду на работу – предупредил, что три положенных по закону дня не появлюсь. О чём предоставлю соответствующую справку. «Да, конечно, Серёжа, мы всё понимаем», – гуманно согласилось начальство.

Вернулся, как обещал; как обещал, предоставил соответствующий случаю документ – копию свидетельства о смерти.

22 декабря получил интересное письмо из КГБ. В котором мне открытым текстом предлагалось обратиться к ним по вопросам трудоустройства. Позвонив по знаменитому контактному телефону, что начинался на три двойки, спросить “тов. Воздвиженского А. А.”. «Что за бред, – подумал я, – я же работаю, и они об этом прекрасно знают!»

: Ну да. Только знали они, конечно, больше, чем я.

Это к вопросу о силе, лёгкости, превосходстве – и прочем.

: После Нового года меня вызывают в ОК⁶¹. 18 января, если быть точным.

Через несколько дней начинался мой отпуск. Планировал его посвятить жене и дочке – она вот-вот должна была появиться на свет. В ОК мне было сказано, что меня увольняют “по 33-й статье КЗОТ – за прогулы”.

: ни одного прогула у меня в жизни не было. На работе я не то, что был на хорошем счету, – это было исключено, ибо на каждую мою работу после очередного трудоустройства вскоре приходило письмецо из КГБ, где начальству *не вменялось в обязанность* создавать мне льготные условия для трудовой деятельности. Я платил “примерно тем же”: выполняя свою работу ровно “от сих до сих” < любую совковую работу с равным успехом можно было делать в поте лица своего с опережением плана/графика, делать точно в срок, делать медленно, или вовсе не делать: ничего это не меняло >. Что меня можно было обвинить в “занятиях посторонней деятельностью” – конструировании и испытании, скажем, своих схем, приборов и звуковой аппаратуры — так в этом с тем же успехом можно было обвинить весь институт. Кроме, разве, уборщиц. Это была самая нормальная и устаканившаяся совковая практика⁶², – главное,

⁶¹ Отдел кадров в совковом учреждении; кстати – события эти происходили одновременно с описанными Надей Крэйзи в её письмах к Ивану.

⁶² В 1989 году, положив на совковые работы всё, чего они были достойны, я занялся промальпинизмом. И вот, когда мы мыли окошки в одном ‘совершенно-секретном’ научном учреждении на Ленинском проспекте, я заметил забавную особенность: *ну никто из сотрудников – абсолютно никто! – не занимался работой. Кто курил, кто читал газету, журнал или книгу (один мужичок, закрыв глаза, занимался онанизмом – судя по кабинету, среднего размера начальник), – кто пил чай или кофе; иные вязали, болтали по телефону, трендили о чём-то своём, – в общем, НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК РЕАЛЬНО НЕ РАБОТАЛ. Мне даже стало немного обидно: какого же тогда хрена я так*

запланированные по “социалистическому соревнованию” работы я сдавал точно в срок. И был бы я скверным сотрудником – разве послали бы меня, – простого техника, не инженера! – на отладку электронных весов, предназначенных для взвешивания делящегося урана? Причём — прикомандировав при этом к соседней лаборатории. Что, собственно, и занималась конструированием этих весов – да не нашла сил (или достаточно грамотного сотрудника в своих рядах), дабы довести разработку до рабочей фазы.

Впрочем, я говорю банальности.

Выяснилось, откуда прогулы: оказывается, мне их записали в то похоронное отсутствие. Дескать, я *заранее* не представил необходимых документов, не предупредил, не взял дни “за свой счёт” — в результате автоматом был поставлен прогул. И назад ничего не вернёшь. Поскольку увольнения не избежать (ох, как им жалко меня, понимают, суки, что не виноват – но, поверьте, НИЧЕГО поделать не могут: “закон есть закон”) – предложили уйти в заслуженный отпуск. А вернусь, получу трудовую книжку – и в путь. Заодно за время отпуска подыщу себе новое место.

: Ага. Без трудовой. Или позже с ней – содержащий такой штамп, с которым только в магазин грузчиком.

«Уволят – всё равно без работы сидеть, – подумал я, – так хоть поработаю ещё две недели, 60 рублей на дороге не валяются, – заодно и отпускные по выходу получу».

И отказался уходить.

: Неделю трясло, ничего не мог поделать. Но трясло не только меня – профорга института тоже. От посленовогодней ‘белочки’. А потому он никак не мог взять в руки ручку, чтоб подписать приказ о моём увольнении. СОВОК: по бюрократическим правилам меня не могли уволить без подписи “треугольника”. *Это ещё раз: не к нашей силе – их слабости. Которая от чрезмерной силы-то и получалась.*

Через десять дней профорг вышел из запоя. “Но было уже поздно”: 23 января у меня родилась дочь Иришка.

Зашёл в ОК и потребовал, чтоб поздравили.

– Надо было видеть эти кислые рожи!

Уволить они меня теперь не могли *по закону* – хоть весь обрасти прогулами! – а за не выполнение наказов “КГБ по головке не гладил”.

: Так вершина Чимгана спасла меня от крайне несвоевременного увольне-

искренне вкалывал в НИКИМПе?.. И вдруг, уж в самом конце рабочего дня, за одним окошком увидел склонившегося над столом техника-лаборанта. В поте лица своего он увлечённо тыкал в схему паяльником. «Вот это да, – думаю, – пять минут до конца работы – а этот герой даже на часы не глянет!» И тут увидел, что схема перед ним по конструкционному расположению деталей мне до боли знакома: бытовой стереоусилитель. Судя по выходным транзисторам (КТ-805АМ) – ватт на 20 в канал: “для дома, для семьи”. «Что естественно — то не стыдно». И уж поприличней разгадывания кроссвордов иль производственного онанизма.

ния. “Над этим стоит подумать”.

... 24 января раздался телефонный звонок.

– Это Сергей Борисович?

– Да.

– Вы подумали над нашим предложением?

– Да.

– Так вы согласны?

– Я не понял из вашего письма, какая работа мне предлагается.

– О, работа очень интересная... Вам безусловно понравится: приличная зарплата, – мы же знаем, у вас вот-вот должен родиться ребёнок...

– Так какая работа: надеюсь, по специальности?

– У нас все работают по специальности, Сергей Борисович. Вам мы хотели бы предложить очень интересную работу: сменный электрик. Это не простая работа, но с весьма удобным гибким графиком; работа не в одном помещении – в городе, в разъездах... День у вас будет практически свободным. Мы думаем, что вы справитесь. Нам нужны такие люди, как вы.

: Намёки расшифровать – или всё понятно? Ходить по гостям, или в отсутствие хозяев ввинчивать “специальные” электрические лампочки вместо обычных. Ставить и снимать “жучки”. И так далее. Конечно, для такой работы нужен человек без комсомольского отсвета в глазах. Желательно, хотя бы начинающий диссидент. Ибо спецсотрудник со стеклянными глазками, сколько бы песенок Галича ни выучил, сколько бы анекдотов про Брежнева ни рассказал – в душе всегда останется гэбэшным чучелом. И провалится в первом же серьёзном разговоре-общении.

В том, что я сломлен, они не сомневались. Ломать да рушить они великие мастера. И не думайте, что они всерьёз надеялись, будто я побегу к ним работать – ими же прижатый к стенке! Нет: расчёт простой — пойду с той целью, чтоб “втихую” предупредить хозяев о том, что у них дома завелась спецаппаратура. Этакая “баба Яга в тылу врага”.

Но коготок увяз – пропасть всей птичке.

– Перезвоните мне, пожалуйста, через неделю, – сказал я. Не говоря “до свиданья”.

: Они не позвонили. Наверное, в личном деле появилась строка: «23 января в роддоме имени Н. К. Крупской⁶³ родилась дочь Ирина».

: Вот такая история – грустная, весёлая и мерзкая.

В результате которой к осени 1984 года у меня остался “неоприходованный” зимний отпуск. Кстати, предоставлять мне отпуск только зимой было доброй традицией любого совкового учреждения, где я работал. В силу получаемых ОК инструкций.

: Отпуск использовал “по назначению” – погрузившись с Бароном в Никиты на две недели.

— *Теперь же мне просто не*

⁶³ Мать-героиня *та ещё*.

давали работать. Закончив отладку “ядрёных весов” и торжественно испытав изделие в командировке в Камнегорск, никакого нового задания я не получил. То есть был вынужден без дела слоняться по лаборатории – если же садился за паяльник, налетало начальство:

– А что это ты тут, братец, паяешь?!

За попытку чтения журнала или книги следовал “втык элементарный, производственный, №1”. Работать стало невозможно; не ходить на работу было нельзя. И тут приходит новое письмо — из пожарной части Останкино. После которого следует телефонный звонок с тем же рефреном:

– Вы получили наше письмо?

– Да.

– Соглашайтесь, Сергей Борисович. Работа – не бей лежачего, ходить по всем помещениям телецентра и проверять состояние пожарной безопасности. В любое помещение в любое время можете войти...

: Как Штирлиц в комнату правительственной связи.

– Нет.

– Хорошенько подумайте...

Звонили раза три. С интервалом в неделю. Наверно, кроме меня в Останкино в том году больше никому было работать.

: Пожарником. За 220 гарантированных рублей в месяц. Ничего по сути не делаю. Почитывая на работе книжки или просто отсыпаясь,—

— наверное. Из 10.000.000 жителей сто-

лицы.

До того они ко мне привязались –

* * *

Тем не менее, о своей “работе” в НИКИМПЕ в этот период ничуть не жалею: в соседних лабораториях у друзей мне позволялось собирать необходимые для тестирования приборы,— но главное: *именно в это время я познакомился там с Димой Веселиным, обслуживающим через день институтскую “еэску”*. И Дима на долгие годы стал моим партнёром по проведению подземных экспериментов в области экстрасенсорики. У Димы было два официальных высших образования – кибернетика и радиофизика,— “+” мигдаловский инженерный поток. Так что проводимые мной при его патронаже исследования “ненаучными” назвать было сложно. Как и его взгляды на эниологию.

* * *

Примерно также складывались “трудовые отношения с государством” и у остальных никитян. Хотя предложения, конечно, сильно варьировались. Как и степень производственных неурядиц, или “неожиданных трудностей” со сдачей

зачётов и сессий у учащихся в ВУЗах.

: Многих просто забрали в армию. Точнее – всех, кого смогли забрать. Вдруг так неожиданно, словно неводом пошарили – и свинтили кого в “двойку пешую”, кого в “тройку водную”.

На пару ребят завели сфабрикованное уголовное дело. Очевидно, по младости лет и свойственному этому возрасту экстремизму продаваться они не умели — а по-иному прижать было сложно.

... Статистика, уважаемый Читатель – интересная вещь. Коль в подъезде дома жило, допустим, два призывника – первая повестка обязательно приходила к посещающему Никиты.

Коль в цеху на заводе по окончании технаря трудились молодые рабочие – первыми из них в армию винтили никитян. Хотя предприятия (а особенно заводы) в те годы болезненно-остро нуждались в рабочей силе, и за каждого бывшего ПТУ-шника, эксплуатируемого за мизерную зарплату в “жанре” разнорабочего, готовы были биться с военкоматом насмерть. Но Афган требовал мяса – и военкомы брали своё: не мытьём, так катаньем. Коль непосредственно на предприятие вломиться было нельзя, или завод давал вполне официальную отсрочку – по-подлому приезжали “по месту жительства” среди ночи и вытаскивали из постели. «Там, мол, разберёмся».

: Ага. Через две или три весны.

И почему-то *в первую очередь забирали наших ребят.*

ПРОТИВ СТАТИСТИКИ, УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ, НЕ ПОПРЁШЬ.

Коль на курсе в институте числилось десять разгильдяев – первым в те годы заваливал сессию и как следствие, “летел в сапоги”, именно никитянин. Остальные почему-то пересдавали экзамены в следующем семестре.

Коль никитский студент учился отлично – вдруг с учёбой у него начинало что-то разлаживаться. Как у Буковского.

Вообще практика *создания из неугодных этаких ни к чему не способных даунов* – на производстве-ли, в учёбе — коронная тактика КГБ. Так В. Буковский был официально объявлен у нас тупым “студентом-недоучкой”, – на данный момент это один их известнейших английских биохимиков.

: Про вызовы в деканат с правом добровольного выбора грядущей МЛ я уже написал. Факт задокументирован.

* * *

В январе 1985 – на следующей неделе после “зоологического нового года” жуковские опереточные спелестологи снова дали о себе знать. Никакого “кислотного слива” они, конечно, не принесли – но придя под землю *среди недели*, – что обычный человек при совке вряд-ли мог себе позволить, разве только не работал в смену, – загадили и запаковали Девятку, кое-что при этом в ней порушив, – выходя же из пещеры, на катке против входа сняли с местного парня весьма дорогую, пошитую в ателье шапку. К тому же сильно избив его.

Вполне в духе комсомольского оперотряда.⁶⁴ (Кстати: Девятка была вся облеплена использованными презервативами.)

: Думаете, совсем идиоты? Или столь крутые, что не боялись расправы местных?

– Ха! Они-то ходить не рассчитывали. Ходить было — нам. То есть не ходить: биться теперь каждый раз, как козлы, с местными. И подвергать риску наиболее слабых из нас. Или тех, кто привык ходить один. Вне какой-либо толпы.

Раз “не проканала” идея устроить в Никитах подземную химвойну — решили оснастить наше посещение Никит перманентной войной с местными.

Но самое омерзительное, что сняли они шапку с наиболее интеллигентного и безобидного никитского парня – Витьки. Об этой истории я поведал в «Последней Капле Сталактита», изменив имена участников и название грота. Не буду цитировать уже написанное – кратко расскажу то, что по воле сюжета осталось “за полем” моего повествования.

В том, что сказано мной о Витьке, нет ни слова лжи. Он действительно был *просто замечательный парень*. Удивительно образованный и добрый. “В сельской семье, оказывается, тоже не без уroda”. И кто-кто, а он меньше всего на свете заслуживал подобной расправы.

: С трудом мне со Змеем и Мамонтом удалось уговорить местных не пиздить каждого встреченного спелестолога, но подождать две недели. Обещали найти “виновников торжества” и сдать.

Признаться, найти очень хотелось. Сдать – гораздо меньше. Ибо руки чесались отмудохать их по полной программе своими силами.

---

⁶⁴ В день похорон В. С. Высоцкого своими глазами видел *просто чудовищную картину*: чтобы проститься с Владимир Семёнычем, мы стояли в очереди с трёх часов ночи, и вот когда уже подошли почти к самому театру, из-за строительного забора вырвалась девушка и побежала через оцепленную ментами и олимпийскими оперотрядниками площадь прямо к нам. Мы, конечно, раздвинули сжимавшие нас штакетники, – не та это была очередь, чтоб орать «вас здесь не стояло!» — но наперерез к ней кинулись бойкие комсомольские мальчишки. Девочка до нас не добежала – первый боец похоронного правопорядка схватил её за волосы, звезданул лицом об асфальт, – в запале протащил по нему около метра (наверно, трудно было остановиться на бегу); тут налетели остальные, попинали девчёнку ногами и кинули в воронку. Откуда послышалось довольное *ржание* – затем звуки избиения и гогот. НИ ПОДСЛОВА НЕ ПРИДУМЫВАЮ – СВИДЕТЕЛЕЙ ЭТОЙ СОВЕТСКОЙ МЕРЗОСТИ ВОКРУГ БЫЛИ ТЫСЯЧИ. Но что им – свидетели? Точно также они стреляли из ракетниц во время концерта в публику на Грушинском фестивале, и точно также в Домодедово убивали молоденького парнишку, который вздумал прокатиться на цистерне (возможно – с вином), когда маневровый тепловозик тащил её по товарному двору. Там свидетелей тоже хватало.

: Никогда эта мерзость не задумывалась о возможном позоре или наказании. Ибо “по определению” ни того, ни другого быть не могло.

Но как найти? Никаких упоминаний в Журнале о том, кто это сделал, естественно не было. Наши всегда записывались в нём. И приходящие из других Систем – даже если шли не с визитом дружбы, а померяться волоками. Ибо силикатчики, например, традиционно не имели ничего против “дыма под землёю” – даже больше: полагали его неким игровым бунусом в восприятии Подземли. [Читайте на <http://www.i-caves.ru/page.html?page=53412> “Философию подземной химвойны” Лёши Ветра.]

— Найти загадочных (во всех смыслах этого слова) провокаторов помог Ромка-Президент. По роду службы [видимо] они не теряли связи с ним и Пюлей, – иной раз без приглашения заваливаясь в гости, всё выпытывали, “как там, мол, дела – в ваших Никитах? Всё воюете?..”

< «Как во Фракии – иль в Ливии – иль где там, – неужели до сих пор ещё воюют?..» – И. Бродский, “Из Марциала”. >

Приносили водовку, от которой Президент отказаться не мог. Как и другого Пюля. Да только Пюлю перепить сложно – а потому комсомольские штирлицы частенько летели под стол первыми. Или по пьяни рассказывали удивительные вещи. В порядке демонстрации своего гэбэшного могущества: дрожите и трепещите, твари презренные!

: Я же говорил – контору губила именно сила немереная. С не менее немереной вседозволенностью.

Протрепались они и о том, что ходили в Никиты.

Дальнейшее было делом весьма мгновенного сопоставления даты и прочего. Под “прочим” я подразумеваю новенькую, явно не фабричного производства, роскошную меховую шапку на голове одного из этих кретинов. На осторожный вопрос Ромки «Где купил?» владелец не без хвастовства ответил: – а такие вещи не продаются!

Мы разработали план, в соответствии с которым Ромка с Пюлей залили им о полной нашей непонятке в отношении неизвестных грабителей – как и о том, что, мол, 26 января в Никитах будет широко отмечаться президентовский “день варенья” (на который “по пьяни” тут же пригласили эту сволочь), – мало того: известный мудозвон Командор в этот день приводит в Никиты какого-то диссидентского барда, то-ли Ткачёва, то-ли Лореса, то-ли Мирзаяна, – то-ли самого Юру Устинова лично – всё это держится в строгом секрете, но антисоветский концерт будет на сто процентов.

Идея, конечно, была замечательная. “Провокаторам – провокаторово”. В качестве манка недозволенный “концерт всему”; в качестве отмазки – на вопрос «а вы какого хрена явились???» – «а нас пригласили на день рожденья!». Ну просто не могли – не явиться.

: Единственное, что раздражало в этом плане — задуманная месть совпала с началом моего экспериментального Пребывания.

: Так в Никитах в том году переплеталось всё.

– Херня, – проревел на Совете Системы в Филях⁶⁵ Мамонт, – дадим по го-

⁶⁵ Мамонт жил в Филях; у него собирались для обсуждения плана потому, что моя квартира, без сомнения, прослушивалась. Так как Ванька по жизни

лове и отыграем своё. И пребывай хоть до скончания света – того или этого... А что жив, пометочки будешь в Журнале или ещё где на стене делать: как Робинзон Карузо, по числу прожитых дней. С теми же местными договоримся, чтоб каждый день кто-то заглядывал во вход, на твои значки полюбоваться. Если что не так – нам свистнут. Змей из Коломенского за час доедет.

: Пришлось согласиться.

Жуковцы пришли днём в субботу; мы разыграли перед ними целое артистическое действо – описанное в “Последней Капле” довольно точно. За исключением того, что стояли они не в Подарке, а в Африке.

Когда писал “Каплю”, полагал, что ещё рано называть наши подлинные имена и название грота. Во избежании ненужных ассоциаций.

: Делаю это теперь с удовольствием.

Барон, Змей, Мамонт, Вася Тихонов, Иван Рыбаков и я славно пожгли и потравили эту сволочь в три часа ночи в гроте Африка. “Почти оторвались” и в мудоханье – кстати, чтоб удовольствие было полным, били их не толпой – а один на один.

Мне достался жуковский комсомолец с ником Шико. К сожалению, он оказался сыклом – так что полного удовлетворения от проделанной работы у меня не сложилось.

: *противно иметь дело с мразью, что лишь “многиром” и чувствует себя сильной.* Да ещё имея за спиной однозначную поддержку “конторы”, –

... взяв у этой сволочи пространное интервью “о тайнах гэбэшного двора”, я передал его местным для зачистки катка в случившийся снегопад. Ещё одна сволочь “под руководством Зелёного Змея” отправилась за снятой шапкой. И парочку мы придержали в гроте Парашют до вечера. “На всякий случай”.

К вечеру шапка была возвращена хозяину, – каток расчищен, мир с местными восстановлен, придержанные под землёй были эксгумированы на поверхность с оказанием должной медицинской помощи –

— И НИЧЕГО НАМ ЗА ЭТО НЕ БЫЛО.

: по той самой причине, что до сих пор хранится в одном заветном месте “на память” об этой истории. Вместе с “закладной запиской Максика”.

* * *

Сожалению, за каждым нашим таким успехом неизбежно следовало поражение. Или история, которую до сих пор вспоминать тошно — но-таки приходится. Вот одна из них:

... В одной из поездок в Старицу к нам прибился некий красивенький юноша. Назвался Боря-Сапёр.

Я всегда уважительно относился к спелеологам-одиночкам. Может, пото-

---

играл роль никитского дурачка-алкоголика (и играл он её блестяще), шансов на прослушивание его квартиры было меньше.

му, что в душе являюсь таким – какой бы внешней “социально-общественной” деятельностью ни занимался. Не сделав принципиальных выводов из истории с Максиком, ввёл этого паренька в Никитский Круг.

Потом Мамонт раскопал: это был лучший кореш и воспитанник А. Вятчина.

“Честь мне и хвала” соответствующие. Тогда, сейчас – и пусть во веки веков.

Бореньке Сапёру было всё интересно: Никиты и наши дела в Старице, топосъёмки и эксперименты, – даже наши друзья и “просто коллеги” из Силикат. Интересен был МиД, на котором, как на нейтральной территории, встречались московские спелестологи из разных Систем. В общем, любознательный мальчик. И такой тихий, вежливый... Чуть не написал “интеллигентный” – да вовремя осёкся. Ибо до 20 лет человек не может быть интеллигентом “по природе вещей” – это раз. “И этой причины достаточно”.

< “Во-вторых” — ставить “≡” меж интеллигентностью, любознательностью и “тихостью” – что поставить аналогичный знак меж мещанством и мудростью. “Если демократия и демократизация одно и то же, то канал и канализация – тоже”. >

: В ноябре 1985 года Змей и Мока пошли на беспрецедентное Бессрочное Пребывание. Чуть позже к ним присоединился Мамонт. Новый год мы, естественно, отмечали вместе с ними под землёй. В гроте Парашют. Из дорогих и любимых гостей были Иваси со своей театральной студией: то, что через пару лет стало называться “команда Несчастный Случай”.

В Никиты всегда приходили интересные люди. Наверное, такой праздник посреди многомесячного пребывания – Истинно Праздник.

После Нового года под землёй оставались большие каровские аккумуляторные банки – мы запитывали от них праздничную аппаратуру. Энергии в них оставалось прорва – на ночь ребята подсоединяли к ним параллельно банки своих коногонов, и они заряжались.

В январе, когда мы вынимали банки на поверхность, спросил у Змея: ну как, не надоело?

– Ни сколечко. В самый как раз вошли — главное, чтоб какая-нибудь сволочь не вмешалась.

Все никитяне помогали нашим рекордсменам-героям светом, едой, бензином и прочим, что было необходимо для быта.

: Боря-Сапёр помогал тоже. А как иначе? Помогали все — и странно выглядел бы типчик, что отказался от этой доли.

Я хочу быть правильно понятым: *никакого принуждения не было. Никитский Круг всегда состоял из равнонезависимых и равнозначных Личностей. В каком-то вопросе (иль положении) каждый был лидером. Или равным другому партнёром. Этих “сравнительных позиций” можно было насчитать великое множество – а потому никто не заморачивался.*

В Никитах было не равенство казармы, равенство нищих, равенство стан-

дарта и прочего “от того же опера” — **равенство Круга Независимых Личностей**. Которые добровольно избирали своё бытие в нём. Были открыты друг другу и Миру – и в тоже время каждый был самодостаточной Вселенной. И соответствующую многомерно-матрёшечную Вселенную представлял из себя наш Никитский Круг.

Попасть в Никиты было легко – над новичками и чичаками у нас никто никогда не издевался. Гостям всегда были рады. При этом попасть в Круг было почти невозможно. Ибо для этого нужно было не просто принять – иль на словах разделять такое мышление, – как попадают в друзья?..

: Как становятся друзьями — так и становились никитянами, участниками НК.

Никто никого не заставлял “работать на Змея и Моку”. С тем же успехом можно заставить человека, против его воли, ходить под землю или ставить Свечу Шагалу и Шкварину. Каждый выбирал эту волю сам. Хотел — помогал. Хотел – ходил под землю. Хотел – ставил поминально-гадальную Свечу.

: Никакого “диктата большинства меньшинству” в Никитах сроду не было, – сама эта идея внушала нам глубочайшее внутреннее отвращение.

Просто был Круг равнозначимых друзей. Друг друга – и этого места.

Вот, вроде, и всё.

А потому было трудно представить, как можно *не помогать* нашим друзьям. Лично у меня это была простая внутренняя потребность. Тем более, что многого от каждого и не требовалось.

: Боря-Сапёр очень хотел вжиться в Никитский Круг. Оттого не мог не помогать: весьма и весьма старательно. Он вообще очень старательно делал всё.

Такой старательный мальчик.

Вятчин над ним хорошо поработал. Наверное, он неплохой педагог. Не хуже Черныша. *Беда в том, что воспитанников Черныша от вятчинского выкормыша отличала принципиальная разница: **мотивация поступков – и действия.***

“Дети Черныша” психологически были весьма близки НК – знаю это, поскольку много и с удовольствием общался с ними. Как воспитанники Юры Устинова и Володи Ланцберга.

: Всё это были весьма замечательные люди. Подобные во многом их Учителям.

А. Вятчин воспитал подобное себе.

В конце февраля – на четвёртом месяце Пребывания – Боря-Сапёр привёл в грот, где стояли Змей и Мока, ментов. Вытаскивать российских спелеонавтов из-под земли помогали первогодки спелеошколы МГУ под руководством неоднократно упоминавшихся в моём мемуаре гОвнюков (в данном случае, как аттестация мира Совка, это слово должно писаться через О). Под надуманным уголовным предлогом: дескать, в районе произошла то-ли кража, то-ли убийство – и надо проверить этих бандитов. По другой, не менее абсурдной версии, менты искали девочку, что сбежала из дома и ходила в Никиты.

: Да, ходила. Да, сбежала. Так кто ж в этом виноват, кроме её психопатической мамыши-алкоголички?.. Никиты??? Между прочим, девочке не десять лет было. Не пять и не годик. Девочке исполнилось 16, хотя паспорта она ещё не получила.

: Сбежала она не в Никиты – хотя приходила к нам исправно каждое воскресенье, и иной раз оставалась на пару дней с ребятами. Бо в городе её ничто, кроме ежедневного домашнего кошмара, не ожидало.

Но Ребята делали Пребывание; даже Мамонт, пожив с ними около месяца, ретировался: чтоб не мешать. Посторонние были им не нужны. Что же до подозрений в якобы имевшем место “растлении несовершеннолетних” – так спросите у самой Оли: было чего или нет.

Все Никиты прекрасно знали: НЕ БЫЛО, ПОТОМУ КАК БЫТЬ НЕ МОГЛО. *Ведь это были Никиты.*

Впрочем — что я оправдываюсь от заказной гэбэшной гнуси, да ещё годы спустя, да к тому же не за себя??? Мока и Змей уже *ТАМ* – и им всё равно. С ними Ванька-Мамонт, и много другого нашего народа. Там сейчас славно.

: *Поражает иной раз в обильно клеветующих – что они, не знают, что все окажемся там, и там будем Вечность?.. Как же они будут вечность находиться среди тех, кого оболгали??? Впрочем, “есть мнение”, что находиться мы будем по разные стороны некоего душераздела. Ибо каждый при жизни выковывает свой будущий ад. В основе которого – лживый успех в мире этом: эфемерный, краткий.*

“И хватит об этом”, –

— Ребят сдал Сапёр. Он же присвоил себе кое-что из никитского имущества – хороших вещей в наших гротах было в достатке. У Бори было время ко всему присмотреться.

Наверное, когда возвращался домой по завершении этой акции, ноги сгибались от веса шмотника. Ведь это не шутка – вынести на себе оборудование ПБЛа, рассчитанного на постоянное пребывание, как минимум, двоих человек, – даже корытом для сбора вдокапной воды при этом не побрезговать...

: очень старательный был мальчик. Если что творил – то на совесть. В том смысле, конечно, как её понимал, –

ЭТО ЕЩЁ ОДИН МОЙ ГРЕХ. От которого — не отмыться. Каких бы слов ни написал. Как бы ни клял свою былую наивность.

: Змей полгода после того обращался ко мне не иначе, чем “дерьмократ хуев”. И был тысячу раз прав.

* * *

В московских спелестологических кругах бытует мнение, что Боря был просто-напросто *клетманом*. Я знаю несколько историй о том, как Боря воровал на зимнем слёте куста “Разгуляй” вещи у людей, что в это время следили за сценическим действием, – набив рюкзак покрасивее (из обнаружен-

ных на стоянке) дефицитной снарягой и продуктами, он закапывал его в снег в ближайшем овражке — после чего, случилось, сам не мог найти. То, что я рассказываю, не слухи и домыслы — Борю замечали за этим занятием ребята с соседних стоянок; так как он действовал нагло, часто “при свете дня”, им в голову не могло прийти, что это банальный вор. А не товарищ тех, кто в этот момент находился у сцены. Или у дружеского костра в другом конце лагеря. Но что самое омерзительное: Боря, мило улыбаясь, обворовывал своих друзей и знакомых. Зачастую перед этим просидев вечер у их костра. Одну такую историю мне поведал просто взбешённый Макс Силикатский — наверное, самый замечательный спелестолог из тех, кто сердцем своим на всю жизнь привязан к родным Силикатам. Он с женой возвращался после утреннего концерта на слёте куста “Яуза” к своему костру, — навстречу попался Боря-Сапёр, идущий под тяжело нагруженным шмотником. Удивительно похожим на рюкзак Макса — впрочем, рюкзак был куплен в магазине, а потому Макс сразу не сделал должных выводов. Наверное потому, что *в голову не могло прийти заподозрить хорошего знакомого в воровстве*. Столь “в наглую”. Боря улыбнулся им, раскланялся — и пошёл по своим делам далее. С поляны слёта. Придя на стоянку, Макс обнаружил, что из палатки исчез его рюк, продукты, пенка, спальник...

: Все эти вещи вскоре всплыли на квартире, где Боря тогда ошивался.

* * *

... С Мокой и Змеем взяли “экспедицию посещения” — терапевта Валю Шапиро (он как раз занимался их тестированием), Серёжу Барона и ещё пару человек.

Экспедицию посещения, помутузив в домодедовском КПЗ, выпустили. Только на работы и в институты полетели характерные письма —

После чего Барона вызвали в ректорат; Валентину поставили полномасштабную клизму по месту официальной медицинской деятельности — но уволить не смогли: *заменить было некем*. И не думайте, что дело было лишь в том, что они случайно попались под раздаточную ментовскую коробку — пусковые пружины были выше уровня МВД (о чём мне без обиняков поведал несколько лет спустя ставший начальником оперативного отдела Домодедовского УВД полковник Чибисов): что вызовы в ректорат, что выемка из-под земли Змея и Моки были следствиями одних и тех же причин — но не последовательные звенья: вызывали Сапиенса и его однокурсников, вызывали Васю Тихонова и многих других никитян, что к Пребыванию Змея и Моки не только не имели отношения — имена их на допросах Змея и Моки даже не упоминались. Но, без сомнения, фигурировали в доносах Бореньки-Сапёра, “обезвредившего” катакомбный антисоветский гадюшник.

* * *

Так, говорите, сказка о вьетнамском драконе – миф? И после “переворота” никто никому на работы не писал никаких писем, не препятствовал свободному и многоплановому развитию спелеологии во всех её формах и видах???

: Увы — всё это делали те, кто с удовольствием за подобные методы свергал “товарища Илюхина”.

И не надо верить змее, когда она говорит, что дорога кривая. Почему-то мои друзья если и вынимали кого из под земли – а такое случалось – нам за это всегда были благодарны. Ибо мы спасали этим людям Жизнь.

: Ни КГБ, ни прочие нерадостные обстоятельства нашей советской жизни не сделали из нас говнюков и подонков. Так что не надо о “времени” и “дороге”. Надо — о Себе.

* * *

Змея и Моку держали в домодедовском КПЗ около полутора месяцев. Пытались пришить все имеющиеся в районе “незавершёнки” –

Змей и Мока полтора месяца молчали. Памятуя о том, что в нашей стране “признание обвиняемого есть первейшее доказательство его вины”. [Из Вышинского.]

: Такая следребывальная релаксация. Такая спелеонавтика –

: Сифру и Велковичу не сновившаяся в кошмарном сне.

Я благодарен Моке за то, что он успел практически на глазах у незваных “спасателей” спрятать дневники Пребывания. Даже фальшиво-приторный, “официальный”. В принципе, на виду у этих козлов можно было спрятать не только дневники.

У Змея с Мокой на подобный случай было заготовлено просто жуткое количество химии; устроены базы-тайники дальше в Системе и продуманы варианты отхода. Им ничего не стоило затравить новоявленное спелеогестапо и уйти в Систему – благо, под землёй наши “спасатели-каратели” ориентируются, как слепой в картинах Рене Магритта. Карта Никит работы Мальцева/Вятчина – самый распространённый никитский анекдот.

Я долго не мог понять, отчего они так не сделали. Потом спросил Андрея.

– Ну и что? – хмуро ответил он, – а что дальше будет, ты думал???

– Вышли бы через какое-то время ночью – через другой вход...

– Они бы караулили оба. И вас бы близко не подпустили. В конце концов, взорвали б нашу Систему – и пиздец.

– Не посмели бы.

– Ой-ли? Ха! Вспомни про Сьяны и Волчицу!!! А так хоть Систему не тронули...

: Наши Никиты.

Ему казалось тогда, что он их спас. Не себя и Моку – Систему. К тому же, как выяснилось, в пещеру на днях могла явиться Ольга – за которой **они** как бы охотились. Предупредить бы её никто не смог.

В общем, всё склалось “одно к одному”. Только непонятно мне: коль менты были озабочены судьбой этой девочки – зачем месяц с лишним продержали Змея и Моку в КПЗ, да ещё пытались пришить кучу каких-то “дел”?..

Впрочем, я задаю риторические вопросы. Как будто не понимаю: *процесс* был нужен против никитян – хороший, уголовный. Как против всех “диких”, по выражению этих сук, спелеологов.

Спелестологов, сиречь. Как называем себя мы сами.

От латинских слов: Пещера, Пребывать, Знание.

Но процесс “не пошёл”. Не получился – во многом благодаря стоическому молчанию наших ‘спелеонеягнят’.

И уж подавно — не искандеровских кроликов.

* * *

После этого Змей объявил в Никитах полномасштабную войну всем, входящим со стороны. Всем, кто совался в Систему без кого-либо из нас. Объявил Никиты “отныне и веки веков” закрытой для посторонних Системой,—

— Что ж: имел право. После пережитого. Кто желает сказать “нет” – милости прошу на его место. Хотя бы на месяц в КПЗ районного значения. Ни за что.

Змея поддержали Мамонт и Мока.

Мы сохраняли “как бы нейтралитет” – но с новичками стали осторожней.

И втайне от всех, втроём с Хмырём и Мамонтом, сделали “на всякий случай” ещё один вход в Никиты. Потому что к тому времени МЖД8М как-то “своевременно/несвоевременно” накрылся оползнем глины со склона – и оставался в Систему лишь один вход: Эгипед.

А потому мы сделали ещё один. Запасной.

– Если быть точным, ход начали копать мы с Хмырём вдвоём,— но Хмырь тем же летом защитил диплом и распределился на строительство Рагунской ГЭС, а потому докапывать пришлось с Мамонтом: одному такая работа не то, что не под силу – просто небезопасна. Об этом стоит помнить на любых подземных раскопках.

Между прочим, Хмырь буквально за год от “молодого специалиста” поднялся до руководителя участка; на второй год стал главным гидрогеологом строительства. Но если бы – он один сделал такую головокружительную карьеру!

: Как бы ни мутузили нас “работники интриг и топора”, какие бы письма ни рассылали на места работы и учёбы – примеров высочайшего профессиона-

лизма никитян в избранных ими городских профессиях я мог бы привести очень много. Например, Надежда Постнова (КНЭД) стала прекрасным детским врачом и до сих пор работает в детской поликлинике бывшего “IV управления Минздрава”; помимо этого, она – не менее прекрасный фотограф. Гриша Чёрт стал токарем высочайшей квалификации; работал на заводе им. Хруничева. *Слышали бы вы его, полные настоящей профессиональной боли, жалобы года 90-ого: – Представляешь, Командор, ведь если я не работаю своими руками более месяца – просто теряю квалификацию!.. А у нас уже полгода — ни одного нормального заказа! Хрен с ней, с зарплатой — но ведь я деградирую, как специалист!* Сейчас Григорий возглавляет технический отдел московского регионального спасательского центра МЧС. Что ж, спасатели получили замечательного Профессионала. Производство потеряло уникального специалиста.

: *дураки* в Никиты не ходили. А ходили весьма грамотные геологи, геофизики, топографы, медики, электронщики, токаря,– специалисты в области высокоточного производства и автомеханики, авиационные и космические инженеры, астрономы и юристы, высотные монтажники и промальпинисты (и так далее, включая историков, биологов, программистов,– а также поэтов, музыкантов, художников и актёров). Ко всем нашим профессиям смело можно было добавить префикс “спелео” — *и какие-то сявки ‘спортивно-вертикальной ориентации’ на основе филькиных грамот пытались нам запретить хождение в Систему, большая часть лабиринтов которой была создана нашими же руками!..*

: “тут можно долго философствовать”. И смеяться – теперь, по прошествии Времени.

* * *

Вход назвали Старьёвщик – и закрыли “до чёрных времён”. Вбив в него с поверхности бочку с вырезанным дном для сквозного прохода. Бочку закрыли крышкой и заложили дёрном. Сверху уронили большую ветвистую черёмуху. И ещё пару деревьев, для маскировки. Ибо знали: власти на достигнутом не останутся. Ситуация с медведем и колодой – строго наоборот.

“Не мы начали эту войну” —

Но *эту войну* кое-кто хотел сделать “нашей”.

И делал — изо всех сил.

... Об “особенностях борьбы Зелёного Змея (и не только Змея) со случайно-пришлыми чужеродными чайниками” повествовать не буду,– поведанных эпизодов достаточно. И не только потому, что живы ещё многие участники наших боевых действий, и занимают ныне вполне уважительное положение в обществе,– дело в ином:

Сколь бы благоприятно ни складывались события для нас, на нашей подземной территории, локальные сражения в навязанной нам “чёрной войне”

выиграть было можно. Но всю войну — как сказать... Хотя бы просто потому, что само участие в этой “войне” исключает участие в спелеологии —

: Большего противной стороне было не нужно.

: Вот в чём фокус-то. Поддавшись на гэбэшные провокации, мы сами стали “чёрными”. О чём я поведал в повести “Последняя Капля Сталактита”.

— Давайте, я лучше о праздниках. Ну хотя бы в качестве антитезы навязанному нам “спелеомилитаризму”:

НОВОГОДНЯЯ ПАУЗА

“Настанет Новый год...”

: из Лореса

Поскольку наступающий 1986 год в Никитах встречали живущие на Бес-срочном Пребывании Змей и Мока, мы с Сапиенсом решили порадовать наших героев-спелеонавтов чем-то “совсем необычным” — и пригласили для совместной встречи Подземного Нового года любимую нами команду “Иваси”, Алексея Иващенко и Георгия Васильева. С “Ивасями” нас к тому времени связывала многолетняя дружба, о возникновении которой рассказывать не на этих страницах,— отмечу лишь, что именно мне и Сапиенсу удалось уговорить их принять участие в XXVI слёте Московского КСП — с которого началась всеобщая слава этого замечательного дуэта. Но ещё до их выступления на XXVI слёте “Иваси” были очень любимы и почитаемы в Никитах,— ни одного их городского концерта (случавшегося тогда достаточно редко) никитяне не пропускали; с моей и сапиенсовской подачи копии наших записей “Ивасей” были практически у каждого второго никитянина.

Иващенко и Васильев изъявили согласие и пообещали прийти не только со своими жёнами, но и с партнёрами по театральной студии МГУ. То есть с тем, что через год стало называться “Командой Несчастный Случай” —

И пообещали устроить у нас под землёй прогон своего нового спектакля “Принцесса на горошине”.

Радости нашей не было границ — как, впрочем, и последующим организационным хлопотам,— но все наши усилия с лихвой компенсировались просто сказочным кайфом от того, что в новогоднюю подземную ночь известнейший дуэт восьмидесятых и не уступающая ему рок-команда сидели вперемежку с остальными нашими гостями за длинным праздничным столом, сколоченным из старых крепей — и выступали на одной подземной сцене с признанными никитскими дарованиями...

: Единственный никитский грот, в котором можно было провести столь мощный сейшен, был Парашют. И не только по своим объёмам — по наличию уже готовой природной сцены и покато спускающемуся к ней, аки театральный

партер, полу. Ну и, конечно, по Акустике. Которую словами — не описать.

— СЦЕНА: здоровенный плоский монолит в тупиковом конце грота. Задник сцены — вертикально стоящая “классическая” треугольная плита со стёсанной фронтальной стороной; справа и слева от неё узкие проходы в “артистическую”: небольшую комнатёнку, собственно окончание грота, 3 X 1,5 X 2 м.

: Для Никит довольно просторное помещение. [Сам Парашют при высоте свода в 2,5, ширине в 5 и длине аж в 20 метров считался прямо-таки гигантом.]

— Занавес перед сценой (приподнятой относительно пола грота на полметра) — как же без занавеса-то! — большой экран, поворачивающийся на специальном кронштейне, как дверь. На его лицевую сторону проецировались слайд-фильмы, снятые никитянами в иных каменоломнях и в “больших пещерах” Кавказа, Урала и Крыма:

: Под соответствующее музыкальное сопровождение из “Тенжерин Дри-ма”, ‘Ж-М-Ж’ и Вангелиса; “застольная часть” в антрактах слайд-фильмов и сценических выступлений сопровождалась “небольшой сборкой” из лучшего, что подарила нам Музыка в уходящем 1985 году (и “лет за -цать” до того),—

— часов на пять.

: Российский и западный рок в этой сборной органично перемежался самодеятельной и авторской песней,— каждый музыкальный фрагмент своим последним звуком будто открывал следующую за ним вещь — впрочем, с тем же успехом переход мог быть выполнен по принципу контрапункта; ручное сэмплирование, что мы делали *в те годы на том гавне, чем располагали*, всевозможные накладки и совмещения микшировали внешне, казалось, несоединимые стили. Западные “музыкальные приколы” (под которые произносились тосты) в пропорции 1 : 1 чередовались родными подземными и каэспэшными; на плакатах-програмках, что висели по стенам грота меж многочисленных газет (свежевыпущенных — и “лучших за прежние годы”) все ‘русские номера’ фонограммы были заявлены по-английски; западные — в более, чем чудовищном переводе. Знаменитая “По утрам к поликлинике всё спешат шизофреники”, например, возглашалась, как “Every Day of the Hospital” — битловская “Wild Honey Pie” была расписана так:

*МЯСНОЙ Мидовый ПИРОГ
лесной ЛЕДОВЫЙ пирог*

: Сожалею, что компьютерная графика не в силах передать и сотой доли того *образного настроения*, что в одно движение творит кисть художника, касаясь рулона старых обоев... Ну да ладно.

— ТЕПЕРЬ по этому принципу работают практически все радиостанции (имею в виду не прикольно-графическое оформление вещания — а, разумеется, саму “технологию сборного

эфира”),— тогда лишь под землёй можно было *так оттянуться* — в полный рост, без совдеповского ‘музыкального руко-вводства’. Не знаю, как насчёт “ноу-хау” — но *просто отрадно было наблюдать / в годы последующие / , как “радио совок” плавно-медленно ‘всем своим эфиром’ движется в открытом нами сборно-вещательном направлении...* И подобно линии горизонта, никак не может достичь давненько пройденной нами “линии подземного музыкального кайфа”.

: “По ряду причин на самом деле”.

Музыкальная часть сборной — и то, что творилось на сцене — уравнивалось свежими записями Городецкого, ‘Михал-Михалыча’ и Задорнова,—

— их, в свою очередь, оттягивали разгуляевские программы “**Ö**” и яузских “Реостатов”, наших давних коллег/конкурентов “по словесно-прикольному жанру”,— и бессмертный “Антиалкогольный Триптих” Леонида Павловича Семакова (“Отелло”, “Горе от ума” и “Дубровский”) в авторском исполнении.

: Многие тогда услышали его впервые — да и тема ‘в свете недавних антиалкогольных полит-юпитеров’ ПРОСТО ВЗЫВАЛА К ОТМЩЕНИЮ.

: *ОТОМСТИЛИ*. Боялись

только, что от смеха восьмидесяти человек свод в гроте может не выдержать —

— ничего: *сдюжил*.

Как и последующие аплодисменты, справедливо ‘застуженные’ “Ивасями и к⁰”.

— И нашими никитскими ‘тиранами звука’.

* * *

— Наблюдение: оказывается, сведённые в ‘non/stop’ “She’s a Rainbow” Роллингов, “Billion Dollar Babies” Купера и “A Day Like Today” Дюваля (а она тогда только-только появилась, и была у всех “на слуху”) могут не только *связать* три десятка лет “иронией, как способ” — но и *создать ТАКОЙ НАСТРОЙ...*

— Сродни, наверное, лишь тому, какой возник в гроте при следующих словах Леонида Павловича:

*Когда висит над Родиной опасность,
Гражданский пафос каждому знаком —
Однажды по газетам стало ясно:
НАД РОДИНОЙ ПОВИС СУХОЙ ЗАКОН...*

* * *

Техническое оснащение праздника было — четыре слайдера (они же цветные прожектора); светомузыкальный блок, соединённый с гирляндами цветных лампочек, в числе прочих украшений опутывавших роскошно убранную ёлку (свечи, галогенки и плекс “общего освещения” в количественном подсчёте не нуждаются — восемь десятков спелестологов могут позволить себе под землёй изобилие очень разнообразного и яркого света) + множество возможных лишь под землёй световых эффектов < например: разбрызганная по потолку грота самосветящаяся жидкость, образовавшая узоры невиданных созвездий и туманностей,— как *потрясающе-здорово это смотрелось, когда неожиданно для всех в гроте был погашен свет — и как стонали фотографы-летописцы в бессилии увековечить неотразимую плёнкой Красоту Подземного Мистического Неба...* На стенания Сапиенса — «ну как, КАК мне отразить *это* на плёнке???» — Длинный Кира резонно замечает, что «не всё тебе фоткать и звукописать, должно же быть что-то и для внутреннего употребления» — и Кирик тут же рявкает: «ВОДКА!!!» >; пять примусов в кухонной части грота (из них один двухкомфорочный) для приготовления чая и горячих блюд (с надлежащим запасом бензина); основной и дублирующий кассетники на воспроизведении (основной вылетел за пять минут до начала Работы — “обычное дело” в наших подземных условиях); неплохо пишущий в студийных условиях (влажность в десять раз меньше, температура на столько же градусов выше) “репортёр” для записи (запись не удалась по условиям, не вполне совпадающим со студийными) и “примитивный диктофон” фирмы “Sony” (начал на условия окружающей среды и выполнил своё дело ровно с тем качеством, какое было возможно у кассетного диктофона 1985 года выпуска); усилитель с колонками (4 X 25 Вт: вполне достаточная для подземелии мощность); питание — 12 ‘банок’ каровских щелочных аккумуляторов по 125 А/ч каждая.

Акомы предоставил Гном, и мне с Кирикой пришлось тащить их на своём горбу вначале от проезда Дежнева, где жил Гном, до Юго-Запада — где жил Кира — ибо из всего НК только Кира располагал уникальной зарядной системой, способной контролировать 20-амперные токи,— затем везти ко мне на Новослободскую, а после в Никиты...

Но городская транспортировка — фигня против подземной.

: Кто знает, сколько весит одна каровская аккумуляторная ‘банка’ — и чего стоит транспортировка по никитским шкурорёрам от входа до грота даже одного транспортного мешка весом в 10 ÷ 15 кг,— и может представить себе, сколько весило всё остальное оснащение нашего ‘не в меру приятия’ (включая заготовленные продукты, воду и дефицитную выпивку),— а также *КАКОЙ ОБЪЁМ ПОМИМО ВЕСА* занимали экран/занавес сцены, карнавальные костюмы, плакаты, газеты и прочая АРТрибутика —

+ неизбежное “общепещерное” оборудование стояночных гротов, в которых располагали гостей (и размещались сами организаторы — часть из которых приехала в пещеру за неделю до Нового года,— другая же часть оставалась под землёй на неделю после),—

— И СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ
И СИЛ ПОНАДОБИЛОСЬ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ‘ПОД ПРАЗДНИК’ САМОГО
ГРОТА ПАРАШЮТ —

... для монтажа, настройки и защиты от подземной сырости звуковой и осветительной аппаратуры, а также её предварительного испытания в этом гроте за неделю до Нового года (с соответствующей транспортировкой в случившийся 38-градусный морозец “туда/обратно”),—

... для монтажа “сборной сопровождения”,—

... светомузыкальной установки и ёлочных гирлянд,—

... традиционного “ночного творения” пяти новых газет-маразматок и реставрации потрёпанных временем старых,—

... добычи и подземной транспортировки Новогодней Красавицы Ёлки,—

... и *чисто административные трудности* [ОЧЕНЬ МЯГКО СКАЗАНО] по организации *всего этого* < ... > —

— осложнённые скотской необходимостью тех лет где-то официально работать — по восемь часов в день, если кто не помнит — с одновременной вынужденной маскировкой Предстоящего от пытливых глаз и ушей КГБ,—

— тот, конечно, может **ВООБРАЗИТЬ** наши усилия по подготовке этого подземного Праздника.

Но испытать *на своей шкуре*, или *как-то почувствовать* — теперь, когда вес и габариты любого спелеооснащения уменьшились против тогдашнего в несколько раз, а качество, наоборот, возросло — это вряд-ли.

Да оно и не нужно.

* * *

Звуковую сборную программу творил я — усилительно-световую аппаратуру совместно-независмыми усилиями паяли Длинный Кира, Гарри, Сапиенс, Барон и Вася [“просто Вася” — ибо были у нас в Никитах имена, ни в каких никах не нуждавшиеся по определению]. Каждый из них делал и налаживал какую-то часть; за неделю до Нового года планировалось всё это собрать у меня дома, состыковать, настроить,— затем отнести в Никиты и испытать там:

: Чтоб в решающий ‘момент’ не случилось досадного “форс-мажора”.

< По опыту все знают, что он-таки неизбежно случается — однако... >

— В назначенный день и час аппаратура свозится ко мне и начинает состыковываться. Квартирьеры — Мамонт, Валя Шапиро, Хмырь, Асисяй и иже с ними, включая пребывающих бессрочно Змея и Моку, в это время монтируют в Парашюте исполинский восьмидесятиместный посадочный стол и украшают сам грот. К 21.00 они должны выйти на поверхность ко входу: встречать нас с десятками килограмм нашего звукового, осветительного и прочего “железа”. Соответственно, нам из дома нужно выходить в 18.00 — чтоб успеть на последний автобус от Домодедово до Никитского. И

оказаться “в нужном месте в нужное время”.

: В 17.30 выясняется, что часть аппаратуры не стыкуется между собой. Почему – никто, как обычно, не понимает. Моя жена Ольга ставит чай; Кирин, прибывший в качестве помощника-шерпа (одни акомы весят под 70 кг), ритуально острит. Поскольку в радиотехнике соотнобразует не более, чем в межгалактической астрономии. В 18.05 становится ясно, что ни на какие автобусы мы не успеваем – причина отказа ‘железа’ по-прежнему окутана тайной. Я нервничаю и с содроганием думаю, КАК нам придётся тащить на своём горбу все эти килограммы по заснеженному шоссе — около восьми километров.

– Но ведь дома мой блок работал отлично!

– Мой тоже.

– И мой.

: Ритуальные фразы конструкторов.

Длинный Кира, Барон, Вася и Гарри выкуривают одну сигарету за другой, чередуя затяжки встречными претензиями (Сап не курит, но принимает в потреблении никотина неизбежное пассивное участие); увлечённый экстрасенсорикой Вася выражает сомнения в существовании (последовательно) электронов, максвеллова взаимодействия и фундаментальных постоянных. Затем допускает, что обещанное Михайловым – самым читаемым в Никитах после Стругацких автором – Перезаконие началось. Кирин незаметно дорисовывает к разложенным на столе схемам несколько элементов («по приколу, для симметрии», – оправдывается он потом перед Кирой). Педантичный Кира машинально впаивает их в соответствующие места – и усилитель, что до того всего лишь “не выдавал нужного для работы светомузыкальной установки сигнала”, сгорает:

: С ХОРОШИМ ГОЛЛИВУДОВСКИМ ДЫМОМ. Но без разлёта деталей.

— В поте лица экстренно паяется новый: точнее, перепаивается и перенастраивается один из моих домашних монстров – чтоб мог работать под землёй от наших “базовых” 12 вольт, диктуемых лампочками слайдеров (они же, по разумному предложению Васи, в свободное от показывания слайдов время сценические прожектора: со вставляемыми вместо слайдовых рамок цветными стёклышками, – изготовлением стёклышек нужного формата тут же увлекается Кирин, что, как минимум, спасает остальную часть аппаратуры).

Пока Барон, Вася и Сапиенс сражаются с распайкой усилительных плат и экстренным созданием “на коленках” повышающего преобразователя питания (меньше, чем ± 45 В, причём с неизбежной “средней нулевой точкой”, усилитель потреблять не может, зато гарантирует 100 Вт отдаваемой мощности), Длинный Кира и Гарри находят в моих электронных закромах элементы, номинально соответствующие погорельцам, или их близкие аналоги.

И впаивают их в почившую от художественного прикола схему.

Чтобы не попадать лишний раз под взгляды радиокудесников, покончивший с изготовлением светофильтров Кирин скрывается в соседней комнате, где вместе со мной рисует новую газету. Посвящённую, конечно, нашей звуковой

аппаратуре.

В 21.30 Ольга сообщает, что «по прогнозу госкомгидромета температура этой ночью может упасть до -30°C ». Все поднимают её на смех – нашла, чему верить... Ибо по общему нашему мнению программа “Время” – не самый достоверный источник информации “о положении в стране и в народе”. Даже включая погоду.

И вправду: термометр за окном едва показывает -10°C . Но то у окна. В городе.

В 23.30 оба усилительных варианта готовы – и реанимированный старый, и новый. При пробе выясняется: банальная замена сгоревших деталей приводит к тому, что теперь усилитель Киры, работающий всего от 12 вольт и не требующий никаких повышающих питание преобразователей, выдаёт тот самый желанный сигнал на светомузыку, с отсутствия которого всё и началось.

Кириин осторожно торжествует.

В 00.00 аппаратура, наконец, состыкована, настроена, проверена в деле от микрофонов до колонок и светомузыкальных гирлянд («согласование удовлетворительное», – замечает Сапиенс) – затем разобрана на блоки и распределена по безумным по своему весу шмотникам — и мы выползаем из дома:

: К Спасателю Чёрту автобусы – успеть бы на последнюю электричку!..

Думаю, вес за спиной компенсирует падающую вокруг температуру.

— И вправду, компенсирует... До известной степени. Потому что сволочный прогноз госкомгидромета сбывается на 120 %: к моменту нашего выхода из электрички температура воздуха (на пуховке у Киры висит биметаллический брелок-термометр) опускается до -36°C . “СЮРПРИЗ”. А оделись мы более, чем легко – чтоб не вспотеть под тяжёлым грузом.

: НЕ ВСПОТЕЛИ. К моменту нашего приближения к Никитскому мы уже почти ничего не замечаем: и от усталости, и от лютого холода. Не чувствуем ни ног, ни рук... На привале в середине пути Длинный Кира не может встать сам — мы вдвоём со Кириным едва отрываем его от дороги с неприподъёмным шмотником; очки у Киры не просто запотели – покрылись корочкой льда, и он не видит, куда идти, – бредёт по сугробам за нами, держась рукой за мой станковый рюкзак: сил остановиться и удалить корку льда со стекла нет —

— перед спуском в долину Рожайки, на секунду тормозясь на вершине холма, видим совершенно-сюрную картину: вся долина реки с расположенным где-то в ней, под нашими ногами, Никитским, затянута сплошной белой кашей.

: ТУМАН. При минус сорока...

— Спускаемся со склона к деревне. Лицо жжёт пронзительный, наполненный кристалликами льда, ветер. Звёздное небо с полной луной исчезает над головами, – вокруг падает снежно-ледовая Тьма. Остаётся последний бросок по деревенской улице, затем через реку над легендарным омутом. Без купания в деревенской проруби над которым, кажется, не

прошло у нас ещё ни одного Нового года. Если верить всем никитским легендам байкам.

На этом берегу в деревне в туманно-ледяном ореоле горит одинокий фонарь; на том, в непроницаемой тьме, теоретически находится вход в Никиты. В тепло...

– Где будем переодеваться и паковать ‘железо’,— едва шевеля синими от холода губами, вопрошает Кира,— здесь, где светлее — или перед входом?..

: До входа от этого места не меньше ста метров. А то и ста пятидесяти: преодолеть которые предстоит, одевшись для очень тяжёлой физической работы при +10° С. По немереной глубины сугробам и почти вертикальному откосу противоположного речного берега. (О наверняка замаскированной дневным снегопадом проруби просто не хочется думать.)

Пока я мучительно соображаю, где лучше — точнее, что хуже,—

– Где не теряли,— отзывается Кирилл, намекая остатками замерзающих извилин на то, что место освещённое предпочтительнее предвходовых потёмков.

— И МЫ РАЗДЕВАЕМСЯ. Под фонарём, выкладывая из рюкзаков блоки, колонки, аккумуляторы, гирлянды, слайдеры... Прямо на замороженный снег. И это всё, на что нас хватает:

Толстые полиэтиленовые мешки, предназначенные для транспортировки аппаратуры, ломаются на куски при попытке их развернуть. Руки не чувствуют ничего — кроме жуткой, невыносимой боли. Едва хватает сил включить налобник — и с нецензурной бранью, волоча за собой полуразобранный шмотник, устремиться по пояс в снегу через реку ко входу. Радует одна мысль: *по такой погоде лёд не сможет проломиться под нами. Потому что выкупаться сейчас — и вдобавок утопить технику...*

– Влетаю во вход, не помню как, добираюсь до Трёх Охотников, облюбованных квартирьерами — и ору, ору, ору...

: Руки и ноги отходят в тепле пещеры — а это такая ломка...

Что изумляет — народ без лишних расспросов суёт под нос кружку с водкой, вылезает из тёплых спальников — и летит на выход.

: НА ПОМОЩЬ. НЕ ОДЕВАЯСЬ —

... ЕСЛИ ЭТО НЕ ПОДВИГ — ТО ЧТО ПОДВИГ ВООБЩЕ???

* * *

– Потом, некоторое время спустя, в гроте, предназначенном для Празднества:

: На крюках под сводом висит вся наша аппаратура. Под аппаратурой на длинном столе мисочки для сбора воды. Из ‘железа’ не капает — ЛЬЁТ.

– “Водокап, водокап — взбудораживший сонную тьму...” — цитирует Рашпиля Кирилл. И задумчиво добавляет:

– И откуда её там с т о л ь к о ?.. Уж литра четыре вылилось...

– Это не из неё. Это из конденсата воздуха, – отвечает Барон.

Длинный Кира прижимает свой термометр к висящему перед ним магнитофону. Белому от инея в верхних своих двух третях; ниже просто мокрому.

– Минус пятнадцать уже, – сообщает он, – всего двадцать семь градусов осталось.

– Зарисовал бы, что-ль, – обращается Сапиенс к Кирину, – для памяти. А то даже снять нечем...

: Фотоаппарат его висит в общем ряду вместе со вспышкой. По-моему, зря: от влажности плёнке точно кранты. Но будет-ли работать после такого “купания” остальное ‘железо’?..

– “ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ НОВОГОДНЕГО НИКИТСКОГО ОМУТА!!!” – озаглавливает Кириин картину, раскладывая на столе перед собой карандаши и бумагу. Освещение для творчества подходящее – ибо через каждые двадцать сантиметров на столе стоит здоровенный кусок горящего плекса: греет воздух. Точнее – висящую над столом аппаратуру. И пламя этого фейерверка ‘воздуха точно не озонирует’, –

* * *

– Как славно, что на сам Новый год температура наземной среды изволила вернуться к “почти что оттепельной”!

А то, боюсь, не столь привычные к зимнему экстриму “Иваси” и “Несчастные Случаи” со всеми своими жёнами могли бы от участия в Празднике Праздников отказаться.

Но температура смилостилась над нами, и ничего не отменилось.

: Конечно, подземная транспортировка группы творчески продвинутых чичак со всеми их драгоценными гитарами и баулами тоже была *песней* — но исполнять такие песни каждый из никитян был привычен.

: исполнили, и не обломались в лучших своих ожиданиях. И “Иваси” с сопровождающими их лицами тоже — и Иващенко, и Васильев, и Кортнев много лет спустя на своих концертах (не стадионных, но достаточно камерно-клубных) вспоминали этот невиданный подземный праздник.

Воспоминания аллитерировались исполнением анчаровской “Балалаечки”.

* * *

Как и обещали, “Иваси” и к⁰ показали нам свой новый спектакль – “Принцессу на горошине”. Это было *самое первое* его исполнение – по сути, погон. Как они сами сказали.

– Аплодисменты после последнего аккорда не стихали минут пять.

Но никогда никитяне не были пассивными потребителями — “ответный ход” был у нас заготовлен.

: после “застольного антракта”, озвученного очередной частью моей сборной, мы с Асисяем, Мамонтом, Длинным Киroy и Висельчаком Му поднялись на сцену. В сопровождении Катерины Михалны и Кирина. За вертикально стоящей плитой переоделись в сценические костюмы — Катерина в золотое парчовое платье до пят (о, как оно смотрелось под землёй!); Мамонт и Асисяй, раздевшись догола, были почти мгновенно окрашены нашими ассистентами в радикально-чёрный цвет,— мы с Киroy и Висельчаком облачились в свои аксессуары. Как мы умудрились сделать это в столь стеснённом пространстве и при том в ураганно-космические сроки — на бумаге не описать.

Кирина переодеваться было не нужно: он и так был в костюме Снегурочки. С шестым номером очевидно чего. И блондинной косой до попы. Пока мы переоблачались для выступления, он развлекал гостей со сцены под “Sexbomb” Тома Джонса. Судя по гоготу из грота, заглушавшему музыку, его кривляния и танцы были восприняты “на ура”.

: Мы успели уложиться в звучание песни — 3.28. Затем вышли из “костюмерной” на сцену и показали присутствующим,— но самое главное, пожавшим свежий театрально-музыкальный триумф “Ивасям”, что такое **подлинный никитский отрыв** —

То есть — “ПСИХООЛОК”.

...: “ПСИХООЛОК”. *Не могу не вспомнить,— накатывает тоской и тихой беззвучной радостью одновременно: горечь победы, которой не повториться никогда. Которая — всё до самого краткого Мига Свершения, за которым — ничто: падение в неповторимость, мемуарную боль, память.*

: Безумная игра “в четыре руки” на перестроенной в “ре” гитаре — Асисяй и стоящий за его спиной Мамонт; на их фоне безумный кордебалет — миниатюрный я (“метр-пятьдесят-восемь-с-каскай”), Длинный Кира (жердина высотой 1 м 98 см весом в 70 кг) и Висельчак Му (137 кг, 168 см) между нами... Музыка Асисяя — не описуема. Потому что ни на что не похожа. Униформа кордебалета: кирзовые сапоги, женские комбинации, противогазы с болтающимися на “хоботах” бачками. На комбинациях номера: 1, 2, 3. На головах каски с включёнными на полную мощность налобниками. В правом углу сцены в золотом платье до пят Катерина Михална, исполняющая на большом медном тазу партию литавр с помощью здоровенной, почти былинной булавы. В левом — Сексгурочка Кирина, ведущий соло-проходы на двуручной пиле. Задник сцены: бутылки с водой, заполненные на разную высоту,— на них исполнялась существенная часть композиции,— висящие на женских лифчиках. Партия кордебалета — “танец маленьких лебедей”. И очень много эффектов... Но бесполезно пересказывать **ДЕЙСТВО СЦЕНЫ**,—

: Когда Асисяй родил эту мелодию воскресным утром после нашего слёта памяти Виктора Шагала в 1985 году, было прикольно и весело. Около получаса он наигрывал её, плавно совершенствуя гармонию,— постепенно в Перформанс включились все, присутствующие на поляне — кто подстроил свою гитару, кто

выводил перкуссию на баночках с крупой, кто имитировал ударные на канах и двуручной пиле,— прикалывались, пока не дошло: **получается нечто, не имеющее никаких музыкальных аналогов.**

Разработали аранжировки и партию кордебалета, костюмы и мизансцену. Репетировали лишь один раз. Причём минут 20, не более. “За полчаса до весны” – то есть до премьерного выступления на осеннем слёте куста “Яуза”,— заранее настроившись: не поймут, освистят... Но не предъявить народу своё творение не могли. Уж слишком распирало изнутри от ощущения гениальной неповторимости.

*: Танцуя на яузской сцене, я от напряжения согнул золотое обручальное кольцо на пальце Киры... Так волновался. Однозначно думали: прокол, срыв,— после номера секунд десять на поляне слёта была **просто убойная тишина** — в которой для нас уместилось **СТОЛЬКО** —
— и вдруг...*

— ВДРУГ: поляна будто взорвалась — не аплодисментами,— истерикой, воем, стоном,— криками «ЭТО ПОБЕДА!!!»,— «ЕЩЁ!!!»

... после которых Асисяй, размахивая над головой концертной кременой, громко объявляет в микрофон: «Ща мы вам, мужики, ещё чего-нибудь оттопырим — дайте только гитару нормальную...»

: имея в виду — состроенную в “ми” и с “ля”, равной 440 Гц. С точки зрения матёрых каэспэшников человек, требующий вместо концертной кремены “нормальный инструмент”...

— Триумф?.. БОЛЬШЕ.

И вот теперь, под землёй, мы показали этот номер “Ивасям” и “Несчастному Случаю”.

Показывали уверенно. Без тени волнения — ибо знали/чувствовали: им это показывать можно. И не ошиблись.

Единственно что — когда “Иваси” предложили нам поставить этот номер на сцене их МГУ-шной студии, включив в какое-то своё театральное действие, Асисяй отказался.

— Нет, ребята. Делать из Прикола работу мы не будем. Очень, знаете-ли, тяжко — веселиться по плану... И вообще: я, когда его играю, может теряю год жизни...

Мы с Длинным Кирой поддержали Шурика.

* * *

... Завершающая картинка: выносим на поверхность аппаратуру неделю спустя после Праздника — немного сожалея о том, что не удалось до конца “выжать” тяжеленный энерго-запас “каровских банок”: и так каждую ночь Змей с Мокой, что оставались под землёй, подсоединяли свои подсевшие коногоны один-в-один к неизрасходо-

ванными аккумуляторами обеспечения, “сливая остатки электричества”, —
: 125 А/ч — это “более, чем достаточно”.

На поверхности, против нашей предновогодней “испытательной заброски”, почти тепло: -20° С. Из оставшейся еды присутствует банка венгерского горошка марки “ГЛОБУС”. Так и хочется, оснастившись ‘мелкоскопом’, попробовать разглядеть на их зелёных столь зримых ‘полужопиях’ привычные со школы географические контуры...

— Есть также хочется. Однако мысль о жевании “горохового мороженого” способна вогнать в мучительный тремор.

: В банках аком энергии, судя по всему, ПРОРВА. Только *как* перевести электрическую тягу в ТЕПЛО?..

Решение приходит само собой. Открываем и ставим металлическую гороховую банку прямо на электроды —

: Вольтова дуга ‘kozy’ под днищем банки, — характерный сварочный треск (и запах), — через минуту/другую “СУП ГОТОВ”.

: Рубаем, с трудом отодрав от электродов пришкварившееся железо.

* * *

Вот несколько фрагментов из наших новогодних газет:

[Франта, 1984]

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

/ ВОПРОСЫ К НОВОГОДНЕМУ ПРОТЕСТИРОВАНИЮ /

СИТУАЦИЯ: по команде “ёлочка, зажгись!..” в гроте **ВСПЫХИВАЕТ:**

1. Около 20 л бензина.
2. Дубовая крестовина ёлки.
3. Примус.
4. Палатка.
5. Модуль.
6. Спальник.
7. Пенка.
8. Все спальники и пенка, что находились в гроте.
9. Совершенно-цивильные шмотки, деньги, часы, документы.
- 10 . Собственно ёлочка.
11. Пьяная драка с порножовщиной.
12. Настоящее Новогоднее Веселье.
13. Ёлочка, воспылавшая к вам любовью.
14. **ХАМСКИЙ ДЕЛЁЖ:**
  - а) женщин;
  - б) жратвы;
  - в) братвы;
  - г) ботвы;
  - д) бычков;
  - е) бычков в томате;
  - ё) водки;
  - ж) пива;
  - з) света;
  - и) выходного шкурника;
  - й) красной икры;
  - к) воблы;
  - л) новогодних подарков.
15. **БОЛЬШОЕ СВЕТЛОЕ ЧУВСТВО.**
16. **ОЗАРЕНИЕ.**
17. Надпись «НЕ КУРИТЬ! ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ!»
18. Мигалка и ёлочные гирлянды с аккумуляторами.
19. Известняковая стена грота.
20. **ДОБАВИТЬ ПО ВКУСУ.**

[Франта, 1984]

ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ!!!

/ ОТВЕТЫ К НОВОГОДНЕМУ ПРОТЕСТИРОВАНИЮ /

1. Вы достаточно яркий спелестолог, но вам не хватает воображения.
2. Вы явный додик, и кроме данного предмета вам больше нечем светить в этой Ж.
3. Вы просто чайник, и лучшее, что могло с Вами случиться в Вашей поганой жизни, уже случилось.
4. Вы матрасник и даун и говорить нам с вами не о чем.
5. Вы, конечно, опытный спелестолог — но зачем было устраивать такой бардак в капроновом модуле?
6. Только такой неисправимый лентяй, как вы, мог поджигать ёлку в чужом гроте, не вылезая из своего спальника.
7. Вы алкоголик, потому что если бы вы не пропили спальник, вначале сгорел бы он.
8. Вы очередная жертва Совершенно-Пьяного Кэма.
9. Вы жертва Опытного Спелестолога Ивана, прикинувшегося новогодним дедом-морозом.
10. В вас нет ничего святого.
11. Вас достаточно потрепала жизнь, но не смотря ни на что, вы находите в ней место для маленьких радостей.
12. Вы гнусный, мерзкий, насквозь лживый тип; в вас есть склонность к дешёвому онанизму – своей извращённой фантазией вы в состоянии угробить не один прекрасно подготовленный праздник.
13. Номер этого пункта говорит о многом, но скорее всего вы либо сексу-

альный маньяк, либо мудозвон.

14. а), б), д) – к): с такими мыслями вам нечего делать на нашем празднике жизни; в) вы новый русский и вам нечего делать под землёй; г) вы либо ботаник, либо вегетарианец – в первом случае непонятно, как вы живым добрались до грота, — во втором — как собираетесь из него добираться до выхода; л) вы мазохист и мизантроп одновременно, папа у вас был официальный спасатель – а мамы, судя по всему, вовсе не было.

15. ВАШЕ ПРЕБЫВАНИЕ ПОД ЗЕМЛЁЙ ЗАТЯНУЛОСЬ – ПОРА ВЫХОДИТЬ НА ПОВЕРХНОСТЬ.

16. Вы один из авторов данного тестирования. Отойдите в сторону и не срывайте опрос!

17. Вы старый русский и вас грызёт тоска по исторической родине. Быстрее собирайте вещи и рвите в ШЕРЕМЕТЬЕВО-2 на любой попутной лошади.

18. Вы автовладелец и оставили машину у входа в Систему. Срочно бегите к выходу: кажется, с ней что-то случилось.

19. Вы встречаете Новый год в какой-то странной компании... ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОКАЖИТЕСЬ 1 ЯНВАРЯ ЗНАКОМОМУ НАРКОЛОГУ.

20. ВЫ – ХОЗЯИН СВОЕЙ СУДЬБЫ, НО МЧС ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: ХОЖДЕНИЕ В ПЕЩЕРЫ МОЖЕТ БЫТЬ ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ.

[Хмырь, 1984]

ПЕРВОЕ НОВОГОДНЕ-ПРОРОЧЕСКОЕ:

[Рашпиль, из новогодней газеты 1981 НГ]

*Ветер выл, сияли звёзды, над землёй мороз крепчал —
 А в Сапфире нетверёзо Новый год народ встречал.
 ... Долбанула тихо пробка в нижний краешек плиты —
 : День седьмой не слышно громких голосов из темноты!*

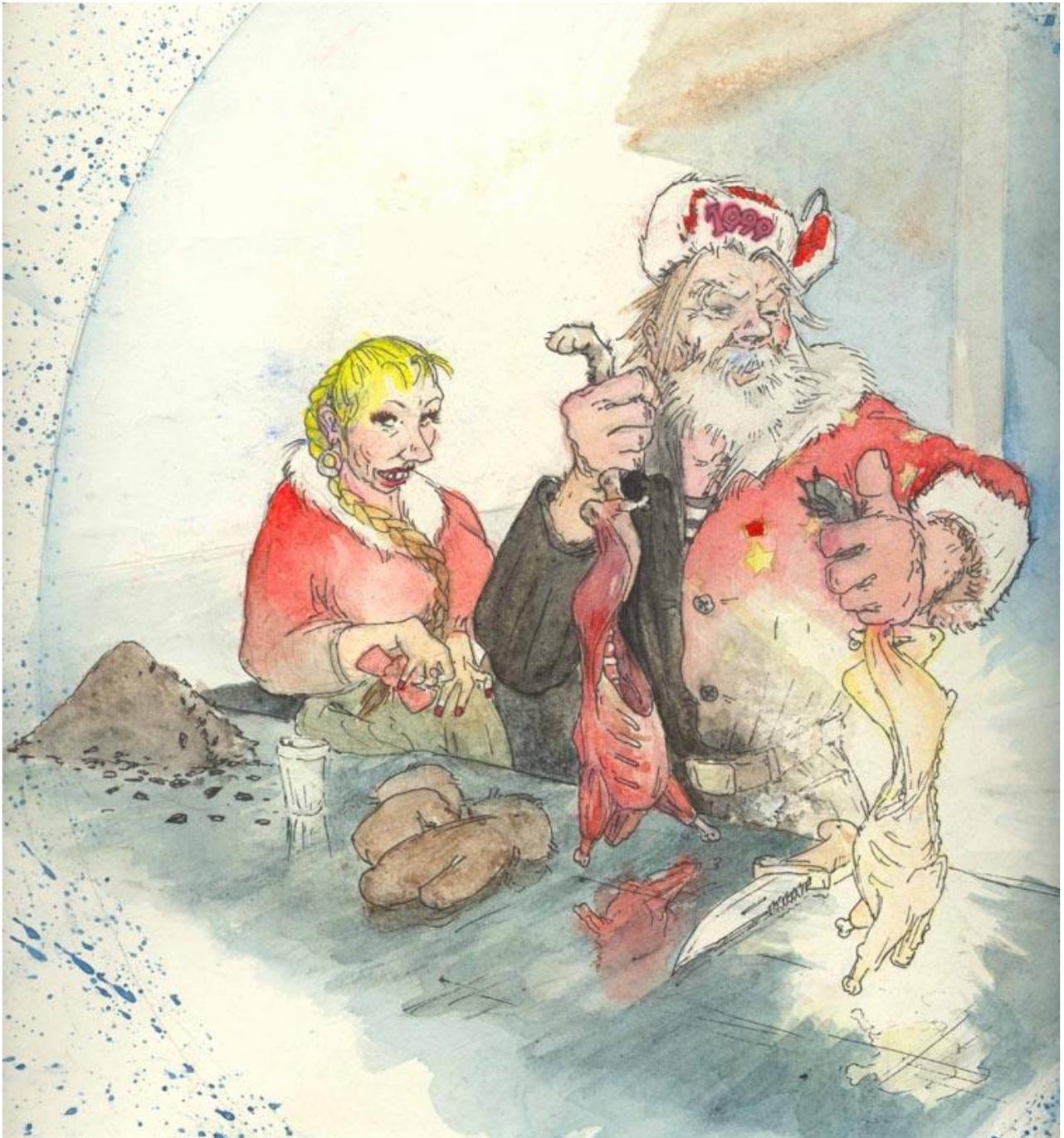
ВТОРОЙ НОВОГОДНИЙ САПФИРНЫЙ ЦИКЛ:

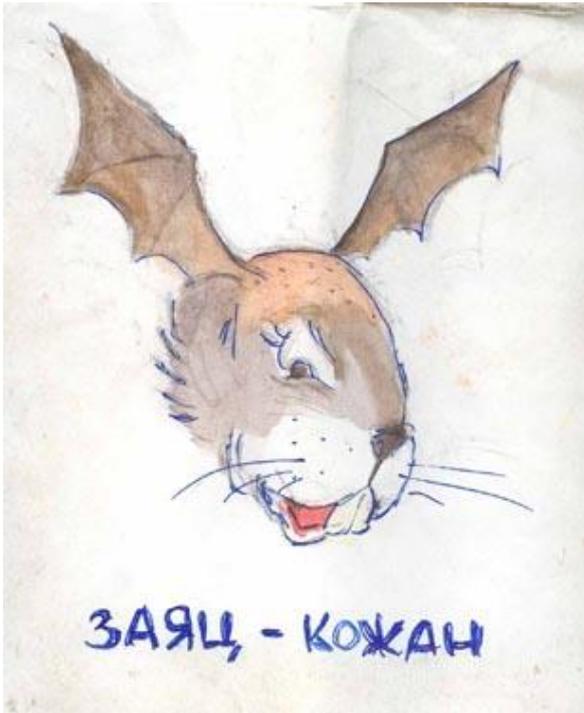
[Лещина, из новогодней газеты 1994 НГ]

На плите сидит ворона —
 Ест из кана макароны.
 : жаль, объём гарнира мал —
 Босх ей додика послал...
 Воскресенье, грот Сапфир —
 — тает в вермуте пломбир!..
 Понедельник, грот Сапфир —
 : вся надежда на кефир...
 Я с трудом дополз до грота —
 Там слесарные работы:
 Двое додиков в тоске
 Ковыряются в замке...
 По началу генваря
 вся надежда на Хмыря:
 : ну когда же этот тать
 нас придёт опохмелять?!
 У Четвёртого Подъезда
 Видно кодовый замок:
 После двух кило “шартреза”
 Я войти в него не смог...
 ... Вылезаю из Никит.
 Голова весьма болит —
 : Где бы что-то обрести,
 Дабы голову спасти?..

* * *

Из новогодней газеты 1999 НГ, посвящённой
наступающему году Кота-Кролика [рисунки Ю. Кирина]:

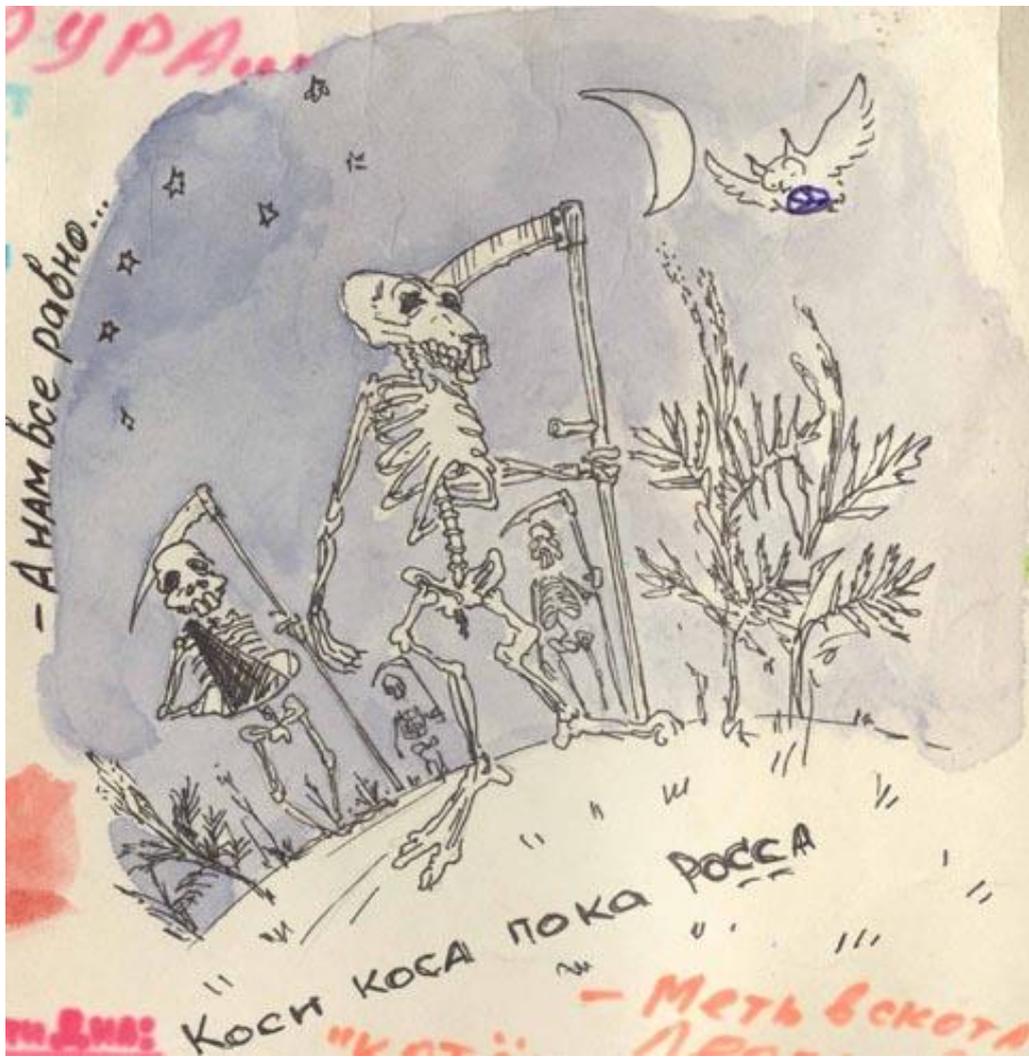
СЛОВИТЬ ДО СМЕРТИ?

если верить политическим слухам, в России популяции этого славного и любимого всеми зверя-эндемика угрожает КРАСНАЯ БОЛЕЗНЬ. Спасём всем миром славного зверя-эндемика!!!

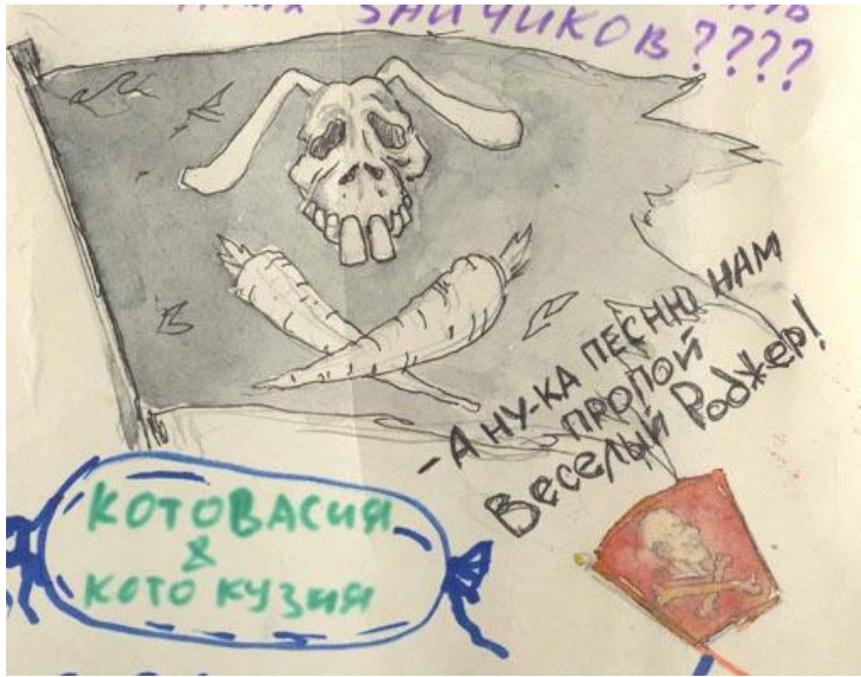
из тайной КОМЕКУМИ БОРХЕСА:

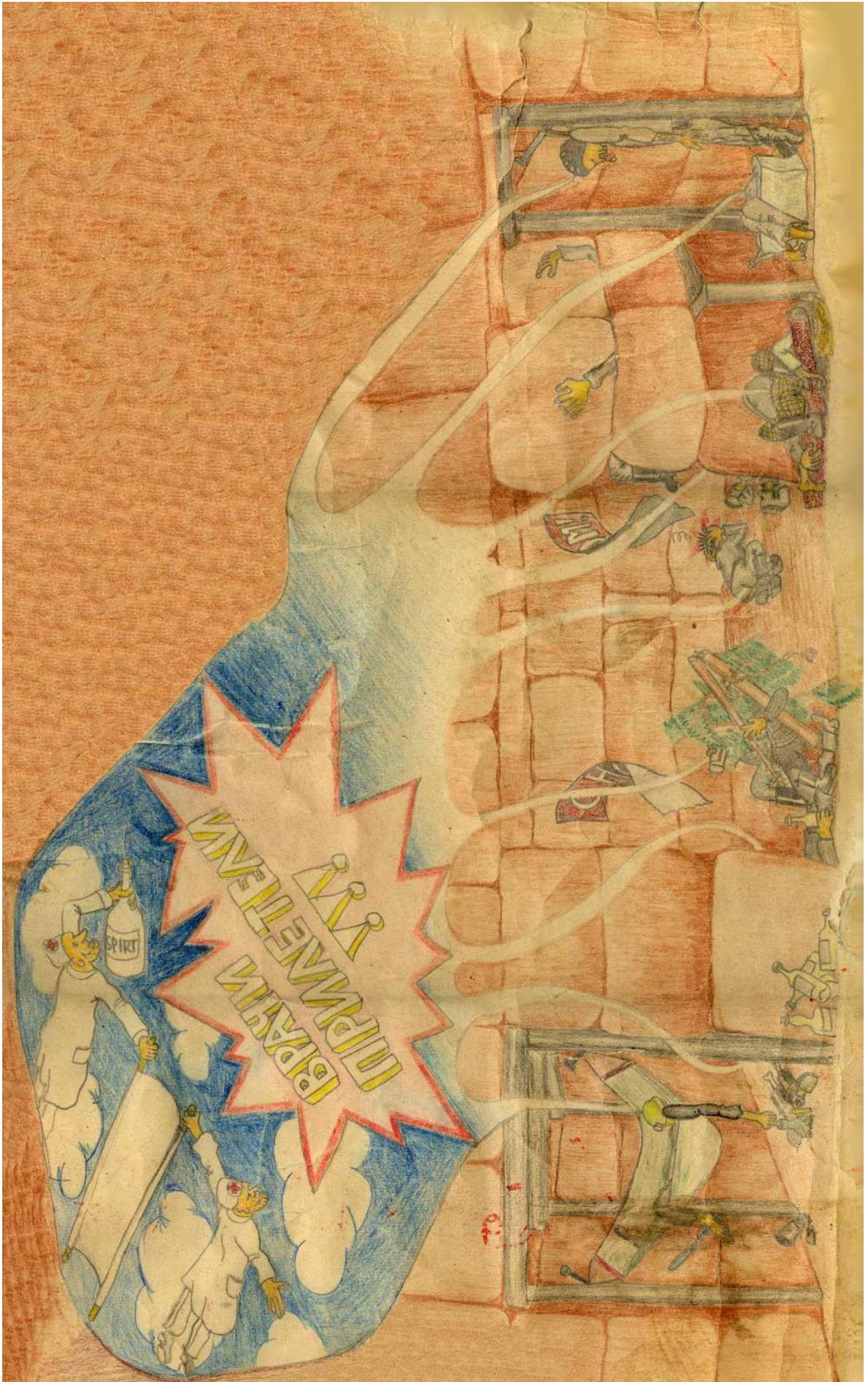
П'РУСАК:
согласно легенде, прижившийся к человеку заяц лесной; П'русак - народное прозвище (прижившийся русак); научное название П'русак - ЗАЕЦ КИНОНИУС НОСННОУ; за необычайную пружинистость называется так же ТАРА-КАН.

БЕЛЯК - КАПУ\$ТНИК

"В полночь зайцы траву..."

[Хмырь, 1985. Сожалею, что для публикации на книжной странице рисунок пришлось сжать в четыре раза, да ещё положить на бок...]

* * *

А ещё – лет за 20 до первых песенок “Короля и шута” и “Раммштайна” мы пели нижеприведённый текст на гибридный мотив “Вставай, страна огромная”/“В лесу родилась ёлочка”, – могучим таким, суровым арпеджио... Впервые этот стишок был помещён в новогодней магазматке 1976 года, затем в 1986, 1996 и 2006 годах. Начальные строфы Б. Брайнина; финальная дописана в 2006 коллективно-бессознательным образом.

Декабрь зловещий подходил
 К черте другого дня
 И сын у матери спросил:
 – Где ёлка у меня?

– Пойди дорогой на закат
 И сердце успокой
 Где ждёт тебя твой старший брат
 Под гробовой доской,

Где «баю-бай» поёт метель
 Из стали и свинца,
 С корнями выдерешь ты ель
 Из черепа отца!

– Иди! – ему сказала мать
 И хлеб с вином дала.
 – Иди, тебя я буду ждать!..
 И тут же умерла...

«Прости родная сторона,
 А я тебя простил...»
 Он выпил горького вина
 И ногти отрастил.

И в нём священный огонь взалкал,
 Ведя его судьбу...
 Он днём повозку слёз толкал,
 А ночью спал в гробу.

И там, где стала ночь светла,
Где филин звал гостей –
Там ель могильная росла
Одна среди костей.

Как смерть, он к ёлке подлетел,
Вонзил в неё металл –
И волк от страха околел.
А заяц дуба дал.

... Он через тысячи дорог,
Через болота слёз
Приполз домой без рук, без ног,
И ёлочку принёс.

: она в гирляндах из костей
на праздник к нам пришла
и много-много радостей
детям принесла!!!

*... Под крепью Дед Мороз лежал
Безрукий и босой
Снегурка пела песенки
Вся в белом и с косой...*

ВТОРОЕ НОВОГОДНЕ-ПРОРОЧЕСКОЕ:

[Сом&Рашпиль, из новогодней газеты 1985 НГ]

На карачках люди расползаются,
Сотрясает ужас хлипкий свод —
Вот какие вещи получают,
Если С ЖАРОМ встретить новый год!..

* * *

Далее – несколько архивных фотографий НК со встречи
Первого Никитского Общего Нового года работы Светика и КНЭД
и нескольких следующих (увы: сохранность, да и исходное качество старых
снимков оставляют желать лучшего...):

Подготовка ко встрече; передо мной питающие аппаратуру аккумуляторы.

Зелёный Змей на фоне ещё не повешенной газеты.

Зелёный Змей, Большой Никитский Удав и я на фоне обильно украшенной ёлочки с каким-то новогодним плакатом (нас просили сделать умные лица).

Так мы пили...

... а так – пели!

Новый 1982 год в Никитах – исполнение новогодней программы.
Белая вертикальная хреновина за моим плечом на верхнем снимке – и есть
ПЛЕКС, ОБЁРНУТЫЙ ГАЗЕТОЙ.
На нижнем снимке ощущается присутствие Дзуликой.

Новый 1985 (“ZOOLOOKический”) год У Трёх Охотников.
 На стене – исторический коврик. Наверху: Глюк, Мамонт и Асисяй;
 внизу на фоне новогодних маразмоток – Маркелыч, Наумыч и снова Глюк.

Там же и тогда же – Индеец и я. Исторический момент повествования о Контакте с Двудикой. (Через 10 минут Второе Пророческое Новогоднее стихотворение начнёт сбываться...)

Утро 1 января 1981 года.

Прежде чем наводить порядок, есть смысл отжаться постановочной фотосъёмке. (Первое Пророческое Новогоднее стихотворение сбудется через день.)

Теперь несколько почти современных новогодних фотографий работы Модема, Малыша, Сапиенса, Светодиода и Олича, снятых в том же гроте 20 лет спустя...

Подготовка новогоднего стола:

Далее – создатель и Первый Президент РОСС Александр Никольский за работой по организации Новогоднего Праздника:

Хорошо поём и 20 лет спустя! (Паникёр, Прохор, Кролик, Сталкер, Подарок, чья-то чайница и моя собака Багира – НГ-2001.)

Нина и Склизский Змей на НГ-2001 в Обитаемом Острове.

МалышЪ и Никольский там же тогда же.

Актриса на НГ-2007.

До полуночи осталось чуть меньше минуты — прислушавшись, можно различить тиканье электронных часов и бессмертную мелодию Jean-Michel Jarre с альбома “Equinoxe”, называемую в Никитах “шарманщиком”.

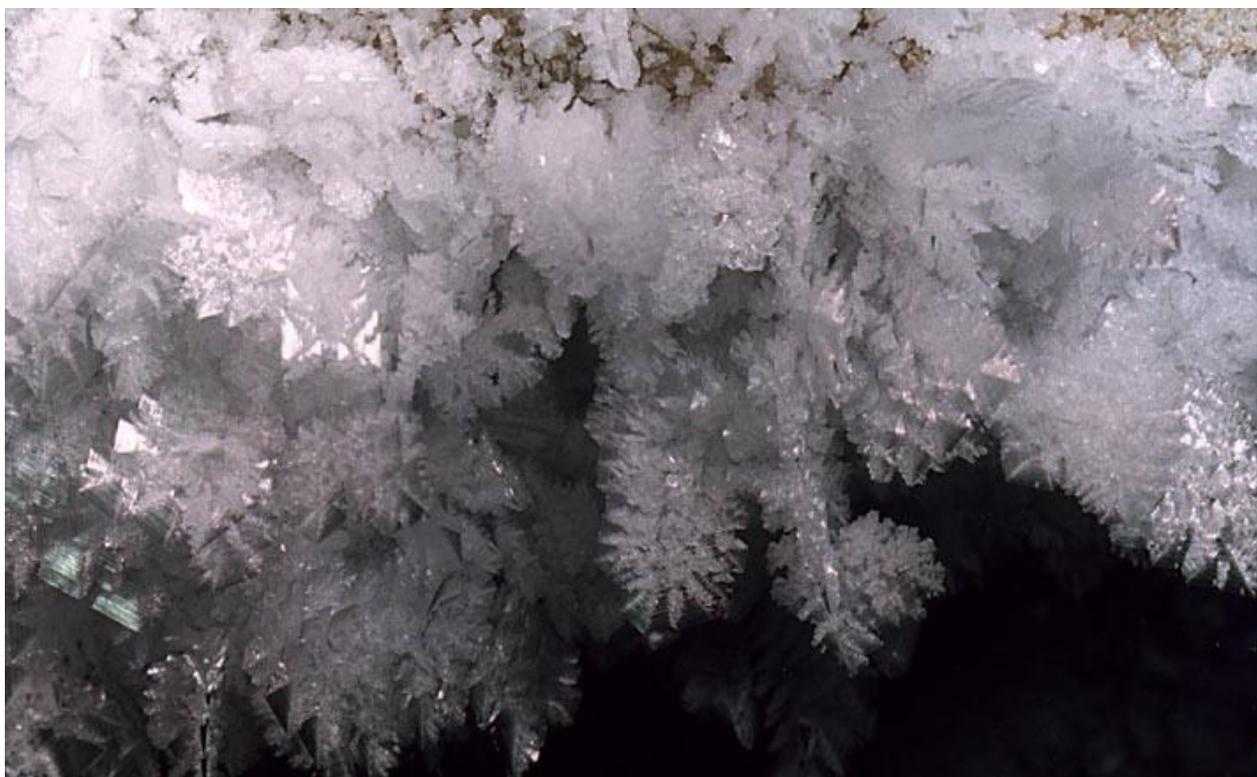

Обитаемый Остров, Полночь под “Шарманщика” ‘J-M-J’.

Так в новогоднюю ночь выглядят наши входы.

– Или почти так:

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ: ПОЧТИ ФАТАЛЬНОЕ

*“Вот так кончается Дорога:
Не в середине, не в конце...”*
: Ю. Устинов

Теперь рискну повториться, описав важнейшее Событие в никитской истории.

В “Кейвлайвинге” я уже сделал это – но то описание касалось его спелеонавтической стороны. А потому многие моменты пришлось ‘опустить для ясности’.

В этом повествовании рассказать о них не только можно, но и *должно*:

* * *

В конце ноября 1986 года я принёс в Никиты некоторую геофизическую, медицинскую и аэрологическую аппаратуру: мы с Сапиенсом всерьёз готовились к давно разработанному Раздельному Пребыванию; соответственно, испытывали создаваемое ‘железо’ и методики работы с ним.

Планировалось, что каждые выходные будем приходить туда и проверять

приборы на предмет надёжности — сомнение было по поводу длительного пребывания рулонов бумаги самописцев в нашей подземной влажности, как и в отношении длительного хранения в этой влажности электрических схем — часть из которых мы герметизировали лаком, часть залили парафином: для сравнения.

“Кейв-Лэб” был оборудован в Дальней системе Никит, в одном из тамошних малоизвестных гротов с небольшой тягой воздуха — тягой, вызывавшей у нас ряд вопросов, — но, как мы ни пытались пробиться через завалы и тупики в направлении этой тяги, никуда пробиться не удалось. Тем не менее, поток воздуха имел место — что было удобно для измерения его параметров. А заодно для проверки аппаратуры.

Подход к гроту я замаскировал парой плит (на тяге это не отразилось, но случайного чайника должно было остановить) — кроме того, в Журнале была сделана надпись, что в Системе находится группа на Пребывании, которая не желает с собой никаких контактов.

: на всякий случай.

Сам я в это время договаривался о переходе на новую работу — по своей неофициальной, но весьма любимой профессии: звукооператор.

Меня давно звал работать в театр Сац тамошний звуковик Слава Подгорный — и вот теперь освобождалось долгожданное место.

: Работать со звуком, да ещё в хорошей компании было моей давней мечтой. Хотелось верить, что эта моя работа будет *последней* — ибо к тому времени в среде авторской песни я не только стяжал некоторую известность, как звукооператор — понял: *если мне не суждено профессионально заниматься подземными пребываниями, единственное, что хотелось бы делать всерьёз в этой жизни — Ставить Звук.*

На официальную карьеру советского писателя не то, что надежды — эрекции не было:

“Либо ты пишешь, либо печатаешься”. И не фиг смешивать эти понятия. В нашей стране.

: Я выбрал — писать.

И Работу со Звуком.

В театр я должен был явиться в феврале — а потому мы с Сергеем решили, что основная репетиция Раздельного Пребывания состоится с 25 января по 8 февраля. Сроком на две недели, совпадающим со студенческими каникулами. Что было удобно для шести участников нашего эксперимента.

И для Сапиенса, у которого на это время был запланирован отпуск.

Летом, по итогам этого репетиционного пребывания, задумали уйти под землю на два месяца. С лагерем ГО наверху над пещерой, телефонной связью с обеими группами — и прочим. Как мечталось все эти годы. Всё очень хорошо совпадало: театральные и студенческие каникулы, и планы на лето моих друзей.

Но Подземля настолько сильно звала, притягивала — что, думал, не удержусь: декабрь был у меня свободным (с предыдущей официальной работы я

уже ушёл; семьи к этому печальному моменту также не стало) — что мешало мне залезть в родные Никиты в порядке “частного пребывания”?

Тем более, что в городе ничто не удерживало во всех смыслах. Более того: сходил по вечерам с ума в городских стенах. И от случившегося одиночества, и от того, что привело к нему.

Под землёй было легче. Под землёй была бы Работа. И родные, добрые стены. Не знающие “измены, подлости и вранья”.

Запланировал погрузиться 5 декабря – но не успел создать нужного запаса продуктов.

: Совок издыхал, – призрак голодного коммунизма всё отчётливее наполнял оголяющиеся витрины магазинов. А потому с едой было туго.

Погружение перенёс на девятое.

Восьмого, накануне, ко мне приехал Сапиенс.

“Сверить наши параметрические песни”.

В разгар сверки раздался телефонный звонок.

: Звонил Гриша Чёрт. Он сказал, что только что имел телефонный разговор со Старым.

Старый – один из никитян генерации осени 1981 года. С севера Москвы, из района Медведково. После разгрома “Сокольников” прибил к спелеосекции МГУ, чтобы не терять связи с “вертикалками”. Параллельно продолжал никитское хождение; прославился написанием никитского песенного цикла. Ведущей вещью в котором была «Баллада о Серном Волоке» < “Я – главный волок Систем, – Я не фильтруюсь ничем!..” >. Написанная как издевательская дразнилка в адрес любителей подземного дыма, она неожиданно стала их негласным гимном, –

: Сам Старый от такого прочтения его песни был в “естественном творческом ужасе”. Но поделаться ничего не смог – песня самостоятельно завоевала место под солнцем. То есть “в определённых кругах спелестологической тьмы”. В выемке Зелёного Змея он не участвовал – повезло: именно в эти дни штурмовал хребет Алек. Так что отношения я с ним сохранил нормальные. Но – внешне. Ибо не знал, как он повёл бы себя, коль в те дни не оказался “вдали от Москвы”: клубная дисциплина сродни армейской.

В любом случае человек, продолжающий общаться и здороваться за руку с теми, кто вытаскивал Змея и Моку из Никит, “любви не вызывал”. А потому известие, что Гриша Чёрт “только что общался со Старым” не отозвалось во мне ни на сколько.

– Ну и что? – машинально спрашиваю я — сам тем временем находясь, точнее, *уже пребывая* в родной Системе.

– Старый сказал, чтоб я срочно позвонил тебе. Потому что их вызывают на прочёсывание Никит – власти завтра будут взрывать Систему.

: Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Отпребывался. Почему-то мгновенно подумал об оставленной в Системе аппаратуре —

: вполне нормальная, между прочим, реакция. Ибо стоял нам этот комплект, если и не в деньгах (“хотя и в них, конечно, тоже”) – ...

Вообще-то слухи о готовящемся взрыве Никит, как говорится, носились в воздухе – время, опять же было такое, и ничего иного мы от власти не ждали — разве что переедут меня, Змея или Мамонта каким-нибудь случайным гавновозом, или шпана в Домодедово (то есть “якобы шпана”) ножик под ребро сунет,—

: были попытки ликвидировать наши входы ранее – но ни к чему не привели. Слишком неудобно для “закрывателей” они расположены – не в провальных воронках, а посреди склона холма. Бутом не закидать, хоботом совкового бетоновоза не дотянуться.

И раз ни бут, ни бетон не подходят – выход остаётся один.

: ВЗРЫВАТЬ.

Но процесс этот столь бюрократически-долгий, что – честно говоря – на его скорую реализацию мы не рассчитывали.

– Однако, ошиблись. Бывает.

– Что ты предлагаешь?

– Ты ДОЛЖЕН как-то помешать.

: Вот так. Ни больше, ни меньше.

Однако аппаратуру действительно жалко. Ведь сгниёт – пока по весне новый вход проковыряем... Впрочем, что я переживаю раньше времени? Старьёвщик, что до лучших времён в бочке ‘а ля Гвидон’ значен...

Так стоит-ли – рыпаться? Пусть их, балуются.

Посмотрим со стороны.

: Сап протягивает руку пальчиком вниз. И весёленькая идея посещает меня.

– Чёрт! Передай Старому, что у меня там группа на Пребывании!

: Записи в Журнале соответствует на все 100 %.

Чёрт прощается. Мы с Сапом смотрим друг на друга.

: Отступать, как говорится, некуда. И Чёрт меня потянул за язык... То есть – Сап.

Памятуя, что квартира может прослушиваться, на всякий случай врубаю музыку. “Акцепт-85”, “Металлическое сердце”. Пусть просвещаются. Но Сапиенс успевае довольно громко пробормотать – то есть озвучить на всякий случай Идею:

– А когда они должны выйти?

– 25 января,— как ни в чём ни бывало отвечаю я. Очень люблю я эту дату. Как-никак – Татьянин день. И день рождения Высоцкого.

– И вообще: в новом году, как известно, у партии и планы новые. А кто старое помянет...

: Тому и вход — выход.

– Слушай, но как же ты собирался завтра – им-то не помешал бы?

– Ха,— хмыкаю я, заправляя ленту в приёмную катушку,— я-то знаю, где они стоят и работают. Наши приборы в другой стороне. Так что я бы не пересёкся. Мне моя Ж. дорога, как “Память”.

Пока проматывается ракорд, Сапиенс успевае вбить последний виртуаль-

ный гвоздь в голову возможной прослушки:

– М-да... Не завидую я завтра этим МГУ-шным “спасателям”... Столкнуться с тренирующимся под землёй спецназом ГРУ...

– Тс-с! – говорю я. Под самые первые звуки. “Тайна военная, трендежу без сильной надобности не подлежащая.”

И не сказуемая.

Мы пока ещё не знаем, что будет дальше – но поиздеваться хочется вволю.

— *а Вам, уважаемый Читатель, разве не*

захотелось бы?

Тем более, что мы ничего не теряем: главное, чтоб от их поганых взрывов не легло пол-Системы.

А вот за эту светлую мысль стоит побороться.

И мы боремся. Поскольку общаемся много лет, и общаемся плотно – на звукозаписывающей фронде подпольной авторской песни, и в Никитах, и в Старице, и “просто по жизни” – понимаем друг друга не с полуслова.

: Вообще без слов.

Так что музыка нам не сильно нужна. Особенно Сапиенсу, что металлу явно предпочитает хороший блюз. А потому отслушав Первую композицию и вполне насладившись металлическим извратом на нестареющую тему Бетховена, включаем Эрика Клэптона.

: Надеюсь, мембраны в возможных микрофонах разорвало в клочья.

: Это ведь просто здорово: замечательная звукоизоляция старинного дома (первый раз о существовании соседа сверху узнал, когда тот уронил штангу) в сочетании со стоваттным, собранным своими руками усилителем класса “Хай-Фай”. С замечательно отстроенным ЭМОСом.

Но существование в доме пяти магнитофонов вызывает в подсознании довольно интересное движение мысли – а потому соединяю один из них с телефонной линией. Есть у меня магнитофон со специальным фильтрующим входом. И автозапуском на запись от ‘позвоночных’ 120 вольт.

Конкретно – от третьего сигнала. Одновременно с привычным подъёмом трубки.

Удобная в домашнем хозяйстве штукавина.

Клэптона, конечно, включаю потише. Децибел на сорок.

И раздаётся звонок.

: Гриша Чёрт пытается мне сообщить телефоны руководства современного МГУ-шного спасотряда – чтоб я позвонил им.

Нет, ребята. Я *им* звонить не буду. Никогда и ни при каких условиях.

: Им нужно – пусть сами и звонят.

– Скажи им, Гриша, что на Пребывании специально тренирующаяся группа военных. Этого достаточно.

«Для небольшого инфаркта у вполне сообразительного существа», – мгновенно доборматывает подсознание.

Но начальник официального спасотряда не может быть сообразительным существом – “потому что не может быть”.

— Хорошо,— говорит Чёрт и вешает со своей стороны трубку. С нашей стороны она уж пару секунд покоится на рычагах аппарата.

: Ход насчёт того, что в Никитах пребывает группа, безусловно срабатывает — через пять минут после моего общения с Чёртом раздаётся ‘ещё один звонок’. Но к этому звонку у нас всё обсуждено и готово — включая соединение катушечника с телефонным аппаратом,— на третьем звонке я снимаю трубку:

: надо же узнать, как работает режим записи. Пока звонит всякая челядь типа ‘эмгэушно-сосотельного’ начальства,— кстати, я не ошибаюсь, и это именно *оно*. (Средний род данного слова обязан подчеркнуть сходство с известным метаболическим продуктом.)

— Теперь *всё оно* так и будет звонить нам сюда,— по цепочке до самого верха: кому охота в результате своей деятельности заработать “мокрую статью”? К тому же “дикие спелеологи” — это одно, а слово “тренировка” всё-таки вызывает в спелеологическо-вертикальной подкорке небольшую тормозную реакцию. Небольшую — до того момента, пока я не сообщаю им пару/тройку интимных деталей, после чего...

— Но нам вовсе не нужно, чтобы *оно* трезвонило нам полночи “до самого верха”. На “самый верх” мы должны позвонить лично: чтоб перехватить инициативу в управлениями событиями. Для чего, как минимум, нужно знать координаты этого самого “верха”.

Выбиваются же они из звонящих нам даунов следующим образом: тут очень важно представить, на каком языке с ними — в соответствии с табелем об их служебных рангах — следует общаться. То есть клубно-сявочное начальство Старого, мягко говоря, просто посылается к бую. Нам *оно* не указ; мы профессионально занимаемся подземными исследованиями в одном из серхзакрытых НИИ; в их клубные околоспортивные игры не играем и на всякую спелеошущару не привыкли обращать внимания. И вообще нам несколько непонятно, с какой стати спелео, как мы понимаем, спортсмены, суют свой нос в горизонтальные искусственные выработки?..

Но прежде чем послать вертикальное начальство в места, как выражался губернатор г. Тверь, “не столь отдалённые”, оно официально ставится раком — то есть в известность, что:

а) в Никитах на секретном эксперименте находится спецкоманда, связь с которой по условиям проведения эксперимента невозможна до 13. 01. 88 (любим мы лярвам праздники портить);

б) разговор с абонентом автоматически записывается на плёнку — чтоб потом не было: а мы не знали... Запись — то есть её фрагмент — демонстрируется, в результате чего спелеосявки настолько теряют в сознании, что даже забывают проститься с нами — просто вещают трубку... Хорошо, что не сами. *Нам эти спелеотрупы нужны живыми.*

— И они выполняют свою Великую Истериическую Миссию: жалуются на нас *своему профсоюзно-комсомольскому* (*оно же* — “*центрально-спелеологическое*”) начальству. А уж потом идут “вешаться

на самостраховке” — ибо понимают: начальство завсегда дубьё, а чем начальник — тем дубее (особенно казённый), то есть: будут взрывать, как было намечено, а вот сидеть за это придётся *им*. Потому что в отношении себя они иллюзий имени Ричарда Баха не питают: *их* что на верную смерть посылать, что в Дальнюю систему Никит... Да хоть в Ближнюю — спецкоманду вылавливать, которая забралась туда для отработки методик подземного боя и выживания. А также соответствующей маскировки. Применительно к указанным задачам. <Кстати: коль спелеосявки обнаружат наши работающие приборы — должны сделать вывод: *под землёй кто-то есть*.>

— я чуть расслабляюсь,— буквально на полминуты,— и в голову мою приходит соответствующая мысль: пусть Сапиенс тут с ними по телефону “воюет”, назвавшись моим именем, а мне тем временем мотнуться Никиты, оснастившись по дороге (где — моё личное дело) несколькими баллонами с пропаном и углекислотой, а также более традиционной “химией или жизнью”, и разыграть перед пожаловавшими гостями эту подземную “спецкоманду”...

Ну просто руки жжёт — показать “спасотряд”, чей визит *обязательно следует завтра в Никиты*, “Вьетнам пополам с Освенцимом”, — как говаривал Мамонт, поджигая очередную “реактивную чекушку” — бутылку с бензином и фитилём — прежде чем метнуть её в цель. Меня одного на это дело как раз хватит — даже Зелёного с Мамонтом беспокоить не нужно: пара-тройка пропановых “объёмников”; пара завалов с кодовыми замками в самых неподходящих местах, десяток-другой волоков (общеотравляющих, удушающих, слезогонных и нервно-паралитических в традициях Силикат с учётом традиционных никитских тяг зимнего воздуха) + славное моё ноу-хау времён Зелёной войны — самая изюминка: волок углекислотный, наркологически чистый... Под занавес. “Фо спешел” для тех, кто к собственному ужасу ещё останется в чувствах.

— Однако с этой мыслью я быстро прощаюсь: *взорвут вместе с Никитами*. Это ведь не фашисты в Аджимушкайских каменоломнях — церемониться не будут... И потому мы с Сапом играем дальше по телефону:

— По которому следующим номером нам звонят уже некие “официальные представители официального Московского СпелеоСпасОтряда < не уверен, что “официально” здесь всё правильно с грамматикой — что поделат: именно в такой “транс’скрипции” они нам представились, делая артикулярный упор на прописных, в моей записи, буквах — некто, скрывшийся под псевдонимом “Константин” и некто, назвавшийся “Погадаев Серёжа”. Или Слава,— это я уже за давностью точно не помню,— да и какая принципиальная разница? >

: СПЕЛЕОСПАСОТРЯД???

— ХА! ХА!! ХА!!!

: Что же тогда “контора Старого”?..

«Интересно,— думаю я,— они хоть соображают, кому можно вешать *такую*

лапишу, а кому нет?»

– “Я не думаю: видите, нечем...”, — ехидно цитирует Сап из М. Волкова и интересуется из моего любимого кресла-качалки, знают-ли мальчики хоть одну “дырку” в окрестностях г. Москва (сливные колодцы и канализационные люки не в счёт), и не заблудятся-ли они в метро по дороге к оной?..

: Более сложные вопросы им, очевидно, задавать бестактно – ‘хлопцы могут не понять и обидеться’. То есть обгадиться. Хотя в известном смысле они уже сделали это: *представившись перед НАМИ от лица стопроцентно не существующей в настоящее время организации...*

В завершение общения “представителям потусторонних сил” указывается направление – следуя которому они действительно смогут добраться до Никит. По крайней мере, до одного из известных никитских гротов. Фольклёрно, я бы сказал, даже самого известного грота – ибо называется он “Малый Нецензурный”. То есть “Х... Малый”.

Впрочем, по указанному азимуту можно дойти и до Большого.

– Так же они предупреждаются насчёт записи беседы и спецкоманды, проводящей учения в пещере.

А потом я кладу трубку и мы долго ржём, не в силах прийти в себя. Этот раунд мы выиграем – и твёрдо знаем это, потому что *просто невозможно представить, каким идиотом нужно быть, что бы проиграть “на интеллектуальном поле” — таким ....*

— Мы ставим чай: очень хочется пить, — и я мастерю бутерброды – просто ЧУДО: Сап где-то умудрился “надыбить” немного *настоящего сыра; настоящего* – я понимаю толк в данных вопросах, — я ведь больше всего на свете люблю сыр — *чииз*, — однако, насладиться вкусом сего замечательного продукта нам не даёт очередной звонок по телефону:

: предпоследняя, по нашим с Сапиенсом расчетам, инстанция меж нами и теми, кто стоит “наверху” этой операции, —

– Ибо когда я посылаю по следам предидущих “звонарей” в грот “М.Х.” одного ярко выраженного дауна — якобы... **ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО МОСКОВСКОГО ГЛАВНОГО СПЕЛЕОЛОГИЧЕСКОГО ГЛАВНОГО СПАСАТЕЛЬНОГО САМОГО ГЛАВНОГО СПЕЛЕОСПАСОТЯДА**, — точнее, уже почти ритуально обряжаю этого козла информацией о спецкоманде под землёй и о записи разговора, — трубку у помянутого козла забирает Его Высокое Начальство. Или напрямую соединяется с нами. *И тут начинается такой цирк, что мы безошибочно делаем вывод о “предпоследности” этой инстанции: ‘инстанция огромного масштаба’...* Что и говорить:

: Во-первых – наличие ‘секретаря’-адьютанта мужского полу в 00 часов 47 минут ночи;

: Во-вторых – по полной неспособности менее, чем с двумя ошибками, произнести слово “спелеология” (о существовании термина “спелестология” даун *такого масштаба* не обязан даже догадываться);

: В третьих – по наличию “весьма специальных”, столь ненавистных нам в

речи, интонаций “гэбэшного толка” и лексику, характерного для бравого работника гэбухи в чине полковника (майоры ГБ в своей речи обычно ближе к народу, а генералы до общения с простыми смертными не снизсходят);

: В четвёртых – по тому, как этот новоявленный баран Мюнхаузен нам представился.

Я данный титул воспроизвести здесь просто не смогу –

... И как он орал на меня и пугал “ТУРМОЙ” —

– Как только у телефона наушник от перегруза не разорвало?..

: Полкан-Мюнхаузен орёт, матерится, пытается запугать меня тюрьмой и лагерем (нашёл, кого пугать),— и грозит, что (вдумайтесь дальше в *каждое* его слово) *“если через полчаса я не выведу всех своих из-под земли — то через пять минут за мной придет машина и разговор будет завершён в ином месте”*... Очевидно, более естественном для полковника гэбухи – не смотря на покой, якобы гарантированный гражданам нашей страны Конституцией в данное время суток – и в более привычной ему форме. Чувствуется, что полкан-мюнхаузена сильно сковывает тот факт, что я не измудохан до потери сознания и не связан по рукам и ногам, а из жопы у меня не торчит пятикубовая машина на сульфатной тяге.

– Что вы,— вежливо отвечаю я этому зверю,— я, как и вы, маленький винтик (очень тонко, между прочим, поддеваю: ибо полкан-мюнхаузен представился нам “штатным спасателем”),— *там четыре закрытых института задействовано, и специальная комиссия министра обороны...* Этот вопрос я, как и вы, решать не вправе. Я бы и сам рад – но от меня это не зависит. Поймите меня правильно: в данной программе < как бы проговариваюсь я > я выступал всего лишь консультантом-спелеологом, ответственным за выбор полигона для испытания этих технологий... Да, они работают со специалистом, которому прекрасно известен данный лабиринт. Специалиста рекомендовал я, но какое это имеет отношение к предмету нашей беседы?.. Извините, фамилию его я сообщать вам не вправе без специального разрешения. Я, конечно, доложу в комиссию о *вашем решении*,— припугиваю далее я,— но не думаю, что оно вызовет восторг в соответствующих инстанциях...

: Полкан требует у меня координаты “руководства этими [...], ну, которые там” – будто я такой умственно отсталый. И, перебивая собственную мысль, заявляет, что я должен доложить своему начальству о том, что завтра категорически все из пещеры должны выйти.

“И сдать оружие”.

– Как же!..

– Извините,— приходится выговаривать ему, словно ребёнку, задавшему бестактный вопрос,— но такие вопросы я с вами обсуждать не вправе. Эта проблема после моего сообщения может быть обсуждена с заместителем т. Язова и с представителем ГРУ... Понимаю, вам ничего не говорит эта аббревиатура — но поверьте, это даже не пресловутый “комитет”...

Безусловно, что такое ГРУ полкан-мюнхаузен знает не хуже меня, но пока-

зять это знание не имеет права. На чём и играю. А разбираться с замами (довольно бесчисленными) министра обороны, да ещё лезть поперёк могущественнейшей из контор нашей страны,— действительно: что “комитет” против ГРУ?..

: “Официальные спелеки” — против нас. И полковник не может этого не осознавать,— как подозреваю, с ничем не заглушаемым служебным стоном. То есть, поскольку полкан-мюнхаузен *типичный совок* (“другие там не ходят”), то просто не может вообразить, что я способен брехать с такой силой: при слове “зам министра обороны” и слове “ГРУ” в нём включаются определённые рефлексy (близкие к рвотным),— к тому же он знает из моего личного дела, *какую* должность в ГРУ до отставки занимал мой родитель (или догадывается),— знает он так же, что именно интриги этой конторы против комитетовских сявок спасли меня в своё время и от приличного срока, и от потери московской прописки,— в общем, в его организме автоматом срабатывает определённый процесс, требующий, как следствие, смены брюк и кальсон под ними.

— Спелеоспорт,— не унимаюсь я между тем,— не имеет к этому никакого отношения. Вас, очевидно, просто неправильно информировали... Нет, я не имею права обсуждать с вами эти вопросы. Могу лишь предложить вам, пока не случилось досадного инцидента, устранившись от участия в данной акции. Это я вам, как спелеолог спелеологу говорю — в силу наших общих, так сказать, корпоративных интересов...

: Главное — чтоб я его досрочно в гроб не вогнал. А вообще-то здорово: *так им и надо, проклятым*. Ибо куда *им до НАС* — он же, салага, костровых сказок не слушал, на змеёвском Пребывании в новогоднюю ночь не сидел меж Братцем Мамонтом и Братцем Змеем,— два часа непрерывного полёта ничем не скованного воображения пред распахнувшими рты ‘ивасёвскими жёнами’,—

— хотя, возможно, активно способствовал прекращению данного Пребывания “в самый традиционно неподходящий мовемент”...

— представляю, какой шухер сейчас разразится в “гэбэшнике” по поводу моей информации < “Товарищи! Нас крупно подставили — есть все шансы напороться на ОФИГИТЕЛЬНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ!!! В этой грёбаной каменоломне тренируется грушный подземный спецназ — и мы их, это самое дело, должны завтра замуровать...” >,—

— и чуть не падаю со стула от смеха.

Ясно слыша из неплотно прикрытой с той стороны трубки:

— *ПЕТРОВ!!! / “МНОГОТОЧИЕ, МНОГОТОЧИЕ, МНОГОТОЧИЕ” / КТО ГОТОВИЛ СОПРОВОДИЛОВКУ?!!*

... И *после этого они* ещё будут называть себя “спасателями”???

— Знаете что,— возобновляю я атаку (надо окапываться на завоёванных рубежах),— мы сделаем так: я доложу в комиссию о вашем решении; дня через

три-четыре вы мне позвоните, и я вам сообщу точно, когда будет прекращена операция. Если комиссия по результатам этих учений не сочтёт применение Никитских каменоломен оправданным в качестве постоянного полигона – что ж, взрывайте... Что я тут могу сделать...

: Сапиенс в ничем не остановимой истерике раскачивается в кресле-качалке. Как бы его смех...

– Приходится показать кулак, и Серёга кивает.

Однако — по шаткому льду шагаем. Только полкан-мюнхаузен, похоже, уже просто не воспринимает тонких фигур моей речи. Были б мозги – точно окочурился бы от услышанного, — впрочем, имей мозги — никогда в жизни не назвался бы “спасателем”...

: Если б имел мозги.

... Нет, в самом деле: это ж надо — так глупо поЦставиться!

Впрочем, вполне в стиле конторы: объявить место проведения фестиваля зоной эпидемии ящура, городской клуб самодетельной песни разогнать, исходя из “экологических соображений”... *И так далее, —*

– Что они там: нас совсем за дурачков считают?.. Пора бы уж перестроиться: 87-й год в окно стучится, между прочим, — а они всё... Как маленькие.

– Хорошо, — устало и очень натурально повторяю я, — вы ведь не сами руководите этой акцией? Ну, а к чему нам тогда с вами ругаться и переживать за своё начальство?.. Пусть у них голова болит от этих проблем. Давайте сделаем так: я уговорю завтра у себя наверху секретаря комиссии – в крайнем случае, если не застану его на месте, то зама – и он созвонится с теми, кто непосредственно отвечает за *вашу* акцию. Таким образом, нам эту проблему решать не придётся. Ведь взрыв — наверняка инициатива домодедовского горкома?.. — швыряю я в полкан-мюнхаузена спасательным кругом.

– Не убить бы: бросок довольно точный...

: Значит, возвращаемся к первому варианту – раз оттянуть это событие мы не в силах.

Полковник, правда, просто так сдаваться не намерен:

– Разбирайся со своим начальством сам, а завтра же спасотряд прочешет всю вашу пещеру и выведет твоих ... / ‘многоточие, многоточие, многоточие – и ещё не один раз многоточие’, причём даже не вполне по делу / — и тогда мы продолжим наш разговор в другом месте.

: Больше всего это, однако, напоминает типовое размахивание кулаками после драки. Особенно в интонационно-матерном аспекте, ибо ничто так не выдаёт тайных мыслей человека и его глубинного настроения, как скандирование нецензурных текстов.

Я, соответственно, хмыкаю по окончании гэбэшеной тирады:

– Вы, очевидно, не поняли, — повторно (почти как менту: медленно и два раза) говорю я. Хотя, наверное, надо было повторить раза четыре: в соответствии со статусом конторы.

— Вы не поняли. И мне, видимо, придётся вас разочаровать: никого и ничего ваш “спасотряд” найти не сможет. То есть, конечно, они увидят, что в пещере они не одни — это даже им будет трудно не заметить,— но *увидеть воочию* они вряд-ли что смогут. Дело в том, что это не просто группа экспериментаторов. Это тренируется городской спецназ. У них естественная установка: ни с кем не вступать в контакт, быть максимально незаметными — как бы их ни провоцировали. И уверяю вас: это не только специалисты, прошедшие высококлассную отборочную подготовку — они оснащены самыми современными техсредствами, часть из которых проходит во время этих учений практическое испытание. Так что как выйти на поверхность, так и вступить с кем-либо из посторонних в контакт они могут только, получив специальное разрешение своего командования: ГРУ. Мне очень жаль, что я не имею права расшифровать вам эту аббревиатуру — но это уже не мои, а ваши трудности. И вообще,— я откровенно зеваю,— надоело мне с вами трендить. Уже, между прочим, почти полвторого ночи. Взрывайте — мне, в конце концов, какое дело? Я вас предупредил, что беседа записывается. Утром кассета с записью будет на столе дежурного; копия в приёмной министра обороны. А чтоб вам не пришёл в голову какой-нибудь идиотский финт, я на всякий случай прямо сейчас перезвоню по одному номеру и извещу о состоявшейся беседе. И о том, что завтра лично доставлю кассету с записью. Спокойной ночи,— я опускаю трубку на рычаг, не слушая раздающихся из неё звуков.

— И тут же набираю номер отдела, в котором прежде работал мой отец. Точнее, возглавлял. Это действительно номер ГРУ, прослушать разговор по которому невозможно. Как и определить с районной АТС, что абонент по техническим причинам так и не снял трубку — потому что не может быть никого по этому номеру в два часа ночи!..

: наслаждаюсь характерными низкочастотными гудками — не такими, как с обычных АТС, а чуть длиннее, чем “занято”, но короче, чем “свободно”. Наслаждаюсь ровно столько, сколько может длиться разговор с воображаемым дежурным. А на АТС, поставленной полкан-мюнхаузенем в это время по стойке “смирно!”,— простой районной АТС, что находится точно против окон моей квартиры по другую сторону весьма условного по своим размерам двора,— царит тихая паника:

: Пробуждение немногочисленного более-менее трезвого технического состава,— честь отношения к которому в своё время разделял сам, работая на ниве телефонии и слабых токов предпускового олимпийского объекта ЦДТ,— от коллег по жанру и знаю стандартные подробности таких “побудок”: сонный дежурный, отmaterясь мимо трубки, тупо созерцает карту соединений КРОС-СА,— затем, отmaterясь на этаж выше, сообщает полковнику номер, а также характер гудков. И что так называемый “регистратор шумов”, подключённый к моему номеру, разговора выявить “по техническим причинам” не может. После чего посылает полковника в один из известнейших никитских гротов (в Большой, а не Малый по причине времени суток) — и ложится спать далее, глотнув ещё 150 грамм снотворного.

— И полковник < пока ещё полковник > с ужасом определяет по своему каталогу (точнее, с этой работой справляются его адъютанты — чтоб не спали без дела: ночь ещё не кончилась), что данный номер действительно принадлежит ГРУ.

Возможно — но маловероятно — он определит даже, что это номер одного очень замечательного отдела... Назовём этот отдел “техническим”. Но никогда с обычной аппаратуры подслушивания, которой нафаршированы советские АТС, не определить: сняли-ли трубку “на том конце провода”. Потому как не определить. ГРУ — это вам не гэбэшная богадельня для политбюронных детишек. Там профессионалы работают. И взрывами пещер, как и борьбой с собственным народом они не занимаются: у них конкретной работы хватает.

А потому, не успеваю я положить ещё тёплую трубку после воображаемой беседы с родителем, раздаётся новый звонок. На этот раз гораздо более истеричный,— по-моему, голос Мюнхаузена (слово “полковник” можно фактически отбросить по очевидным причинам) раздаётся из неё даже чуть раньше, чем смолкает звонковая россыпь.

— Вы продолжаете записывать нашу беседу?..

Следует отметить, что интонации Мюнхаузена значительно изменились — трудно только сказать, в какую сторону. Видимо, у него просто дрожит голос.

— А КАК ЖЕ!!! — злорадно торжествую я.

— И тут наш “спасатель” ломается. А что ему ещё остаётся делать? Только что он получил подтверждение, что с ним не шутят — и по самому большому счёту... Как ни дико ему получить подобную затрещину *именно от меня* —

: Что с ГРУ шутки плохи, он доподлинно знает. И хоть в расход его, конечно, не пустят,— не те времена,— пострадать можно так, что “мало не покажется”.

Причём в любом случае. Отложить взрыв — а вдруг его просто нае...? Рванёшь — вдруг там не люди, а действительно спецназ?..

: Вышка не вышка, а кресла и звёздочек перед пенсией лишиться... Проверить же можно одним способом: тем самым, коим несколько колется.

И Мюнхаузен, корчась в телефонных судорогах у моих ног, выкидывает белый флаг своей позорной капитуляции. Привожу его полностью — дабы не упрекнули во лжи и передёргивании:

Телефон: 136-62-70, КОВАЛЕВСКИЙ ЛЕОНИД ПАВЛОВИЧ — “зам. пред. домодедовского испол. кома.”,— тогда ещё...

За собой, тем не менее, “нач. спас.” Мюнхаузен оставляет право их дефектно-мифического “спасотряда” обнаружить завтра в Системе грушный спецназ — очевидно, как эквивалент достойной для себя капитуляции: чтоб свои не расстреляли за неизмену Родине.

: Что ж — пусть рышут-ишут.

— Хрена лысого они там найдут по ряду причин,— сообщает из кресла Сапиенс. И добавляет:

– Только бы они аппаратуру нашу – того...

: Нет. До аппаратуры этим непытливым чудам в касках ни за что не добраться, – в чём-чём, а в этом я уверен “на все сто”. Главное, чтоб мы сами до неё добраться смогли. Однако: зафиксирует-ли барограф взрыв? Уникальная, чёрт побери, ленточка получится...

∴ Ладно. ГБ из игры вывели, сыграв на их животном ужасе перед ГРУ, – а значит, вывели так же и сявок-спасателей: свою долю *кайфа* они получают завтра, пытаясь войти в Систему. И пусть это будет нашим последним для них “никитским приветом”: хоть один день, но мы точно выиграли – то есть завтра они Систему взрывать никак не будут. За это время мы успеем вывести на поле боя наши “засадные полки” — и, возможно, подтянуть кое-какие резервы... А там – “чем Чёрт не шутит, пока спасатель спит”?..

: Горком тоже не самая мудрая в мире инстанция. Главное, чтоб за ним ничто не стояло.

Но *там* уже ничего не стоит и стоять не может — потому как разбегается в упомянутом чувстве.

Напоследок (видно, совсем спятив от страха) Мюнхаузен диктует мне для связи свой телефон и номера телефонов Домодедовского УВД. То есть полный боекомплект “виновников торжества”... Начисто забыв, что в начале общения представлялся банальным спасателем...

: никому не пожелаю, находясь в добром уме и трезвом здравии, иметь “связь” с подобными ведомствами. *Не отмоешь-ся до конца жизни*. Но эту мысль я додумываю уже на улице, куда выбираюсь из тёплого дома, чтоб позвонить Мамонту. Очень кратко я обрисовываю ему ситуацию: без упоминания наших с Сапиенсом планов и вообще без упоминания себя и Сапиенса. Ни к чему это нам – тем более, по телефону. Я ведь не в ГРУ звоню, – простому смертному, чей телефон и без того прослушивается круглые сутки, а уж сейчас, “накануне события”, –

“Главное, – иносказательным образом вещаю я Мамонту, – сделать так, чтобы была видимость, что внутри кто-то есть.” Мамонту не надо разжёвывать, как это делается — “волок спонтанный, самообразующийся на с виду пустом месте...”

– Не только тротиловым эквивалентом объекты минировать можно. Садовая шашка “Марс” тоже неплохой эквивалент, и символический в силу своего названия, – хотя и мелковатый: как *ционер* при измерении человеческого интеллекта — правда, если мерить иные интеллекты...

: Согласен — величина более, чем избыточная. Но то, что могут “оттопырить” в Системе Змей с Мамонтом (в идеальном и самом жутком варианте – в комплекте “до кучи” с Васей Тихоновым и Длинным Киной), пожалуй, даже не в “тига-” – в “терамарсах” измерять... и то ноликов многовато получится. Придётся записывать, умножая на 10 в степени “х”. Или прибегать для точного выражения к более экзотическим приставкам, типа “пета-” и “экса-”. Наверное, последней должно хватить – ибо 18 нулей... «Нон пенис киний», – как говорят в Никитском Кругу.

— Хотя я не очень надеюсь, что этот трюк сработает. Но ведь нужно как-то отвлечь внимание “гэбэшника” и их прихвостней от наших с Сапом планов?.. И я *вижу* < писательское виденье сродни экстрасенсорному взаимодействию с действительностью >, что Васе и Мамонту скорее всего не удастся проникнуть в Систему — потому что перед входом в неё полчаса назад (с опозданием почти на сутки в силу своеобразного разгильдяйства и нестыковки планов “высокого начальства”) был установлен специальный наблюдательный пост: кордон, дабы не допустить нашего появления в пещере накануне её взрыва. Состоящий из одного-единственного, проклинающего всё на свете от холода и недостатка спиртного, мента,— замерзающего как герой Джека Лондона у “традиционного никитского костра” из четырёх обледенелых стволов осино-рябино-черёмуховой “зелёнки”. Которая даже в сухое лето не очень-то на костровое топливо смахивает...

На термометре между тем минус двадцать по-Цельсию. *Просто праздник со всеми вытекающими для мента следствиями,* —

«Мамонтовки возьмите,— мысленно взываю я к Ване,— и побольше...»

: не прямым текстом, разумеется,— а так, чтобы он *понял*. Говоря меж совсем других слов. И чтоб никогда не поняли те, кто будет запись этого разговора слушать и анализировать — сколько бы раз ни прослушали. Потому что есть образы, понятные лишь двум говорящим —

И Мамонт, обладающий, кстати, *прекрасным экстрасенсорным даром*, ясно слышит и понимает меня. Что ж — они с Васей сделают всё, что можно. И то, что на первый взгляд, кажется, нельзя. Так что завтрашний день будет не самый геройский в истории гэбэшного “спасотряда” — но насчёт геморройности...

: Вася с Мамонтом, не поскупившись на ночное такси и прикинувшись заблудившимися лыжниками (“что вы спросили у старушки в три часа ночи?” — конечно же, абсурд — но именно он и срабатывает в данной стране), упаивают вусмерть дежурившего перед входом мента < “мамонтовка” для этой цели в мороз — неотразимая штука; все никитяне это знают >, — а затем, поскольку войти в пещеру тем не менее не получается (мент твёрдо лежит на своём, а наши, как-никак, играют партию лыжников), расстреливают из ментовского ПМ-а пирамиду пустых бутылок — установленных, естественно, прямо во входе в Систему.

В самом входном шкуродёре, обойти который физически невозможно.

Бутылок у входа достаточно (поскольку не столь давно мы очистили приходовые гроты от скопившегося в них мусора и бутылки отсортировали от прочего и подготовили к торжественной общинной сдаче в местном магазине), — когда выданные менту боеприпасы кончатся, в ход идут камни, палки и комья навоза из здоровенной кучи, что какая-то садоводческая харя по осени разместила неподалёку от нашего входа. По зимнее-ночному времени года и суток эта куча смахивает на земляную. Навоза хватает до самого конца развлечения — как и “мамонтовки”: на две смены ментов ровно. Потому что вторая смена, поражённая костром Мамонта/Тихонова, который, как известно, способен гореть и греть абсолютно в любую погоду,— а также “мамонтовкой”,

свойства которой очевидны, ибо покоятся рядом,— задерживают наших друзей до рассвета.

А уж совсем “в рассвет”, довольные собственной ‘целкостью’, менты и Мамонт с Васей срут и ссут “на брудершафт” на свежееобразованный завал (перекрытие шкурника стопроцентное) —

: Верх цинизма — нагадить во вход родной Системе. Такое даже Родену не снилось,—

— Но, однако, именно теперь: “*приходите, приходите, приходите же гурьбою*”, дорогие “*спасатели*”. Плииз,—

Подумаешь — вход. Спасти Никиты важнее.

Но чтоб сделать это, нам с Сапиенсом нужно оказаться в эпицентре событий — причём как можно ближе к их “верху”:

Чтоб самим руководить данным процессом.

Поскольку, имея сданный нам телефонный номерок, сделать это не трудно, весь следующий день, начиная примерно с полудня, мы с Сапиенсом сидим в кабинете ТОВАРИЦА КОВАЛЕВСКОГО ЛЕОНИДА ПАВЛОВИЧА и пытаемся хором сообразить, как бы нам завтра, 10. 12. 87, в Международный День Защиты Прав Человека...

... назовём это так: ***не очень обгадиться***.

И пребываем мы с Сапиенсом в данном месте не как “никитские спелестологи” — Боже упаси! — а как вполне официальные “*представители АН, имеющие отношение к серьёзной науке спелеогеодезии*”. Я с ксивой ‘от Ферсмана’ (наследие случившейся экспедиционной работы в послечимганской Средней Азии); Сап со своей натуральной ксивой, ибо действительно с прошлого лета вкалывает ‘мэнээсом’ в Институте Физики Земли им. О. Ю. Шмидта. Для полного затирания партийных мозгов не хватает Хмыря с не менее замечательной ксивой “подземного строителя-гидрогеолога”,— ну да ладно. Хмырь сейчас воюет со своим таджикским начальством, как Главный инженер вверенного ему участка работ на строительстве Рагунской ГЭС — и ему не до Никит. Хотя несколько его чисто производственных фраз, тем более связанных с производством и передачей электроэнергии над карстовыми массивами (украшенных чисто хмырёвскими оборотами речи) могли бы вызвать непосредственно в кабинет весь ведущий персонал местной подстанции скорой помощи... *Потому что мы находимся в данном кабинете лишь потому, что до глубины души потрясены тем, что власти района собираются на свою голову устроить “короткое замыкание века”...*

— Блеф тот ещё.

Но именно он блестяще срабатывает. Как и любая лажа в стране непуганых идиотов. Бендера на них нет... *А скажи мы им правду?..*

: Нет уж. Врать — так взahlёб. Этим сволочей дурить очень даже приятно.

К тому же блеф наш не на шутку серьёзно воспринят:

Настолько, что сам Председатель исполкома вдруг стихийно умотал в отпуск; первый его зам заболел (подозреваю — “медвежьей болезнью”); остальные сказались чрезмерно загружены текущей работой (о какой “работе” можно

рассуждать применительно к партийным райошным придуркам *в декабре месяце?* Посевная окончилась хрен знает когда, уборочная тоже – а на заводах есть свои коммунистические заводилы, – правда, у станков их обычно не видно), – и несчастный т. Ковалевский *всего лишь третий, или даже четвёртый зам в тогдашней иерархии горкома.*

То есть типичный “мальчик для поцелуев”.

Кому и положено расхлёбывать по жизни всякую бодягу.

: Как у него поджилки трясутся... И этот, полный неизъяснимой любви и надежды, взгляд, обращённый ко мне и к откровенно развлекающемуся Сапиенсу...

: Глаза срущей собаки. Мне его даже немного жалко.

— Дело в том, что наш “первый засадной полк” – ЛЭП-500, которую пару лет назад безбашенно протянули прямо над Никитами, к тому же через хорошо раскарстованный массив, и героически точно попали при этом поворотной опорой чуть-ли не в свод любимого всеми никитянами Острова Сокровищ (первое время после установки ЛЭП, подходя ко входу, не на его козырёк смотрели – а выше: не завалилась-ли какая опора? – просыпаясь утром в гроте, вначале щупами вольтметра в потолок и пол тыкали, и только после того ноги на глиняный пол ставили), – эта ЛЭП питает, оказывается, своей электроэнергией весь город. *И мы с Сапом популярно объяснили товарищу Ковалевскому, что будет с ближайшими подстанциями – да и с самим городом “в течении некоторого количества колдов времени” – если в результате их взрывов ляжет хоть одна опора.* Сколько в этом случае будет стоить уничтожение Никит: в годах и фунтах долларов.

Впрочем, они и сами понимают: у них ведь одна опора уже ушла “по пояс” в сырую землю, – когда линию только начинали строить...

– Но это ничему *их* не научило: тогда.

Зато теперь семена наших пророчеств падают на хорошо подготовленную почву. Особенно после совещания с представителями Мособлэнерго и Мособлэнергонадзора. И почти мгновенно прорастают там.

: Что — группа, якобы находящаяся под землёй... О которой мы, конечно, не имеем никакого представления, – *хотя так хочется задать пару вопросов!* Но нельзя – ведь по жанру этого водевиля мы представляем совсем иное ведомство.

— Однако я легко представляю себе состояние товарища Ковалевского. М-да: тут особо не позавидуешь. Впрочем, никто не тащил его силком на эту поганую должность. *А что тащило* – мы прекрасно видим, потому что чуть-ли не сутки торчим в его партийных апартаментах (этакий штаб по превентивной ликвидации последствий ликвидации) и *видим и слышим*, – они ведь даже не думают как-то “прикрывать” свою деятельность в нашем присутствии, – не потому, что воспринимают нас, как “своих”, – нет: до того обычным и естественным кажется им этот порядок вещей – разговоры по телефону и без, договоры, перепродажа, мздоимство, скрытое и явное, шантаж “не желающих делиться” кооператоров, организация

своих кооперативов на стороне — вот они, *те самые “дела”*, что так сильно отвлекают в конце года многочисленных замов Самого Главного — ***грядёт великий передел награбленного!*** — презенты со всех сторон и обильные ‘пере-презенты’ друг другу (не подмажешь — не поедешь),— продовольственные и промтоварные заказы...

— но хватит об этом: кто те времена помнит, тому объяснять без надобности.

... пока “спасотряд” МВД/МГУ при участии Старого геморроически преодолевает завал нечистот, воздвигнутый за ночь на входе в Систему Васей, пьяными ментами и Мамонтом — гавно, моча и пара ментовских блёвных струй, кстати, великолепно “схватилось” на морозе с битым стеклом, навозом и стенами входного шкуродёра, и им приходится, дабы преодолеть столь фантастическое, невиданное в истории совковой спелеологии препятствие, *разогреть его паяльной лампой* — запах от этого, соответственно, стоит просто мерзкий, и все их комбезы и лёгкие сильно пропитываются им,—

— в кабинете т. Ковалевского приступает к работе т.н. “смешанная комиссия”: представители заказчика (т. Ковалевский с валидолом и свитой), представители исполнителей (МОСОБЛГЕОРАЗВЕДКА), независимые наблюдатели от службы военного комедианта (по крайней мере сильно похожи на них, так как проку от них нет естественно никакого) — и компетентные специалисты-спасители (не путать со “спасателями”): *мы с Сатиенсом*.

Представители разработчиков проекта трудятся, где им и положено по рангу — “на гавне”. То есть на входе в Никиты.

Кстати, по прошествии времени не могу не задать недоумённого вопроса: а какого, собственно, хрена было вообще посылать “спасотряд” из первогодков спелеосекции МГУ (даже при участии Старого) *на прочёсывание четырнадцатикилометрового лабиринта?..* “Найти и вытащить” возможных никитян,— спасти их от замуравывания во взрываеваемой Системе???

: Враньё. За полдня лабиринт такой сложности “не прочёсывается” — на это неделя нужна. Как минимум: людям с примерно их *квалификацией*. Да ведь они и не искали всерьёз — прошлись, по сообщению Старого, лишь по ближайшей привходовой части. Что ж говорить о том, что я, *например, вполне мог находиться в Системе в это время?..* Через пару лет, случайно столкнувшись на МиДе со Старым, я спросил его (поборов естественное отвращение): что вы делали под землёй, зачем полезли? Неужели всерьёз думали, что обнаружите группу спецназа ГРУ?

— Ни о какой группе мы не знали,— ответил Старый. — А потому просто “для отмазки прошлись”.

— Что: и записи в Журнале не видели? Там же крупнейшими буквами было написано.

— Я Журнала вообще не видел. Его сразу наше начальство изъяло. Что какая-то группа в Никитах сидела — в первый раз слышу.

— А тебя-то чего мараться в это дерьмо понесло?

– Да, понимаешь, специально. Ведь, что взорвут – факт; куда денешься? Ну, я думал походить по Ближней системе, прикинуть, где можно было бы после войти в неё с поверхности...

: даже Старьёвщика нашего они из-под земли не увидели. Хотя изнутри его никто не маскировал. Такие вот “поисковщики”. Такая мотивация подлости. *Кстати, под лозунгом “всё равно Системе пропадать”, Старый и сопровождающие его спелеорыла, выползая из Системы, просто сгибались от тяжести всевозможного хабара, награбленного в наших гротах. Почти как Сапёр перед этим.*

– Что же до того, что им не было сказано о присутствии под землёй группы... “Тут можно долго хихикать”. Ну да ладно – возвращаемся к Действию:

..: Мы все необычайно мрачны и торжественны. На столе лежит анекдот — карта Никит работы Мальцева. От 1977 года, с грифом “SF” в правом верхнем углу и на 97° повернутой “розой магнитных ветров” в левом.

: Об этой карте я уже говорил. К действительности она имеет не большее отношение, чем рисунок инея на оконном стекле к схеме линий московского метрополитена. И нашего значенного входа на ней естественно нет —

— как нет никаких следов штрека, к которому он выходит. И ряда окрестных штреков и гротов тоже,— а ведь это ещё привходовая часть Системы, нарисованная группой “SF” точнее всего...

: Что нам только на руку.

Но – внимание! – нельзя же так расслабляться:

– А ЭТО ЧТО? – представитель геологоразведки тычет натруженным пальцем в “слепое пятно” на карте Мальцева, с явной брезгливостью дёргая взглядом от направления “север – юг”. В то место, где располагается наш “совершенно секретный вход”:

: Второй засадной полк то есть. Наш Главный Козырь.

На карте Мальцева/Вятчина в этом месте идеально белое пятно — ни грота, ни шкурничка. *“Идеальный монолит”* – как газ Менделеева-Клайперона.

: Я же говорил — совершенно-профнепригодные люди. Систему оттопосъёмить не в силах – а туда же, в “спасатели”... *Ну куда им до нас?..*

– Не то, что эти: геологи.

: Профессионалы. И “идеально-монолитная карта” Мальцева для них не указ — как, кстати, и для меня. Потому что с профессиональной точки зрения это вообще не карта.

– Я вчера объект осматривал,— сообщает нам этот мужичок,— там какая-то бочка из склона торчит... Это не может быть входом?

: Вот так. Просто и буднично. “Нужное слово добавлять по вкусу”,—

– Я равнодушно пожимаю плечами.

– Здесь? – Сапиенс бухает своим перстом в эпицентр мальцевского моно-

лита.

— Мужичок утвердительно кивает, радуясь достигнутому взаимопониманию.

— Да здесь же нет ничего! — изумлённо восклицает Сапиенс, — какой тут может быть вход, когда монолит сплошной...

— А может, жახнуть её на всякий случай? — неуверенно предлагает кто-то: кажется, представитель военного коменданта. Всё бы им разрушать — не строить... А мы, между прочим, столько трудов в этот вход вбухали...

— А-а, знаю, — радостно заявляю я, и взоры собрания невольно приковываются ко мне. Тут ведь не важно, что сказать — важно, *как*.

— Это местные, — небрежным тоном роняю я им — и поворачиваюсь к Сапу: — Помнишь, когда тем летом работали, кто-то из них копался: погреб хотел вырыть. Ты ещё его напугал, что спелеологи к его погребку подкоп сделают и всю капусту разворуют... Только на самом деле от пещеры до этого места — долбить и долбить, сами видите.

И показываю раздвинутыми пальцами по схеме, сколько именно.

: Да и не ассоциируется у *них* бочка со входом в наши каменоломни.

— Это ведь железная бочка, да? — спрашиваю у того мужика.

— Да, — кивает он и добавляет: — Ну, раз погреб — тогда чёрт с ним. А то ещё именно из-за него ЛЭП рухнет...

: Сидеть никому не хочется.

С этим утверждением согласны все, и поскольку идеально молчащий до этого момента т. Ковалевский (состояние, близкое к прединфарктному) должен хоть что-то сказать — конструктивное, в духе “перестройки” — то он объявляет:

— **НЕТ УЖ. ПОГРЕБА И ЛЭП МЫ ВЗРЫВАТЬ НЕ БУДЕМ.**

— И комиссия продолжает свою работу.

Только одно мне удивительно: мы пребываем здесь почти сутки, и за всё это время ни разу не поднимался вопрос о том, что под землёй находятся люди. Может, наша с Сапом “деза” не прошла?..

: вряд-ли. Просто, видимо, им — по барабану. Ибо коль не прошла бы “деза” — фиг бы мы сидели сейчас в этом торжественном кабинете. Какими бы “ксивами” ни грозили.

Ибо мы для них в сложившейся ситуации — повод не сильно облажаться, типа волшебной палочки-отмазочки. Потому как взрывать не хочется, а не взорвать невозможно.

— А зачем их вообще взрывать? — неожиданно даже для самого себя интересуюсь я у т. Ковалевского, — может, пусть стоят эти пещеры, как стояли?.. Вреда от них никакого... В крайнем случае можно дверь во вход навесить — как на Западе делают, чтоб детишки случайно не залезли, не заблудились...

: **ВДРУГ ВООБЩЕ УДАСТСЯ ОТМЕНИТЬ ВЗРЫВ???**

А дверь... Её ещё в план работ соответствующего СМУ включать надо — и проект год готовить да согласовывать... Но какому СМУ с такой мелочёвкой

возиться охота? “Здесь вам не Запад”.

...: т. Ковалевский мнётся, роется в каких-то бумагах – но всё-таки отвечает:

– Есть постановление горсовета, и оно завизировано подписью Председателя, – пытается отмазаться он.

: “Отмазывается”.

– И вообще: в последнее время там участились несчастные случаи, травматизм... Вот у меня и официальный документ есть, – он показывает какую-то бумагу с печатью.

: Очень знакомая печать...

– Разрешите взглянуть? – деловито осведомляется Сапиенс и забирает из рук т. Ковалевского документ — судя по всему, *ту самую “телегу” на нас*. То есть обоснование этого варварского и циничного акта. Что там – насрать во вход...

... ПРОСТО ФИГНЯ.

Вот это — цинизм: “травматизм усилившийся”...

– При людях внизу, о которых **их** ясно предупредили.

И запись о пребывании которых в Никитах “спасательное начальство” *просто не могло не видеть*.

— Да что: наша анитигэбэшная мультка, – когда я сам запросто мог уже три дня ползать по каким-нибудь дальним лабиринтам, – или возлежал в приборном гроте на пенке в спальничке, наслаждаясь покоем, Басё и плэером с десятком любимых записей?..

: Чёрта-с-два меня нашёл бы их липовый “спасотряд”. Этой части Системы они вообще не знают —

Да и не совались они никуда далее привходовой Ближней – как тот же Старый поведаль.

...: Меня начинает трясти – однако эмоции приходится держать в себе.

Я сдерживаюсь, и мы продолжаем работать: *уменьшаем массу зарядов, их количество и места закладки, экономя стране дорогостоящий аммонит — и спасая родные Никиты*.

В результате чего в 16.00 ДЕСЯТОГО ДЕКАБРЯ ОДНА ТЫСЯЧА ДЕВЯТИСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОГО ГОДА В МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА в окрестностях Никит взлетают на воздух все лисьи и кротовые норы, каверны, промоины, провалы в земле и просто скальные обнажения, не имеющие никакого отношения к Системе — *и лишь один действительный вход в Систему: Эгипед. Что мы сотворили во время Зелёной войны*.

: *СВОИМИ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ. Никогда там раньше – до нас – не было входа. И не будет больше — теперь...*

— Как виделось мне тогда. В момент гулко-шелестящего разрыва аммонита и взметнувшейся вверх и в стороны снежно-известняковой пыли, –

: ЭТО БЫЛ НАШ ВХОД, И МНЕ БЫЛО СТРАШНО – ДО ТОСКИ, ДО

БОЛИ, ДО СЛЁЗ – ОТДАВАТЬ ЕГО ИМ.

Конечно, “условно оставался” МЖД8М, что по прошлой весне как-то очень своевременно перекрылся лёгкой глиняной пробкой,— откопать его можно было за каких-то три-четыре часа: главное было *точно знать, куда копать*,— но мы-то знали; так что, хоть скалу, нависавшую над ним, “профилактики ради” издырявили своими подрывными шпурами и практически разнесли в клочья “профессионалы из геологоразведки”, шансы вскрыть его оставались,—

— и был ещё один: “готовый для пользования в любой момент”. Старьёвщик, заначенный в бочке. “Но тем не менее” —

..: Мы стояли у края оцепления на берегу реки у уже расчищенного и готового к новому сезону катка — и знаменитой проруби рядом,— рядом с подрывниками и “представителем комедианта” в белом военном полушубке, *а напротив — на другом берегу ВЗРЫВАЛИ НАШУ ЖИЗНЬ И НАШУ ИСТОРИЮ.*

— и больше ничего нельзя было сделать.

: Мы и так сделали всё, что смогли.

Я просто старался запомнить эту минуту: как незримую черту под всем, что было...

... ТУТ:

СКАЛЯЩИЕСЯ ХАРИ
“СПАСАТЕЛЕЙ”
ОДИНАКОВЫЕ
СТРИЖЕННЫЕ
ЗАТЫЛКИ
ОДИНАКОВЫЕ
КОМБЕЗЫ-ФОРМУ
ТРЁП МЕНТОВ В
ОЦЕПЛЕНИИ
ВОДКА-БАБЫ-
И-СНОВА-ВОДКА
СПОКОЙНОЕ
ЛИЦО
ТОВАРИЩА
КОВАЛЕВСКОГО
ПАРИИ
В ТОГДАШНЕМ
ГОРКОМЕ,
МАЛЬЧИКА
ДЛЯ БИТЬЯ
И ТЕПЕРЬ
ПОЛНОВАСТНОГО
“ВЫБОРНОГО”
ЕГО ХОЗЯИНА —

... ТАМ:

*Спасы по Глюку — поиск тела Шкварина.
Свечи Шагалу, наши легенды и трал — и реальная подземная мистика, — такие зримые чудеса, что звали нас... Куда?.. Пребывание Змея — и его финал: трагически-неизбежный в этой стране.
Но перед ним — удивительные, волшебные годы взлёта: Девятка, Университет, концерты, праздники, — Новый год, дни рожденья, — газеты, стихи и песни, — весёлые записи и шаржи в Журнале... Зелёная наивная война — и столь мерзко кончающаяся Чёрная: победой, что по сути неотличима от поражения... А ещё — удивительное Подземное Одиночество, торжественно-высоко-печальное и прекрасное в пламени свечи и звуках ‘J-M-J’ из маленьких колоночек плэера, — поиск и открытие новых ходов, гротов — и выходов; долгие наши споры в доутренних посиделках под каменными сводами и песни под гитару... Такое изысканное украшение и оборудование жилых гротов, расчистка “транспортных магистралей” и опасных мест, — наш фантастический Сумасшедший Барабанищик, Остров Сокровищ, Собор и Белая Колокольня...*

И НЕОПИСУЕМАЯ СМЕНА ВЫРАЖЕНИЙ

НА ВЫТЯНУВШИХСЯ ХАРЯХ “СПАСАТЕЛЕЙ”,
КОГДА В МОМЕНТ РАССТАВАНИЯ Т. КОВАЛЕВСКИЙ
НАЧИНАЕТ ПОЖИМАТЬ НАШИ С САПИЕНСОМ РУКИ,
ВЫРАЖАЯ НАДЕЖДУ, ЧТО НАШЕ, ТАКОЕ ПРИЯТНОЕ
ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ, ЗНАКОМСТВО
БУДЕТ ПРОДОЛЖЕНО У НЕГО СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ДОМА
В БОЛЕЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ И ТЁПЛОЙ ОБСТАНОВКЕ...

: Ещё бы – мы сегодня буквально ни за что спасли его ж. И подпирающее её Кресло, – без которого он, естественно...

: Сильно исчезающая величина. В общечеловеческом смысле — против тех же Змея и Мамонта, что без официальных должностей и регалий – Люди. Воистину с Большой буквы.

— Так что теперь т. Ковалевский **наш должник**.

Однако это не повод брудершавкаться за его пайковым коммунистическим корытом. Сиречь, столом.

Мы с Сапом — не Мальцев с Вятчиным. Те бы, конечно, не отказались.

– ДО СВИДАНИЯ, – говорю я ему на прощание. И со значением смотрю в глаза.

* * *

*: Мало интересного воевать с врагом.
Скучно и невесело — всё же не уйдём;
Только вид мы делали, что с пулюю “на ты” –
Не были мы смелыми.*

Мы были чисты.

*: Вахта без оружия – сорная листва,
Никому не нужные радиослова;
В небе Ковш Медведицы, в костерке зола...
И совсем не верится*

в смерть из-за угла.

: Всё вооружение — струны, да лады.

Странное сомнение на краю беды:

“Если спотыкаешься – лишь твоя вина”, –

Без врагов какая же, к дьяволу, война?

... Кто отстал, кто выжил — но времени чуть-чуть:

Нам страницу книжную не перешагнуть, –

Напоследок хочется главное сказать:

*: **МЫ НЕ ДРАЛИСЬ ПРОТИВ —***

МЫ СРАЖАЛИСЬ ЗА .

: Из Серёжи Лещины. К вопросу о нашей “крепости” и “победах”, –

* * *

Какое-то время решили переждать: не вскрывать заначенный в бочке Старьёвщик. 1987 год встречали в Старице, в любимой нами пещере Лисья — не в городе же нам было его встречать...

Запланированное Пребывание перенесли в Лисью. За исключением расстояния от Москвы (около 240 км – или, что было тогда гораздо более актуально, трёх-с-половиной часов езды на электричке, затем двух, а то и трёх часов ожидания автобуса “Тверь-Старица”, полутора часов в оном и шести километров снежно-ледового пещедрала), во всём остальном эта красивейшая Система для задуманного Пребывания подходила даже больше, чем Никиты.

После Нового года привезли в неё запасы бензина, примуса, свечи, базовый набор продуктов – всё в двойном комплекте, ибо стоять предстояло двумя отдельными группами. В разных частях трёхкилометрового лабиринта.

Так же привезли пенки и спальные, наборы кухонной посуды.

Я договорился с одной из старушек, зимующей в расположенной у Лисьей деревне Калошино, о двухнедельном пребывании под её кровом нашей ГО. Протянули по заснеженному полю километр “полёвки” – армейского телефонного кабеля – от гротов Пребывания до её избы.

Приборы, одной из ночей незаметно вытащенные из Никит через Старьёвщик (шли ночным марш-броском на лыжах от Домодедово – чтоб, даже если в окрестностях Никитского напоролись на ментов, не походили на спелестологов), пока оставили в городе.

Это их и спасло.

Но ещё перед этим, в декабре, мне позвонили из театра и сказали, что нужно срочно выходить на работу. Коль я не раздумал.

: Я не раздумал – было лишь обидно, что не смогу принять участие в предстоящем Пребывании.

А буквально на другой день после заброски в Лисью двух ПБЛов у Сапиенса возник срочный заказ на работе. Отпуск накрылся специальным распоряжением директора института – сочли, как и в моём случае, за случайность. Пусть и крайне досадную.

Посоветовавшись, подвели следующий неутешительный итог:

Мы с Сапом принимать участие в эксперименте не можем. Добро б он ещё проводился в Никитах – можно было, чередуясь, приезжать для контроля. Хотя проблема организации ГО в Никитах зимой – Проблема. Прямо над дырой можно стоять в нашем лесу – но лишь в палатках. Для организации контрольного поста в деревенской избе нужно было не только везти из Старицы уже проложенный там километр телефонного провода и двойной комплект ПБЛов, – доставленный в Старицу силами всей нашей никитской команды –

– нужно вести переговоры с никитскими местными. Но главное, *открывать вход*. И работать под носом у ментов и горкома. С кабелем,

демонстративно выходящем из дыры в деревню.

Да местный участковый на следующий же день на этот кабель сделает стойку, как лайка на белку!..

Потому Никиты отпадали. По крайней мере, до лета.

Из шести участников Пребывания двое лежали с гриппом,— о какой “параметрии”, даже если и выздоровят, можно говорить?

: Пребывание отменялось.

Теперь нужно было забрать из Старицы привезённые туда бензин, продукты и снаряжение. Но это было не к спеху. Тем более, что ударили просто жуткие морозы — мы решили подождать две недели.

Приехали за вещами к началу февраля. И увидели:

: Спальники, разорванные и с выпоротыми молниями, лежали под водопаями. Лагерное снаряжение разгромлено, приведено в полную негодность. Примусов, свеч и бензина не было; консервы также исчезли — крупы и макароны с сахаром и чаем были рассыпаны по всей Системе. И на снегу перед входом в неё.

Оборудованные гроты — спальные места, сложенные из камней сиденья и столы — развалены.

И так далее, включая по куче человеческого дерьма на обеденных столах в обоих гротах.

: Шок был столь неопишуем, что никаких слов для его обозначения не было.

Руки не просто опустились — казалось, ***больше заниматься спелеонавтикой в этой стране НЕТ НИКАКОГО СМЫСЛА.*** “Раз так”. Даже в Старице,—

В двухста сорока километрах от Москвы.

Сап сказал:

— Хватит, отзанимались. Сколько можно воевать???

Я слёг с нервным стрессом.

Тем не менее, провели некоторое расследование. В порядке не утешения — но понятного желания найти и вздрючить сволочь, что это сделала.

Местная деревенская шпана отпадала: во-первых, у нас с ними всегда были традиционно-дружеские отношения, а во-вторых — в деревне Калошино, у которой находилась Лисья, местные зимой не жили. Кроме двух старух,— в доме одной из них мы и планировали селить на время эксперимента ГО.

К этому дому теперь вели обрезанные провода.

Поверьте, мне крайне не хочется писать обо всём этом. За каждой фразой следует сигарета.

После абзаца — продолжительное хождение по квартире кругами. С мыслью нажать на клавишу угловой исключаяющей скобки, затем многоточия, и ещё раз на угловую скобку. Встречной ориентации.

Потом сходить в магазин. И не возвращаться к проклятому тексту.

— Ладно. Постараюсь отразить те события схематично. Не сильно напрягаясь эмоциями.

: выяснили, что из Москвы в Старицу в январе ездила лишь одна команда. Из Силикат. В её составе был Гарри – мысль, что он мог учудить подобное, в голове, конечно, не задерживалась — но, говоря честно, всё-таки приходила.

: на то и был расчёт. На давнюю официально декларируемую вражду Силикат и Никитского Круга, – в которую кто-то верил, кто-то действительно носил свои камни за пазухой и кичился любимой Системой, искренне полагая, что ходящие в иную “слова доброго не стоят”...

: Я к Силикатам всегда относился спокойно-ровно. И не потому, что они были моей первой Системой. А потому, что нет “более важных” и “менее важных” пещер. Даже посещал иной раз – среди недели, чтоб не сталкиваться с неприятными толпами, – в один из таких выездов [25 февраля 1980 года – это был понедельник; мы поехали в Силикаты вдвоём с ЮДА] я познакомился там с Максом Силикатским. Чему, конечно, несказанно рад и по сию пору.

Точно также мы с Серёжей Лещиной навещали его любимые Ватутинки – небольшую каменоломню (всего 500 метров суммарной длины слагающих её ходов) на сороковом километре Калужского шоссе, –

: при всей нашей любви к Никитам.

Каждая Система уникальна – и важна в нашем Мире хотя бы своим наличием.

Да, Никиты – с моей личной точки зрения – “более, чем уникальны”. Оттого и ходил в них: не просто много чаще, чем куда бы то ни было, –

: *Совершенно иначе.*

Да, ходящие в Силикаты балуются волоками.

“И любви не вызывают”.

— Ну и что?.. “Не нравится – не ешь”.

Что же до волоков – увы: были в Никитах моменты, когда они заполняли Систему.

: Я сам травил жуковских гадёнышей в Африке.

Вместе с Мамонтом и Змеем принимал участие в поездке в отдалённые Бяки для “умиротворения” распоясавшихся тамошних местных —

: УМИРОТВОРИЛИ. Ибо одно дело – когда волок ставит тупое хамьё, быдло. Когда волок делается подкованным в физиологии, химии и подземной аэрологии — “это не просто волок”. Примером чему – тот же “никитский холодец”, изобретённый Зелёным Змеем.

Так что дело было не в волоках. Просто общее мнение о посещающих Силикаты у никитян традиционно было отрицательное. Не смотря на совместную работу в Каунасе и личную дружбу многих представителей наших “официально антагонистичных” спелеородов, паритетное присутствие на слётах МиДа и Памяти Шагала — и на то, что часть никитян после того, как Зелёный Змей объявил Никиты “закрытой Системой”, перебрались от его боевых действий именно в Силикаты. Например – Лещина, Лёнька Арбатский, Света Русова, Димочка Сергиенко и Гарри.

А тут ещё эта история.

Наверно, на то и был сделан упор.

Сап позвонил Гарри, потребовав самого честного отчёта об их выезде.

Гарри подробно описал всё — как и то, что *они действительно ходили в Лисью*.

– Наверное, мог умолчать. Особенно, “если что было”. Не чувствуя за собой никакой вины, описал честно.

Сами они входа в Лисью и дороги к ней не знали; стояли в Сельце...

– Кто же тогда вас проводил к ней — да ещё в такой мороз?

Гарри ответил, что в случившейся мороз из Сельца никому действительно не хотелось выходить. В Сельце – пять километров “более, чем просторных” ходов. Есть, где погулять без экстримно-морозных визитов в другие каменоломни. Но Боря-Сапёр, что прибился в это время к их компании, настоял на том, что в Лисью сходить надо — когда, мол ещё выберемся в Старицу?.. Он лично вообще в ближайшие полгода, а то и больше, не выберется. Лисья же – фантастически красивая Система, и дорогу к ней он знает. Как и Систему внутри — “сам Командор показал”...

: Конечно, они не устояли и пошли. Не взирая на шесть километров морозного “пешедрала”.

Конечно, оборудованные нами два ПБЛ видели, но ничего из наших запасов не трогали, – да и зачем? Было ясно, что если кто так оборудовал гроты и оставил в них такие припасы — это не случайность. На всё это люди рассчитывают, и трогать такое нельзя.

Даже если б Сапёр как-либо напакостил – Гарри заметил. И “не похвалил”.

У Гарри “чёрный пояс”, и не похвалить он может весьма болезненно.

О том, что Змея и Моку сдал Сапёр – и что это нам известно – мы помалкивали. Чтоб до срока не вспугнуть Борю. А потому Гарри о нашем отношении к Бореньке не знал. Сам же Боря, естественно, о своих никитских “подвигах” не распространялся.

Гарри ещё раз подтвердил, что в Системе всё было в порядке, в том числе по их уходу.

Но мы уже поняли, в чём дело. Кому нужно было сорвать подготовленное Пребывание – и одновременно втравить никитян в новую войну. Учтите, что после уничтожения никитских входов никитяне “официально” лишились своей Системы — значит, ожидалось появление никитского народа в других подмосковных каменоломнях.

В этом смысле было бы очень даже здорово, чтобы мы ринулись “травить и гасить” Силикаты.

Ибо не только волоками занимались там – наш с Гномом коллега Коля Пудовкин (теперь он живёт в Самаре), в спелеонике Дядя Коля, уже провёл в Силикатах месячное одиночное пребывание. Своего рода эксперимент на выживаемость.

Макс старался в Силикатах делать всё для того, чтобы ходящие туда “не только волоками баловались”.

Света Русова, Лещина, Димочка Сергиенко, Лёнька Арбатский и Гарри, – а вместе с ними Сашка-Шериф и Юра Дёмин были основателями “нового

силикатного ренессанса”; замечательная команда “Детей Сталкера”, с которой мы познакомились в Старице на следующий год, тоже была из Силикат.

Силикатская группа “Дети Подземелья” была наследницей никитской команды с тем же названием, – и в Силикаты продолжали ходить наши давние друзья Господь Бог [Юра Иванов] и Гном.

После неудачи в Подолии Гном сказал, что больше заниматься спелеофизиологией не будет. Потому что в нашей стране *это немыслимо*, –

: теперь к аналогичным выводам пришли мы с Сапиенсом.

По “примерно тем же причинам”.

: Было ясно, что из разгрома старицкой кэйв-лэб торчат те же самые уши, “и даже не в профиль”, что подталкивают нас на войну с Силикатами, с нашими тамошними друзьями —

– решили: пошли все провокаторы на...

Да и не до пещер стало – на какое-то время. Мир вокруг менялся столь стремительно, что времени на пинкертоновские расследования – которые ничего не меняли в случившемся прошлом – не оставалось.

* * *

“Недостающее звено” в этой истории – *кто же конкретно разбомбил нашу кэйв-лэб в Лисьей?* – было найдено через два года. И столь неожиданно-случайно, что впору было заподозрить вмешательство “высших подземных сил”. Но нет случайностей в нашем мире —

После вскрытия Съян я близко сошёлся с Мишей Плаховым – живущим в Съянах спелестологом “первого поколения”. Тем самым, что ночевал под землёй в шестидесятые годы на охапке соломы.

Вятчина и Мальцева он знал, как облупленных.

В одном из разговоров я поведал, как нам обломили наше несостоявшееся Пребывание.

– Не знаю, Командор... Может, тебе это интересно. А может – уже нет, – сказал он. – Только приехал ко мне как-то Андрюша Вятчин и сказал: не хочешь на халяву прокатиться в Старицу? «Зачем?» «А там в одной Системе просто куча всякой халявной снаряги, – наверно, какие-то чайники бросили...»

– Когда это было? – тут же спросил я.

– А в аккурат, когда ты рассказываешь. В январе 87-ого, в самые морозы. Да мне не досуг было, я не поехал.

: комментарии излишни.

— *ЕСЛИ БЫ МЫ НЕ ПЕРЕНЕСЛИ ЭКСПЕРИМЕНТ, ПОЕХАЛИ, КАК СОБИРАЛИСЬ, ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО...*

: Может, погрома бы не случилось?

Кто знает. А может – узнали бы месяц местного КПЗ.

Как Змей с Мокой.

* * *

В 1989 году г. Кунгур состоялась очередная “конференция по карсту и спелеологии” – и А. Вятчин делал на ней некое сообщение: какую-то своеобычную бредятину о топосъёмке. На той же конференции К. А. Горбунова представила “более, чем значительный” доклад «Пещеры и космос». *Вот бы узнать, с какими чувствами заслушивал Андрей рассказ о пребываниях Милутина Велковича и Мишеля Сифра — после того, как оборвал в Никитах наши спелеонавтические эксперименты и разгромил кэйв-лэб в Старице?..*

Отчего-то до сих пор очень хочется встретиться с ним. Лично. Под землёй. Желательно – в родных Никитах.

: У меня есть, что сказать Андрею.

И даже, наверное, показать.

Как могли бы “показать” Зелёный Змей с Мамонтом.

Или Мока.

В общем – любой из никитян.

ФИНАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

“Не горим в огне и тонем в луже...”

: А. Галич

“Перестройка” набирала ускорение.

“Сухой закон” породил массовую наркоманию.

“Проклятая гэбня” пребывала в растерянности – по улицам катились волны демонстраций и митингов; некогда подпольный рок завоёвывал трибуны стадионов, а гонимая авторская песня устраивала в залах ДК суточные песенные марафоны, соревнуясь в лозунговой язвительности с площадными ораторами —

: никакого дела *до нас* им более не было.

Но вскрытие Старьёвщика не привело к возобновлению нашего хождения в Никиты.

Казалось – всё, *теперь можно заниматься Экспериментами* –

: *можно проводить какие угодно концерты, устраивать дивные сейшены...*

: Твори любые газеты. Записывай любую музыку, пиши прозу, стихи, песни, —

– можешь даже штурмовать перестраивающиеся издательства своими рассказами и повестями, —

Только вначале нужно было всё это осознать. Выйти из жуткого ступора

боли.

И обрести Равновесие с Миром.

Хрупкий душевный Эквинокс.

Но мир стремительно менялся – равновесие же достигается в статике. Это потом удержать его не проблема.

: Издыхающий совок лягнул нас напоследок так, что мало не показалось.

Да, мы ненавидели совковый тюремный мир.

Но за колючкой его держали душевное равновесие.

В чёрно-белом негатив/позитиве совка это было делать нетрудно.

Чёрный мир располагался наверху. Белый – в наших каменных стенах.

: Всё было просто.

Но прежнего верхнего мира больше не было – а то, что приходило ему на смену, так сепарировало и разделяло нас, что невольно пробирала дрожь.

Стало возможным “висеть на верёвках” – многие никитяне кинулись в кооперативные промальпинистские заработки.

Иные в автосервис.

Подступающие компьютеры захватили наши электронные умы.

Досуг – видео.

Коль приходил на работу *заказ* – ты знал: чем быстрее выполнишь его, тем больше заработаешь. Выросшим в совковой нищете заработать хотелось.

Остро хотелось “не только кушать” – прочитать книгу, о коей знал с детства, но возможности хоть как-то достать не было. Потому как быть не могло.

Теперь же киоски в три наката были завалены саймаками и гаррисонами, финнеями и железны. Пильняк и Замятин были для иных. Для кого-то – Аксёнов и Довлатов. И так далее.

В пункте проката ты мог взять практически любой видеофильм.

Так что, коль открылась возможность работать на себя, а не на дядюшку пропагандиста – мы стали работать. Что ремонт машины в автосервисе, что промальпинистский объект не бросишь на половине. И если работа падала на воскресенье – “тем хуже было для воскресенья”.

Кто привык по-совковому бить на работе баклуши – но неизбежно получать за это гарантированную копеечку – не мог приспособиться к новому ритму жизни. С каждым днём покупательная способность деревянных совковых копеечек падала – и всё труднее становилось найти в магазине хоть банку тушёнки, столь необходимую на выезде, хоть блёвчик пакетный.

: Трудоголикам, прекрасно вписавшемся в новый рабочий порядок, было невозможно выкроить денёк для посещения родной Системы. Любителям компьютерных игр и видеопорнухи просто не приходило в голову, зачем это надо – отрываться от столь классной развлекаухи, и тащиться в дождь, слякоть, мороз или жару в какие-то грязные норы.

: Возможно, я утрирую. Тем не менее, “явление имело место быть”.

Выезды необеспеченных, но имевших много свободного времени “труже-

ников совка” (говорю не в бранном смысле, ибо под эту категорию попадали студенты и те, кто занимался на работе *любимым делом* – да вот получал маловато), входили в катахрезу с редкими наскаками-возвращениями в Мир Подземли достойно зарабатывающих. А поскольку новые денежки давались не самым лёгким трудом, слово “халява” стало бранным. “Хвосты” – ругательным.

Заниматься какими-то экспериментами после всего, что было, казалось безумием.

Мы просто посещали Никиты – раскрыв Старьёвщик и убедившись, что у власти теперь иные заботы и чаяния. В которых нам, слава Богу, не было места: «Времена безвластия. Рук не крутят...»

Да только посещения эти становились всё более редкими.

В эти годы я близко сошёлся с Серёжей Лещиной. *Объединила Боль* — у Серёжи провал театрального эксперимента в Ярославле, у меня – спелеонавтической программы в Никитах и Старице. И общая наша потеря: Лёша Круглов.

Что называл себя Лёнкой Арбатским.

Печально, что объединила боль, а не радость. Разделяя тоску по несбывшемуся и утраченному, вместе ходили в Никиты, иногда в любимые им Ватушки – вместе ездили в Старицу.

Чаще встречались у меня дома, – работали над моими рукописями и серёжиной “Естедей”. И, конечно, вместе ходили на полюбившийся нам МиД –

– Как ни странно, на слёты МиДа в те годы приходило всё больше и больше народу. Наверное потому, что на остальных слётах того времени делать было просто-напросто нечего.

К слётам мы творили газеты; они традиционно собирали толпу. Довольно восторженную.

: *Этакий “пир во время чумы”, –*

Ташкентцы попытались реанимировать Чимган.

: Получилось. Что “хорошо” – сказать сложно. Ибо пережившие совковое подполье остатки “Апреля” растворились в мощной и задорной толпе прочих участников/организаторов.

И всё сильнее вставал призрак васильевской “Памяти”. Призрак фашизма.

Распахнулись двери американского посольства и голландского-израильского консульства – выстроились от них километровые очереди. Не уступающие винно-водочным.

: *Тема отъезда, бегства из страны перестала быть темой – перейдя в разряд состояния. К сожалению, массового. Один за другим потянулись “на Запад и на Юг” любимые барды. Каждый год вычёркивал Имена – Вадим Певзнер, Саша Медведев, Стриж, братья Бяльские, Саша Цытин, Миша Волков, Федя Горковенко, Миша Басин, – Евгений Клячкин...*

Кто-то избирал “внутреннюю эмиграцию”. Сродни нашему отказу от занятий спелеонавтикой. Голоса Шамяля Абрязова, Юры Харитонова, Саши Вольдмана, Володи Болотина – и многих других, поверьте! – не менее замеча-

тельных Авторов “ушли в нети”. Что было не менее печально.

И начались *иные потери* — страшная череда похорон превращала любое общение в поминки.

: Леонид Павлович Семаков, Юра Аделунг – сколько было в нашей жизни связано с Этими Именами!

: Не меньше, чем с Юрием Иосифовичем Визбором, Александром Аркадьевичем Галичем. И ‘Владимир-Семёнычем’ Высоцким.

В наследовавшей Гульбарю “Шайбе” поминали не вернувшегося из экспедиции в Магаданский край Митю Валюса. Тело найдено не было. Поминали ходящие в Никиты, Кисели и Силикаты — Митю равно любили во всех наших Системах.

Лёшу Круглова убили в Особом Отделе армии. Эта смерть подкосила всех, кто его знал. Более других – Серёжу Лещину, что был Лёше ближайшим другом.

Лёша Граховский – Граф – пропал без вести.

Света-Тараторка – сестра Миши Сусанина – разбилась на мотоцикле.

— Это было *только начало*.

... Следующим после Пюли из Никит на Запад уехал Золотой.

Он пришёл в Систему в начале восьмидесятых.

Ташкентский “Апрель” выехал из страны в полном составе; больше нам в Ходжикент было ездить не к кому. Да и не за чем.

Каунасская экспедиция, что восторженно прогремела по московскому спелестому миру в 1986 году, в 1987 привезла тело Димы Каштанова. В 1988 никитяне от участия в экспедиции отказались. Конечно, в отказе Никитского Круга работать с Костюковым было *то самое неприятие гэбухи, которой буквально веяло от всей этой затеи* —

— но как-то уж очень одно-

временно склалось. Возможно, время наступало такое – *время ламбады*. Как мы назвали его позже. Ведь раньше любое исследование, любая поездка за Тайной – кто бы ни предложил их тебе – не могли не вызвать Интереса. На уровне доброжелательного любопытства, как минимум. Теперь же просто ничего не хотелось делать. Безвкусица и пошлость душили телевиденье, газеты, радио, – в музыке царил однообразный электронно-попсовый стиль, и даже самые любимые наши рок-команды и авторы записывали близнецово-дрянные альбомы. ‘Обломы’, – как называли их мы.

Дорвавшийся до официальных концертных площадок подпольный русский рок стал эстрадно-колбасным. Так и не научившись толком Настоящему Звуку у своего старшего западного брата. Отсутствие вкуса компенсировалось громкостью децибел и гастрольным “чёсом”.

– В КСП происходило тоже самое. Омерзительно-попсовая “реанимированная груша” стала законодателем *песенной моды*; Митяев — кумиром и флагманом. Вместо Семакова и Мирзаяна, Бережкова и Ланцберга. Конечно, не в нашем Кругу – но от того нам было тоскливей и тяжелее.

Подмосковные слёты просто вырождались в пьянки. Кроме – пока – любимого нами МиДа.

И если еженедельные походы в Никиты перечеркнула работа, на МиД исправно собирались все. Как и на слёт памяти В. Шагала.

Впрочем, здесь – тоже: с 1987 по 1990 год эмблемы, например, просто не делались. Как и “шагальные” газеты. Это говорит о многом. Просто собирались встретиться, да обменяться под наливаемое в кружки байками — и всё. Поминали “ушедших и уехавших” – коих в нашем Кругу с каждым годом становилось всё больше. Даже под землю не спускались: стояли наверху, в стороне от Системы. На скальнике.

Дальние поездки-экспедиции были забыты. Лишь два раза в год находилось время “для совместного сдвига крыш и стаканов”,—

Впрочем, “со стаканами” стало туго. «На чём ставите?» – вопрос вежливости при приходе в гости. В ответ хозяйское: «Вы руки с мылом мыли? Тогда чай – без сахара!»

: На всё вводились талоны. И ничего, по сути не было. Спасала кооператорская дорогая продукция – столы, понятие об одежде, – туда же можно отнести видеокассеты и книги.

А вот с государственным производством происходило то, что не могло не происходить. Ибо происходило уже 70 лет — теперь процесс подошёл к своему логическому финалу:

: Слову на букву “п”, означающему полный провал какой-либо деятельности.

Любители еженедельного принятия водки тихо сходили с ума. О подлинных алкоголиках и говорить нечего. Парфюмерные и хозяйственные отделы стали играть роль винных.

Затем наступил черёд наркотиков. Поскольку это было неизбежно.

: Часть никитян подседа на “винт”.

— Особо замечу: слухи, которые мне поведал Миша Сохин о том, что, якобы, “никитяне балуются под землёй наркотиками”, к этой компании не имели отношения – и потому, что “по времени не совпадало” (слухи, инспирированные ГБ, касались нашего подземного бытия в первой половине восьмидесятых – тогда как то, что я описываю в этом периоде, происходило *после закрытия Никит*), и потому, что подсевшие на ‘винт’ в Никиты больше не возвращались: общение с Подземлёй потеряло для них смысл.

: Им ходить в Никиты стало незачем.

Да они и не ходили. Хотя называли себя “Никитским Братством”. Было в нём что-то около восьми человек. Можно винить в наркомании “страну и эпоху”; можно винить вздорные наши приколы и отвязное, за гранью ВНД, любопытство — можно оправдываться собственной слабостью и какими-то персональными катастрофами и неудачами. Которые наркотики, якобы, помогают “забыть”. Можно сказать: человек, что сел на иглу или на ‘винт’ – больше не человек, и говорить не о чем. Как об уехавшем за кордон или мёртвом.

“Либо хорошо, либо ничего”. Так как под землю эти люди больше не ходили, такая позиция напрашивалась сама собой. Только отчего-то невероятно-трудно душевно принять её. И пусть эти наши друзья больше не посещали Мир Подземли — “вычёркивать” их из Никитского Круга никому бы не пришло в голову. Тем более, что в городе мы всё-таки иногда общались. Что характерно: при встречах с остальными никитянами наши ‘винтозависимые’ друзья (героинщиков или любителей ЛСД среди них не было) изо всех сил пытались делать вид, что они не наркоманы, что ‘винт’ лишь временное увлечение... На уровне ‘небольшого прикола’. И что без энергетического допинга в нашей жизни порой просто не обойтись. Даже примеры приводили соответствующие – как доза вываренного солутана может поднять человека, буквально лежащего пластом от усталости, и заставить протащить трансы по сложнейшим шкурникам после семикилометрового марш-броска по пояс в снегу при -30° С... Но как бы они не оправдывали своё, поначалу невинное (от отсутствия привычного алкоголя) увлечение — все видели: распад личности имеет место быть. И смотреть на это – в бессилии своём – было мучительно-больно.

Справедливости ради нужно сказать, что в той или иной мере “никитские наркоманы” со временем освободились от эфедринно-солутанной зависимости,—

Те, кто выжил. Обжора и Зелёная Шляпа – нет. Для них суицид оказался единственно возможным выходом. У прочих же произошли столь глубокие разрушения психики, что и теперь они напоминают скорее тени былых себя – чем тех, что были любимы и уважаемы нами в мире Подземли.

: Освободились, когда магазинное изобилие не достигло совковых норм — но стало значительно и несравненно их превосходить. Произошло это через несколько лет, когда от мерзкого мира совка – как казалось нам – не осталось камня на камне. Не осталось его отражений, – в том числе тех, что подразумевались альтернативой совковому бытию. Но составляли вполне неотторжимую часть; так тень немислима без света, день не постичь вне ночи.

Речь идёт о тех, что приходили в наши пещеры, – а также в леса или горы потому, что *бежали мира совка*. И слагали добрую часть нашего несовкового мира.

: Открывшаяся митинговая вольница и самиздатовская фронда оттянули от гор, лесов и пещер немало тех, кто прежде не представлял себе выходных в “проклятом городе”.

Бежать *от города* стало неинтересно. Интереснее стало – оставаться в нём. И делать самому свою жизнь. Или, по крайней мере, верить в это.

: Туризм перестал быть массовым – ибо исчез главный прессинг, что прежде множил его ряды. И не столь *звал* в леса, пещеры и горы — сколь выжимал куда угодно из “совкового города”.

А потому в Никиты, как и в другие подмосковные Системы, стало ходить всё меньше и меньше народу. Зато это были те, кто не ходить – не мог.

: Хмырь каждый отпуск проводил в Москве. Точнее – в Никитах. Отрываясь в их холодке от жары Средней Азии.

Вернувшийся из армии Склизкий Змей, по завершении трёхлетних раздумий, “хорошо разбежался в ЖБК” – и проломился в Синеглазку. Названную им “системой УХА” — ибо, подобно Колумбу, совершив столь замечательное Деяние, поначалу не понял, *куда вышел*. Начав копать ход аж за несколько поворотов и гротов от видимого края Системы, прошёл под её очевидным и зримым “фальш-полом”, – вскрыл десяток совершенно непроходимого вида завалов — и ВЫШЕЛ. Это был Прорыв, которого так долго ждали все, – и это был проход в лишь теоретически существовавшую до того Синеглазку —

: но не с кем было разделить случившуюся радость. Малый Хенк, Сомоса и Мамонт, с которыми Склизкий сотворил сей славный подвиг, больше в Систему не возвращались.

Хенк вошёл в “Мемориал” – работа в нём не оставляла времени на Никиты. Мамонт “отдался автосервису”. И преследованию “чёрных сенсов”, что работали в Третьем Круге. На Никиты не оставалось когда времени, когда денег. А когда и желания: Ванька – человек компанейский. В одиночку под землю практически не ходил, – может, “наевшись по самое ни хочу” гномовского тестирования. Так что редкость нашего тогдашнего хождения в некотором роде подпитывала саму себя: коль возникало желание посетить родные своды, но выяснялось, что никто не может составить тебе компанию — желание пропадало.

: Сап занялся серьёзной геодезической наукой. В результате чего в его лаборатории появился на свет уникальный сейсмо-компьютерный комплекс, что позволял получить точнейшую и подробнейшую *объёмную карту* любого лабиринта – с достоверным прогнозом плотности всех имевшихся в Системе завалов, возможных ходов за ними, – и даже наличия в полости тел людей. *Просто фантастическая* система, оказавшаяся в эти ламбадные годы невосребованной нашей горной промышленностью. Но потенциально способная произвести переворот в спелеотопосъёмке и поисково-спасательных работах, –

Его друзья по курсу, что прежде ходили в Никиты, ушли из науки в коммерцию. Асияй прибил к Московской рок-лаборатории; Президент к джаз-клубу. Потом принял ислам, и музыка кончилась. Асияй, столкнувшись с колбасно-эстрадной действительностью вышедшего из подполья *русского рока*, разбил гитару о стену. «Или всё, или ничего», – сказал он. «Если *это* музыка — я лучше пойду торговать джинсами».

Рашпиль каждые выходные радовал своей гитарой молоденьких каэспэшниц; Лещина устроился в экспериментальную школу “Росток” преподавателем Мастерства и Искусства. Всё время проводил с детьми, – в ответ на его предложения руководству школы “сводить детей под землю” руководство клаустрофобически вздрагивало.

Крэйзи и прочий “беляевский народ” под воительством Бобы ушли в торговлю. Зелёный Змей устроился лесником под Чеховым; купил там дом и переехал на постоянное место жительства. Многие никитяне проводили выходные у него – он же в Никиты выбраться не мог. Так что этот переезд тоже сыграл свою “отсасывающую народ” роль.

Никитский Круг таял – не распадаясь, расширялся, как расширяется Вселенная — перемещаясь в иные области общения. Захватывающие новые городские дела, – не столь меркантильно-мещанские, ибо в нашем городском общении хватало всего: политики, книг, музыки, фильмов, – новых стихов и песен —

– и возникающего чувства *профессиональной реализованности*, –

– не хватало лишь объединивших нас когда-то Никит. Всё больше и больше.

А потому новые прохождения когда-то непреодолимых завалов уже не радовали. Ибо в каждом таком, прежде немыслимом свершении, возникал вопрос:

– *А кому, кроме тебя, это надо?.. И надо-ли вообще???*

“Как встретишь Новый год – так его и проведёшь”.

: 1988 год Никитский Круг встречал у меня дома. На Новослободской. Было очень много народу, и было славно и весело – ведь все мы продолжали общаться в городе; Рашпиль, Мамонт и Асияй периодически заходили ко мне в гости не реже и не чаще других – для Зелёного Змея вообще стало традицией в каждый приезд в Москву “заваливаться ко мне на денёк, чтоб я не очень перенапрягался со своими рукописями”, –

— которыми я в эти годы стал заниматься настолько плотно, что если вставал вопрос: *новая написанная страница или подземный выезд* – выбирал страницу.

... ВСТРЕЧАЛИ В ГОРОДЕ. Впервые за все последние годы.

Что, наверное, было симптоматично.

И пусть это длилось не более, чем год-два, и потом в нашей жизни случилось новое освоение Сьян, а старицкие хаджи захватили с прежде неведомой силой, –

: и Сьяны, и Старица не заменяли Никит.

Да и вершились в ином киоте общения.

Круг остался и продолжил своё бытие, и даже распахивал новые подземные горизонты — вне любимой пещеры. Вне её, объединяющей нас, эзотерики. Её камней, водокапов и гротов. Где каждый камень был *пропитан* касаниями наших рук –

– и отзывался теплом этих прикосновений, –

Не очень долгое — но очень важное время.

Впрочем, для кого-то оно стало действительно долгим.

А для кого-то так и не кончилось.

* * *

... Зимой 1988 года мы со Склизким Змеем очередной раз осматривали окрестности Девятки. Казалось, хоженные-перехоженные, –

: в дальнем аппендиксе, наклонившись к явному моно-

литу, увидел – это просто перекрывающий бывший штрек булыган. И он не сел до самого низа. Заглянув в оставшуюся щель, обнаружил: низкий, сплюснутый проход – на грани проползания по нему (со стороны непроползания) уходит вперёд. Из него дул воздух. Что однозначно говорило о “более чем просторных объёмах” за случившимся обрушением. Причём местонахождение и направление аппендикса ясно указывало: дует не из Бородинских Полей — из некой Системы, что лежит правее Никит.

: Правее Никит была легендарная Звёздочка – система, вход в которую был вскрыт Петей-Кротом и проходим в начале семидесятых. Из Звёздочки, по словам ЮДА, можно было попасть в Никиты через жуткий шкуродёр, а потом “огромные штреки, не уступающие Бродвею и Футбольным Полям ЖБК”.

Щель перегораживала упавшая и нагруженная верхним “чемоданом” крепь. Перед ней был слой окаменевшей глины. В глине – ясный отпечаток подошвы ботинка. Или сапога. В месте, где даже пустой ботинок для создания нужного отпечатка было проблематично поставить.

Теперь – знаю: до Мартингала от этого места по нашей современной топосъёмке оставался какой-то пяток метров. Из Бородинских Полей в Мартингал можно было пройти, лишь отодвинув пару камней, что прислонил к открытому Бородой проходу Хмырь. Из системы Шкварина – вообще пройти, “яко по штреку”. То есть ничего не раскапывая. Сколько нам со Склизким оставалось до открытия Мартингала???

: Теоретически, конечно, можно было копать. Хотя бы попробовать. Вначале выгрести глину перед проходом, – убрать сзади и с боков мешавшие камни, – выгребая глину и щебень с пола, проползти, сколь можно, вперёд — ножовкой на вытянутой руке перепилить крепь, зафиксировав верхний “чемодан” от падения, –

– Ну его к бесу, – сказал Склизкий. – Надоело. Кому оно надо???

: Через какое-то время этот проход рухнул. Похоронив под неразгребаемым “циклопником” все подходы к нему.

Возможно, если б мы ринулись его вскрывать, погибли под тем завалом.

Но быть может – коль зафиксировали верхний чемодан и подступы к раскопу, обвала бы не случилось. Ибо без такой фиксации мы не приступали в Никитах ни к одному подземному вскрытию.

: Через день-другой работ мы бы вышли в Мартингал, а из него — в Звёздочку.

Возможно, присоединение к Никитам столь огромных объёмов произвело бы тот же “объединяюще-возвращающий” эффект, что последующее вскрытие Съян.

– Всё возможно. А потому фантазировать на эти темы можно долго.

Но история не знает сослагательных наклонений.

Когда накануне 2000 года Глеб открыл Мартингал, проход в Звёздочку ещё был – в виде хорошо накатанного шкуродёра. Но слишком узкого и мокрого от сочащейся сверху капли. К тому же нуждавшегося в разборе явно свежего

обрушения его дальней части. Поскольку в Мартингале хватало непройденных полноростных ходов, в шкурник этот никто не совался. А затем проход в Звёздочку вместе с подходами к нему рухнул — всё по тому же сценарию, по которому падают любые подземные ходы.

: Которые заботливая человеческая рука не поддерживает в противообвальном состоянии.

* * *

– Из Серёжи Лещины:

*: Мы проиграли эту войну.
Мы разбрелись по обломкам державы.
Полно насвистывать гимн Окуджавы —
Мы проиграли нашу войну.*

*Мы друг от друга — встречая своих —
Дальше и дальше при каждом свиданье.
Пятой колонны лесные скитанья:
Много-ли чести остаться в живых?*

*Мы проиграли нашу войну:
Нас покупают по бросовым ценам,
Мы разучились быть ясным и цельным —
Мы проиграли эту войну.*

*: Ждать и надеяться — всё ремесло.
Жили, как пели, — и пели, как жили;
Тоже, что головы мы не сложили —
Мы не успели. Нам повезло...*

*Мы – проиграли.
Мы на мели.
Мы не отсюда – нам поздно меняться!
Можно лишь перед собой оправдаться
Тем, что мы делали — всё, что могли.*

*: ТЕМ, ЧТО МЫ СДЕЛАЛИ ВСЁ.
ЧТО СМОГЛИ.*